

Дарина Грот

Познакомимся?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарина Грот

Познакомимся?

<https://litres.ru/74672879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первокурсница Ольга чувствует себя неудачницей: пока у сверстников кипит личная жизнь, у неё — пустота. Решив хоть как-то это исправить, девушка регистрируется на сайте знакомств в надежде найти если не любовь, то хотя бы парня, чтобы не быть белой вороной. Но знакомство с мужчиной старше и опытнее оборачивается для неё настоящим потрясением — оно буквально переворачивает её жизнь с ног на голову.

Произведение содержит сцены жестокости, сексуального характера и нецензурную лексику. Не рекомендуется несовершеннолетним, а также людям с чувствительной или неустойчивой психикой.

Все персонажи, события, организации и совпадения с реальными людьми — чистый вымысел.

Автор не одобряет и не пропагандирует деструктивное поведение героев; все элементы использованы исключительно в художественных целях для раскрытия сюжета и атмосферы.

Содержание

1	5
2	7
3	13
4	27
5	36
6	90
7	131
8	185
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Дарина Грот

Познакомимся?

Выражаю искреннюю благодарность автору Инышэнь за неоценимую литературную поддержку и творческий вклад в создание романа «Познакомимся?»»

1

Было около 12 ночи, когда Оля закрыла учебник по физике. Закрыла, вздохнула и посмотрела опустошённым взглядом на стену. Там застыл жирный круг искусственного света, окружённый расползающейся темнотой. Не любила Селивёрстова физику, но, будучи студенткой первого курса педагогического института, без этого предмета не обойтись, да и зачёт по нему не за горами. Сложный предмет, сложный преподаватель, да и вообще, вся её жизнь Оле казалось сложной, и усложнялась она с каждой минутой.

«Жаль, папа уехал, он бы помог мне сейчас», — с сожалением подумала Оля и закрыла глаза, сидя за столом. Её отец работал вахтовым методом и месяц был дома, а месяц отсутствовал. Идти к маме за помощью по физике — это, наверное, самая глупая затея. С физикой к домохозяйке со стажем? Вот если к ней прийти с вопросом о кулинарии или как вывести пятна с одежды, цветы вырастить — мама без проблем бы помогла и показала. Но физика — это только к папе. Папа — инженер по образованию, работает в научном центре на севере страны, и все точные науки ни грамма сложностей у него не вызывали, в отличие от мамы.

Оля уже пыталась просить маму о помощи, но ещё в четвёртом классе получила отказ. Тогда мама прочитала недолгую нотацию, что, мол, с этого момента рассчитывай только

на себя, родители не вечные: завтра можешь проснуться, а нас нет — к кому ты пойдёшь? Никто не будет решать твои проблемы, кроме тебя. Они никому не интересны, поэтому давай как-нибудь сама.

— Чёртова физика! — буркнула Оля и всё же встала из-за стола.

Как ни крути, время позднее, пора бы и спать: перед смертью всё равно не надышишься, а контрольную по физике завтра сможет отменить только невообразимое стечение обстоятельств. Смерть преподавателя? Маловероятно. Иван Васильевич был в расцвете сил: ему было около сорока лет, и он явно умирать не собирался. Несчастный случай? Да тоже вряд ли: человек, который знает физику как свои пять пальцев, скорее всего, каждый свой шаг рассчитывает этими адскими формулами, от которых Ольгу тошнить начало ещё в седьмом классе, когда эта проклятушая физика только началась.

Надо было на филфак идти: ни физики, ни математики. На кой чёрт послушала маму и пошла туда, что сама мама не закончила. Из-за этой же физики, кстати. Предметная тупость, похоже, тоже передавалась по наследству, и мама в этом вопросе явно постаралась.

Оля выключила свет и рухнула в кровать, практически мгновенно уснув.

Снег толстыми снежинками заполнял собой улицу, укрывал машины и деревья. Люди неспешно двигались в сторону автобусной остановки. Тротуары занесло: вокруг не было видно ни одного дворника. Время — около семи утра. Ничего не очищено, ни одной снегоуборочной машины в поле зрения. Только бредущие люди, головы которых медленно и мягко покрывают хлопья снега, остающиеся на сумках и рюкзаках. Тишина. Утренняя, зимняя. На дворе шикарный декабрь: зима расширяла свои королевские границы.

Оля брела на остановку. Медленно и нехотя: первая пара и контрольная по физике. Спешить явно не хотелось, так как Оля всё ещё лелеяла надежду, что Иван Васильевич если и не умрёт (тем более желать человеку смерти только из-за контрольной — весьма дурная прихоть), то хотя бы ногу сломает... Да кого она обманывает? Девушка лучше всех понимала, что, сломай Иван Васильевич ногу, он бы всё равно приполз в институт, заставил-таки группу писать контрольную, а потом поехал бы в травмпункт. Так что здесь сработала бы только случайная смерть.

Оля залезла в автобус и уселась у окна. На удивление, народу было немного. Хотя тоже ничего удивительного — в декабре многие люди исчезают с утренних рейсов: кто-то в отпусках, кто-то болеет; так или иначе, народ действительно

исчезает и даёт возможность работягам и учащимся почти в тишине и покое добраться до своих мест каторги. Оля достала учебник по физике и, с грустью на лице, в глазах, в душе, уставилась на проклятушие формулы, ни черта не смысля ни в них, ни в их применении.

В кармане то и дело вибрировал телефон: институтский чат уже проснулся. Оля старалась не обращать на него внимания, не отвлекаясь от попытки понять и запомнить белиберду в учебнике, хотя ей чертовски было интересно узнать, что за активность в группе с утра пораньше. Почувствовав очередное уведомление, девушка не выдержала, захлопнула учебник и вытащила телефон. Да, она оказалась права: однокурсники не спали, активно обсуждали предстоящую контрольную — кто и как готов, как готовились, сколько шпаргалок написали, с какими формулами. В чате разрабатывались стратегии и планы: кто, с кем и какими шпаргалками будет делиться, в какой момент, по каким сигналам. Оля с улыбкой на губах читала, как мальчишки — то небольшое количество, умудрившееся попасть на педфак, — задорно и непринуждённо решали, как лучше действовать. Пятеро. Всего пятеро мальчишек и двадцать пять девчонок.

Оля была уверена: за перепиской мальчишек с улыбкой на губах следила не только она, но и остальные барышни группы. Оно и не удивительно. Пять на двадцать пять — это брошенная пачка денег в снующую туда-сюда толпу: хотят все, но урвут самые ловкие и быстрые. Оля знала, что ни к

ловким, ни к быстрым отнести её нельзя, и харизматичный Колька Аксёнов будет забран не ею.

На Кольку засматривалась добрая половина группы, ещё и девчонки с параллельных потоков. Парень, конечно же, красавец, ничего не скажешь: высокий, статный, черноглазый, с густой тёмно-коричневой шевелюрой. На лице всегда добродушная и весёлая улыбка, озорство в глазах, ребячество в движениях. Он умел напустить на себя серьёзный вид во время ответов на лекциях, толку от которого было мало. Тройки ловил только так, но радовался и им, будто «отлично» получил.

Мальчишки! Что с них взять. Они всегда более рационально и скептически относятся к оценкам: не «параша» — и чудно, всё остальное проходное, а значит, и диплом придёт, а потом и работа. Всё нормально, гребём и плывём дальше, ведь 99% работодателей в принципе не интересуется, пять или три у тебя по физике, если ты, конечно, не физик-ядерщик. Их больше интересует, что там с твоим опытом. Есть ли он? Да и как подвешен язык.

Девчонки же в большинстве своём паниковали из-за отсутствия хороших, скажем, положительных оценок, воспринимая их как некую панацею, которая непременно устроит их жизнь лучше, чем жизнь троечников. Это только с опытом понимаешь, что в кресле генерального директора огромной компании, рост которой превышает все допустимые планы, сидит Вовчик, которого всю школу гоняли с уроков с по-

зором как самого никудышного ученика, «из которого ничего хорошего не вырастет», а ты со своим красным дипломом носишь ему утренний кофе и придумываешь, как получше обозвать свою должность секретутки, чтобы потом твоя же трудовая не сыграла против твоей же карьеры.

По большей части здесь проявляется влияние социума, под гнёт которого незаметно и бесповоротно попадает большинство родителей, начинающих требовать от своих чад учиться на одни пятёрки. А задавался ли кто вопросом: для чего? Светануть на работе умным ребёнком, учащимся на отлично? Забавные правила игры, ничего не поделать.

Родители Ольги давали ей больше свободы. Они как раз относились к той немногочисленной категории, считающей, что главное — получить чёртову корочку о наличии высшего образования. В трудовом обществе нужна бумажка, подтверждающая, что неким волшебным образом ты всё же справился с этим квестом, окончил финальную ступень обучения и теперь пригоден к работе. Оля это знала. Её родители это знали. Их цели совпадали.

Но не очень-то Оле хотелось учить физику, о которой она и вовсе позабыла, зачитываясь смешными сообщениями Николая. Вот человек, полный уверенности: ничего не знаю, но спишу и получу свою четвёрку, а может, даже и пятёрку — наравне с теми, кто весь семестр рвал свои пятые точки, не поднимая головы, уча эти мрачные формулы, пока он тусовался, развлекался и наслаждался молодостью.

Оле нравился его оптимизм и умение не унывать. Да чего уж там! Стоило признаться хотя бы самой себе в некой симпатии к этому юноше. Но Оля своё пристальное внимание к Кольке называла как угодно, но только не симпатией. Ей абсолютно точно нравилась его харизма, лёгкость и общительность и куча других эпитетов и описательных существительных, которыми девушка оправдывала себя и свой взгляд на парня.

Ещё в сентябре, когда Оля впервые пришла в институт на первую лекцию, она сразу же обратила внимание на шепотного парня, который на первой же перемене протягивал всем руку, здоровался, представлялся Николаем и говорил много позитивных, воодушевляющих слов. Колька всегда улыбался: даже в моменты, когда он старался сохранять серьёзность на лице, его глаза всё равно продолжали лучиться теплом. Его позитив казался Оле явным знаком того, что Колька — просто хороший друг. Мог бы быть хорошим другом, но девушка не спешила сближаться.

Да и парень не особо проявлял себя по отношению к Оле. Он больше кружился около Лены Ковалёвой и её своры подружек. Оно и понятно. Ленка — эффектная шатенка с выразительными глазами, а на её губах всегда сияла ярко-красная помада. Порой Оле казалось, что даже преподаватели мужского пола нет-нет, да и бросали тайные взгляды на сочную молодую девушку, сидящую на предпоследней парте.

Оля реалистично оценивала себя и понимала, что она не

то что не может тягаться с Леной. Про таких, как Оля, чаще всего говорят «серая мышь». Но «серая мышь» была довольно общительной — просто она либо ещё не умела, либо природа обделила её женским умением одним взмахом ресниц соблазнять толпы мужчин. Да и вообще, не нужен был ей этот Колька. Только как друг. Был бы как друг...

Так ничего не успев повторить и выучить, Оля сменила автобус на метро. Вагоны прибывали забитые людьми, и там уже не было так свободно, как в автобусе. Оля втиснулась в вагон, даже не пытаясь вытащить из висящего в руках рюкзака физику...

«А вот Ленка всегда с изящными сумочками ходит... Как она только умещает все учебники?..» — Оля вздохнула.

Лёгкий толчок локтем в бок. Кто-то наступил на ногу. Поезд вырвался из туннеля, тормозя. Оля закатила глаза. Она ненавидела час пик и дни, когда была вынуждена ехать к первой паре, прорываться сквозь толпу «счастливых» людей, где всем плевать друг на друга, где можно толкнуть кого-то, да ещё и на три буквы послать. Столько утренней агрессии проходило сквозь тело, пока доберёшься до института! Но то утро было одним из тех самых редких исключений, когда часть души разогревал позитив чата: народ неугомонно строил сообщения, читая которые невозможно было не улыбнуться.

— У вас есть час, — сообщил Иван Васильевич, усевшись за стол и внимательно окинув студентов зорким взглядом. — Я слежу за каждым из вас. Замечу за списыванием — считайте, что работу вы закончили, и оценка — «неуд». «Неуд» — это недопуск к сессии. Понятно?

Студенты, сглотнув комки нервозности и переглянувшись, кивнули. Вряд ли этот массовый кивок можно было бы назвать кивком понимания — скорее, кивком принятия вызова.

Ольга с грустью смотрела на листок А4, лежащий перед ней на столе. Это жесть. Ничего из того, что было в заданиях, она почему-то не успела прочитать, и дальнейшая работа предвещала катастрофу. Фееричную и эпичную, плавно перетекающую в провал на первой же сессии.

— Сели... — едва слышный шёпот, заглушённый шуршанием бумаги, донесся до уха Ольги. Звук был такой, что девушка даже не особо поняла, кажется ли ей или она действительно что-то слышит.

— Селивёрстова! — вновь шёпот, но уже чуть-чуть громче. Звук шуршащей бумаги тоже усилился, но не смог заглушить звучание фамилии. Всем известно, что слух студента острее, чем слух дикой кошки в саванне.

Оля, не двигая головой, лишь скосила глаза в сторону зву-

ка и едва заметно кивнула.

— Вариант? — тот же шёпот.

Оля подпёрла голову рукой, вытянув указательный и средний пальцы, остальные сжала в кулак.

— Селивёрстова! — уже довольно громко раздался голос Миши с соседней парты.

— И что у вас там? — тут же всполошился Иван Васильевич.

— Ничего, — Миша перевёл взгляд на преподавателя. — Оля карандаш попросила. Можно поделиться запасным?

Преподаватель внимательным взглядом буравил студентов, затем медленно кивнул в знак согласия, и Миша протянул Ольге карандаш, сжимая между пальцами крохотную бумажку с ответами по второму варианту. Изящно, словно кобра в танце, Ольга забрала и бумажку, и ненужный карандаш.

Именно эта акция бурно обсуждалась в сообщениях между ребятами утром, разрабатывались планы, как и кто будет узнавать и передавать ответы. Миша Рогачёв, хитрый лаборант по всем предметам, где только можно было быть лаборантом, регулярно и очень даже успешно таскал решения по контрольным и тестам для всей группы. Ему это ничего не стоило, а добро другим делалось.

— Оль! — позвала Соня подругу на перемене, заметив, как та вздохнула с облегчением и принялась упаковывать вещи в рюкзак, едва прозвенел звонок.

— А? — откликнулась Оля.

— У тебя какой вариант был?

— Второй.

— Мишка правильный передал?

— А я почём знаю? Они для меня все на одно лицо, что второй, что первый.

— У меня первый был. Я проверила те задания, что знаю,

— вроде сходилось с тем, что было в ответах.

— Ну и чудно, — Оля улыбнулась и накинула рюкзак на плечо. — Пошли?

— Ага! — едва Сонька развернулась к дверям, как аудиторию наполнил залиvistый смех Кольки. Он был в компании ребят и... Лены.

Обе девушки остановились и посмотрели на смеющегося: Соня с интересом, а Оля с наслаждением.

— Когда же ты осознаешься в том, что тебе нравится Аксёнов? — Ольга услышала вопрос сквозь поток мыслей, щедро разбавленный картинками с изображением парня.

— Что? — Оля взглянула на подругу.

— Нравится ведь он тебе! — Соня утвердительно кивнула в сторону хохочущих.

— Кто?

— Аксёнов! Кто ж ещё! — Соня хихикнула и с подозрительным прищуром посмотрела на подругу.

— Да ну! — отмахнулась Оля. — Брось. Просто забавный парень, как и другие. Что, по-твоему, они все мне нравятся,

получается?

— Не знаю насчёт всех, а Аксёнов — точно!

— Пошли, хватит уже глупости болтать! — Оля прошла вперёд, а Соня продолжила хихикать, направившись за другой.

Проходя мимо веселящегося Коли, Оля не смогла не взглянуть на него. В этот момент их взгляды встретились, и Оля наконец осознала: да, он нравится ей. Ей нравилось в нём всё: его игривые глаза, озорная, такая ещё мальчишеская улыбка. Очень нравился его рост — прямо мурашки бежали по спине, когда парень глядел на неё этим особым взглядом сверху вниз. Нравился его голос, не так давно сломавшийся, превратившийся в грубый, низкий мужской баритон, обёрнутый царским бархатом. Очень нравилась его речь, нравилось, как замирало её сердце, когда она слушала этот льющийся шёлк, облачённый в слова. Не резкие и не грубые. Аксёнов почти не ругался матом — уж точно не в общении с девочками (с ребятами мог позволить себе пропустить пару-тройку колких словечек).

Ольге нравились в нём джентльменство и вежливость. К каждой девочке в группе — и не только в группе — Колька относился как к юной нежной фиалке, к чему Оля, полгода назад окончившая школу, абсолютно не привыкла. Она часто вспоминала своих одноклассников и задавалась только одним вопросом: ну почему в её классе были такие придурки? Почему не было ни одного Аксёнова? В параллельных

классах то же самое: придурки. Или ботаники, которые в целом были индифферентны к окружающему миру и происходящим в нём событиям и проявляли хоть какие-то признаки жизни только когда в классе появлялся педагог.

Познакомившись с одноклассниками, Ольга не узнала тех придурков, с которыми привыкла общаться, которые то за волосы дёрнут, то сопрут что-нибудь, сопровождая любую активность отборным матом, от которого уши вянут. А ведь эти пятеро тоже только вышли со школьной скамьи. Но именно Аксёнов незаметно завораживал Ольгу. Вот что-то такое выражали глаза девушки, смотрящие в бездну глаз парня. Его же взгляд выражал совсем иные мысли: «Оля! Ты такая милая девчонка, давай я дверь тебе открою!» И всё. Всё! Ничего больше Оля не смогла разглядеть в его глазах. Зато она явно видела бушующий пожар влечения и страсти, когда он смотрел на Ковалёву.

Оля усмехнулась про себя над своей наивностью и прошла мимо.

— Вот дура! — едва слышно прошептала она, не удержавшись, оскорблённая собственной простодушностью и детскими мечтами. Как вообще могла подумать, понадеяться на взаимную симпатию от такого парня? Ну дура! Что с дураков взять — понять и простить. Хорошо хоть ни с кем не поделилась чувствами. Вот смеху было бы.

— И не говори мне больше про Аксёнова! — шикнула Оля на идущую рядом Соню.

Девушка скривила лицо в недоумении.

— Я разве что-то говорила?

— Вот и не говори! — Ольга ускорила шаг.

Соня пожала плечами и, ничего не понимая, пошла вслед за подругой.

В этот день Оля хотела, чтобы лекции скорее закончились и позволили ей сбежать из стен института с горящими от стыда щеками. Именно о вспыхнувшем чувстве стыда Оля и не хотела, чтобы кто-то узнал. Ей казалось, что любой, кто на неё посмотрит, сможет в одно мгновение понять всю картину полноценно и безошибочно. А ей зачем это? Это же позор, который разойдётся мерзкими, обросшими ложными подробностями слухами. Как работают слухи, Ольга знала не понаслышке. Школа не прошла бесследно, и, помимо базовых знаний по общеобразовательным предметам, Оля вынесла много других уроков, никак не связанных с учёбой.

Она сама становилась жертвой слухов. Как правило, хороших слухов не бывает: они все смешаны с грязью, насмешками, порицанием и высмеиванием. По крайней мере, Ольга в школе не видела позитивных слухов. Не было такого ни разу, чтобы разукрашенные, как индейцы перед войной, одноклассницы в курилках перед началом урока с воодушевлением обсуждали очередной отличный ответ или успехи сокурсниц. Никогда они не говорили, что девочка — молодец, с таким усердием и рвением обязательно поступит на бюджет в вуз, в который захочет, сможет обеспечить свою жизнь и бла-

бла-бла. Обычно говорили, что пятёрку поставили только потому, что препод — мужик, у девки самые большие сиськи или же дорогу в жизнь она будет прокладывать через постель и всё в том же духе. Олю же слухи обвиняли в том, что она больна синдромом Дауна, у неё аутизм или ещё что-то такое — в общем, явно она не здорова. Так было до девятого класса, пока за Олей не начал ухаживать парень из параллельного класса, и «аутизм» тут же превратился в «шлюху», «подстилку» и иже с ними.

Оля даже не пыталась опровергнуть то, что о ней говорили. Зачем? Толпу переубедить сложно, надо обладать экстраординарным талантом оратора и психолога в совокупности, и то не с первого раза. А уж толпу школьников, в чьих головах бушует буран гормонов вместо мозгов, переубедить вряд ли под силу даже суперспособному говоруну.

Но как назло, день тянулся крайне медленно. Пары превращали полтора часа в целые жизни, объятые бесконечностью. Оля старалась не смотреть в сторону Кольки, но чётко чувствовала на себе взгляд. Не его. Краем глаза она заметила, что её буравит взглядом Лена. Буквально испепеляет — тяжёлым, злым огоньком желчи. Значит, даже Ковалёва заметила, что именно проскочило во взгляде Ольги в момент, когда они с Колей встретились глазами. Это совсем не понравилось Ковалёвой. То, что Лена положила глаз на Аксёнова, знала вся группа, а те, кто не знал, очень явно догадывались. А Оля раньше и не задумывалась об этом. Она про-

сто знала, что Аксёнов вечно тёрся около Ленки — ему там словно мёдом было намазано.

Ну тёрся и тёрся. Это ещё ни о чём не говорит, а если и говорит, то точно не о большой любви.

— Чёрт! — тихо выругалась она и потёрла лицо.

— Ты чего? — прошептала рядом сидящая Сонька.

— Ничего, — Оля тут же покачала головой и улыбнулась.

— Всё нормально.

— Точно?

— Угу, — Оля взялась за ручку и снова попыталась конспектировать лекцию по литературе.

— Чего ты там пишешь? — хихикнув, спросила Соня.

— Какую-то фигню. Вообще не знаю, зачем и что пишу,

— Оля положила ручку.

— Вот так-то лучше. Ишь чего удумала! Литру писать!

Оля вздохнула. Что ж, она со всех сторон выставляет себя в совершенно идиотском свете. Ладно, перед Соней. Соня — подруга и видела Олю в ещё более идиотском свете, когда у той на пятой точке разошлись физкультурные штаны по шву. Хорошо, что дальше раздевалки Оля не успела выйти. Но вот Аксёнов и Ковалёва! Не настолько близко Оля с ними общалась, чтобы быть идиоткой ещё и в их глазах.

Просто странный день. Неудачный. Такое бывает. Бывает у каждого, когда выходишь на улицу и уже понимаешь, что сегодня что-то не то. Жаль, что Оля поняла это только по окончании первой пары — можно было бы по-другому пере-

играть минувшие события. Но у любого прошлого есть наипоганейшая черта — ничего нельзя исправить. Ничего. Действие состоялось. Слова сказаны. Всё. Дальше только жить с хорошим или плохим опытом.

На столе загорелся экран телефона Ольги. У соседки тоже. Обе девушки, как хамелеоны, одним глазом продолжали смотреть на распинаящегося у доски преподавателя литературы, а другим — уставились в свои телефоны. Опять Аксёнов.

— Пойдём? — спросила Соня, заёрзав на месте.

— Да ну-у, — протянула Оля и заблокировала телефон.

— Что значит «да ну»? Пошли! Пару часиков посидим с ними и по домам.

— А домашка?

— К чёрту домашку! — фыркнула Соня. — Не успеешь, что ли?

— Вообще-то нет.

— Вообще-то забей на неё. Пошли. Не так часто собираемся группой. Аксёнов наверняка из параллели выдернет кого-то.

Оля вздохнула. Пойти в паб со всеми — неплохая идея. Но забудут ли они об утреннем инциденте или весь вечер она будет вынуждена ловить на себе насмешливые взгляды и безмолвные укоры Ковалёвой?

— Тем более это недалеко отсюда: закончим пары и сразу туда. Весело же будет.

— Откуда ты знаешь?

— А как ещё может быть? Все наши ребята собираются.

— Чёрт с тобой, пошли, — отмахнулась Оля и поставила в мессенджере галочку напротив варианта «да, я приду».

К удивлению, опрос в чате имел сто процентов положительных ответов. Никто из группы не собирался пройти мимо намечающегося огонька.

На переменах Оля видела, как Колька и Миша общались с ребятами с параллельного потока и со старшекурсниками. Нетрудно было догадаться, какова была тема разговора. Значит, Аксёнов решил подбить пол-университета на пьянку посреди недели. Завтра добрая половина тех, кто после пар окажется в пабе, не окажется в институте. Счастливые люди! С мамой-домохозяйкой прогулять учёбу невозможно. Даже лишней минуточки поспать не удастся, потому что под монотонное «Оля, вставай, опоздаешь» спать просто нереально. Хочется поскорее уйти из дома, чтобы не слушать маму и её специфический чек-лист того, что сделано или не сделано. Так как папа на вахте, маме некому грузить мозги или «заботиться», как она сама это называла. Оля идеально подходила на эту роль. Самое страшное, что маме нельзя было возражать: это обижало её, и в ответ начинал звучать стандартный манипулятивный набор фраз, вызывающий к совести неблагодарного ребёнка. Поэтому в пабе не стоило усердствовать со спиртным: чтобы утром быть просто не выспавшейся, а не ещё и с бодуна вдобавок...

— Соня! — заплетающимся языком позвала Оля подружку, дёргая её за рукав, пока та, полуобнимаясь, общалась с каким-то второкурсником.

— А? — Соня повернулась к Ольге. — Чего?

— Пойдём?

— Куда? — удивилась девушка. — Самый разгар вечеринки, а ты — «пойдём»! Совсем, что ли?

Оля отпустила рукав подружки, и та продолжила строить глазки собеседнику. Ольга вздохнула и встала из-за стола, чувствуя, как выпитое давит на мочевой пузырь. Тело немного затекло, мышцы так сильно расслабились, что Ольге пришлось приложить усилия, чтобы заставить их слушаться и направить стопы в сторону туалета.

В дверях женского туалета Оля буквально столкнулась нос к носу с Колей, больно ударившись пальцем о его грудь.

— О чёрт! — проскулила она, схватившись за палец.

— Ой! — брякнул парень и отступил назад. — Прости.

— Ты чего здесь делаешь? — возмутилась Оля. — Мужской справа от входа!

— Извини! — ещё раз извинился парень и с довольной улыбкой побежал дальше.

Ольга посмотрела ему вслед и зашла в туалет.

— М-м-м! — довольно промышчала Ковалёва, увидев зашедшую в туалет Ольгу. — И ты здесь!

Ольга с испугом уставилась на Лену, поправлявшую у зеркала чуть размазанную красную помаду. Ковалёва стёрла

салфеткой помаду с кожи под нижней губой и, уперев одну руку в бок, а второй облокотившись на раковину, уставилась на ничего не понимающую Олю.

— Что? — пожала плечами Оля, принимая вызов Лены.

— Ты положила глаз на Аксёнова? — с долей наезда, по змеиному прошипела Лена, и сложила руки на груди.

— Чего? — удивилась Оля, слыша, как сердце бешено заколотилось, отдаваясь эхом в висках.

— Я сегодня видела, как ты смотрела на него!

— Тебе показалось. Он мне не нужен.

— Или ты ему не нужна? — с издёвкой предположила Лена.

— Если тебе будет легче, то мы друг другу не нужны: я — ему, он — мне.

Лена прищурилась и пронзительным взглядом посмотрела в глаза сопернице, медленно подошла к Ольге и гордо вскинула голову.

— Он — мой! — её голос звучал угрожающе холодно.

— Да и пожалуйста, — Ольга снова пожала плечами, — у меня вообще-то парень есть. — Она тоже сложила руки на груди, решив, что в данной ситуации нападение будет лучшим ходом.

— Да неужели?! — со смехом удивилась Ленка и даже руки разжала. — Смешно.

— Что смешного? — смутилась Оля.

— То, что ты ещё мужика не нюхала, а рассказываешь мне

о наличии мифического парня!

Оля поджала губы, нахмурилась, и попыталась сделать максимально безразличный вид.

— Короче, я в твоём грязном белье ковыряться не хочу, — продолжила Лена, — мне плевать, есть у тебя кто или нет. Мне надо, чтобы ты даже в сторону Аксёнова не смотрела, не то что на него.

— Я и не смотрела на него! — Ольга продолжила настаивать на своём.

— Надеюсь, ты меня услышала, — Лена ещё раз взглянула на своё отражение и вышла из туалета.

Оля посмотрела ей вслед и сжала кулаки. Злость разгулялась по телу, дёргая то одну мышцу, то другую. Но с другой стороны, Ольга восхищалась смелостью Лены: сама Оля никогда не смогла бы так вот защищать свои чувства.

— Совет вам да любовь! — шикнула Ольга и вышла из туалета.

Даже перехотелось заходить в кабинку. Она поспешно вернулась к столу, вытащила две тысячи рублей, бросила их на стол и ушла, ни с кем не попрощавшись. Ей было обидно, досадно и грустно. Отдавая себе отчёт в том, что её симпатия была далека от того уровня влюблённости, который ей пытались навязать окружающие, Ольга приходила в ярость, скрывать которую она уже едва могла.

Что за самомнение? С чего они решили, что знают лучше и больше о человеке, чем сам человек о себе? Как так полу-

чается? Как так получается, что им нельзя доказать обратное? Что, доказывая обратное, ты хоронишь себя ещё глубже? Что за вздор? Устойчивое мнение социума — это хлеще непрошибаемой геометрической аксиомы.

Ольга спустилась в метро. Было около двенадцати ночи. Обещанные Соней «пару часиков» затянулись и умножились как минимум вдвое. Спать Ольге не хотелось: с приходом злости выветрился даже алкоголь. Девушка просто сидела в полупустом вагоне и смотрела на обшарпанный пол поезда, на крапинки, засеявшие всё покрытие, на мусор, который едва был различим на фоне этих крапинок, на пятна...

Ольга смотрела и думала, нагнетала. Внезапно ей стало страшно за своё будущее в институте. Ведь она только полгода назад появилась здесь, и у неё после школы была колоссальная возможность проявить себя по-другому, снять с себя ярлыки, которыми её обвешали одноклассники. И она так паршиво упустила эту возможность — только из-за стечения нелепых обстоятельств и нерадивого мыслительного процесса нынешних сокурсников!

Теперь всё будет по-другому, теперь надо заставлять их считать и думать по-другому. Последнее, чего Ольга хотела бы, — это чтобы они думали о ней как о собачонке, бегающей следом за каким-то парнем.

— Свалила вчера, даже не попрощавшись! — обиженно бубнила Соня.

Девушка вздыхала и часто тёрла лоб. Выглядела она уставшей и хандрящей, несмотря на то, что было раннее утро и ещё не началась первая пара. Русые волосы вместо привычной причёски торчали в разные стороны. Грязные волосы. Скорее всего, Соня ввиду утреннего состояния не то что не успела помыть голову — она просто не смогла этого сделать. Глаза ненакрашенные, отчего девушка казалась бледной как полотно, ибо серые радужки на фоне светлой кожи практически потерялись, оставив лишь изредка меняющие диаметр зрачки. И, конечно же, вокруг зависло облако перегара.

Соня не ждала ответа на свою претензию — так, по крайней мере, решила Оля. Так уж случилось. Это факт. Да, она ушла, не сказав никому ни слова. Теперь что? Это надо обсудить? Зачем? Может, извиниться? Тот же вопрос — зачем? Самое оптимальное, что решила сделать Ольга, — это проигнорировать, сделать вид, что ничего не слышала. Но девушка ошиблась в своих предположениях.

— Что вчера случилось? — спросила Соня.

— Ничего. Я утомилась, — пожала плечами Ольга и посмотрела в сторону.

— Утомилась? — Соня даже не пыталась скрыть недоуме-

рие. — Звучит как плохо поставленный спектакль детского утренника.

Ольга снова пожала плечами и покачала головой, ничего не ответив. Ей очень не хотелось обсуждать вчерашний вечер — худший вечер в её жизни. Как, впрочем, и сам день. Но любопытство подружки не собиралось отступать. Любопытство в принципе плохо знакомо с рамками морали и этики: ему плевать, какую струну оно дёрнет в душе человека и какой шквал эмоций вызовет.

— Ленка весь вечер после твоего ухода смеялась над тобой, что ты втрюхалась в Аксёнова, ну и всё такое, — Соня вопросительно взглянула на собеседницу.

Ольга мгновенно покрылась пунцовыми пятнами, а глаза наполнились обидой. Она сжимала ремешок рюкзака, бесконечно перебирая его пальцами.

— Что? — прилипшим к нёбу от сухости языком прошептала она.

— Ну как-то так, — Соня зевнула и улыбнулась. — Я так и знала, что ты не просто так засматривалась на Кольку.

— Ты-то хоть прекрати! — огрызнулась Оля и оглянулась, посмотреть, не слышит ли кто их разговор. — Ты кому поверила? Ей просто нравится так думать, вот она и думает, и всем подряд рассказывает это, выдавая желаемое за действительное. И ты такая же! У меня парень есть. Зачем мне Колька?! — злым шёпотом возмутилась Ольга.

— Парень? — из всего монолога Соня услышала только

это слово. — Почему я только сейчас узнаю об этом? Мы с тобой так много общаемся, и ты ни разу не говорила о том, что у тебя есть парень!

Ольга быстро отвела взгляд и почувствовала, как стыд неуклюжими толстыми пальцами начал щипать за щёки, снова окрашивая кожу в насыщенный пунцовый цвет. Сердце участило свой ритм, будто само находилось в предвкушении того, как сейчас придётся выкручиваться. А разум только и шептал внутренним монологом: «Ну и к чему эта ложь?».

— А ты не спрашивала, — буркнула Оля, мечтая, чтобы эта необдуманная тема прекратила своё существование. — Ты реферат по биологии сделала?

— Какой реферат? — возмутилась Соня.

Ольга наконец осмелилась взглянуть на подругу: у той сверкали глаза, и это сверкание Ольга знала — любопытство. Соню сейчас не интересовал никакой реферат, никакая биология, вообще ничто, кроме внезапно появившегося парня. Нельзя её за это было осуждать: молодость — она такая, насыщенная красками желаний и амбиций. Не хочется быть хуже, чем другие, а ещё было бы неплохо и нос утереть. Наличие парня у подруги — это откровенно красная, как минимум двуспальная простыня, трепещущая на ветру перед глазами.

— К чёрту реферат! — Соня категорически отказалась менять тему разговора. — Что за парень?

«Что за парень?» — этот вопрос вертелся в голове Ольги

с того самого момента, когда она вообще брякнула об этом парне. Ну что это может быть за парень? Какой он? Ольга невольно оглядела собирающихся поодаль ребят. Высокий, смуглый, карие глаза? Или щупленький блондинчик с прыщавым лицом? Нет, не такой. Соня тотчас поймёт, что Ольга описывает одноклассника. Это должен быть такой парень, рассказывая о котором даже Ковалёва слюной, смешанной с красной помадой, забрызжет. Но только не было у Ольги даже в фантазиях такого парня. Даже призрачного миража не существовало, которым девушка могла бы грезить перед сном, лёжа в кровати, нежно поглаживая между ног, баюкая свербящий голод юношеской слепой похоти.

— Просто парень, — пожалала она плечами, собравшись с силами. — Как и другие. Человек мужского пола.

— Фотка есть? — оживилась Соня, и Ольга в очередной раз ощутила прилив опоясывающего страха, разгоняющегося вверх по конечностям.

— Фотка? — с дрожью в голосе переспросила она, желая убедиться, что ей не послышалось, и одновременно молясь, чтобы всё-таки показалось.

— Ну да! — воскликнула Соня и непонимающе взглянула на подругу.

Та заметно нервничала: взгляд потерянный, не находящий себе места, судорожно выхватывающий из пространства детали. Ресницы вздрагивали, сопровождая мечущийся взор, будто хотели сорваться и улететь. Губы напряжены,

сжаты, их привычный розовый оттенок сменился мертвенно-бледным тоном по контуру.

Ольга опустила взгляд и покачала головой.

— Нет фотки?! — Соня удивилась, даже не пытаясь скрыть своего разочарования. — Как так? Вы что, только вчера познакомились?

— Нет, — более спокойным голосом, но уже наполненным тоской ответила Ольга.

— А когда?

— Да вот... прямо перед институтом. Летом.

Соня недоверчиво покосилась на Ольгу. Они обе смотрели друг на друга, понимая, что происходит что-то не то. Звучит что-то не то. Не так. Неестественно и пусто. Слова пустые. За ними нет ни одной эмоции, ни одного чувства, которые должны были быть. Обязаны быть, когда речь идёт об отношениях между парнем и девчонкой, тем более в таком юном возрасте.

— Знаешь, — протянула наконец Соня, — что-то я тебе не верю.

— Твоё право! — тут же огрызнулась Ольга.

Обвинять друг друга во лжи и защищаться для неё сейчас казалось в тысячу раз проще, чем продолжать отвечать на сложные вопросы о несуществующем парне.

— Зачем ты врёшь? Из-за Ленки, что ли? — уже с нескрываемой обидой спросила Соня, насупилась и сложила руки на груди, чуть отвернувшись от подруги.

Ольга искоса посмотрела на неё и вздохнула. Зачем она врёт, Ольга не могла ответить даже сама себе. В любом случае она прекрасно понимала, что попала в патовую ситуацию, из которой ей никак не выбраться на коне. Скажи она, что Ленка всё выдумала, — ей никто не поверит. Даже Соня. Все видели взгляд Ольги в тот день, и он был очень красноречив — в отличие от слов, составляющих скудный рассказ о мифическом парне.

И то, что Оля соврала, тоже не принесло должного эффекта, а скорее усугубило ситуацию. Одно радовало и в то же время расстраивало: вся группа была уверена, что Ольга по уши влюбилась в Аксёнова, и только Соня доверчиво пробовала на вкус нелепо развешанную на ушах лапшу, при этом будучи также уверенной, что Аксёнов встрял косточкой любви в горле у Селивёрстовой.

Ольга мысленно отвесила себе оплеуху — мастеру усугублять и без того дерьмовые ситуации. Мастеру оказываться в самом эпицентре брызжущего в разные стороны дерьма! И так всю жизнь! Всю жизнь! От досады Ольга скрипнула сжатыми зубами и злобно вздохнула.

Ольга злилась на весь свет: на Аксёнова — за то, что тот по неумолимому стечению обстоятельств оказался в той же группе, в которой Ольга собиралась провести с пользой для своего будущего ближайшие пять лет; на Ковалёву — королевишну местного разлива, возмнившую о себе невесту что и не сгибающуюся под тяжестью собственноручно надетой

короны (никчёмная принцесска в глазах Селивёрстовой, но обожаемая всей мужской частью); на Соньку — за её кощунственное любопытство, язык без костей и пыливый ум, направленный не в сторону знаний, а на копошение в чужом грязном белье; на маму и папу — за то, что они воспитали бесхребетного червя с двумя дырками: ртом и жопой, и за то, что она способна сожрать любое дерьмо на своём пути, даже не поморщившись, потому что отползти или обойти его её никто не научил; на себя саму — за то, что, видя множество ситуаций, в которых она сама или её знакомые принимали участие в качестве хэдлайнеров, Оля, прочитав о них в умных книжках, так и не научилась делать выводы и следовать им.

Сколько раз человек может наступать на одни и те же грабли, прежде чем осознает, что на лбу уже красуется огромная шишка с кровоподтёками, окружённая гематой и причиняющая едва терпимую боль? Ольга только сопли вытирала и смело шла в сторону осточертевших граблей.

— Сонь! — серьёзно произнесла Ольга. — Смысл мне врать? Ничего я не вру, просто твои вопросы застали меня врасплох. — Ольга наигранно улыбнулась. — И я не очень люблю обсуждать свою личную жизнь. Давно уже заметила: стоит один раз её обсудить, как она тут же становится достоянием общественности.

— Я никому не скажу! — Соня тут же воспряла духом, выяснив наконец, почему Ольга так странно себя ведёт.

— Я знаю, но давай потом, хорошо? Я когда пойму, что готова поделиться, обязательно всё тебе расскажу.

— Ладно, как скажешь, — Соня всё же чуть надула губы, уже окончательно понимая, что никто ничего ей не расскажет. — А мне правда интересно. Мне восемнадцать, и у меня ни разу не было парня, представляешь? Они даже не ухаживают за мной! — обиженно воскликнула она. — Наверное, со мной что-то не так. Может, я страшная, а? Оль? — Соня с тревогой в глазах взглянула на подругу.

— Брось! — усмехнулась та. — «Страшная» — это точно не про тебя. Поверь мне! Просто ещё время не пришло. А когда придёт — отбоя от них не будет.

— Ну конечно. Откуда они только возьмутся... — вздохнула Соня и огляделась. — Здесь, что ли? В пединституте, где одни девчонки да три парня, которых эта толпа дам готова разобрать на молекулы?

Оля ничего не ответила, лишь потупила взор и тяжело вздохнула. Действительно, сложный вопрос: где взять этот самый «отбой»? Если уж Соня, по-настоящему миловидная девушка, настолько сильно не уверена в себе, то что говорить об Ольге, не умеющей ни соблазнять, ни флиртовать, ни заигрывать на элементарном уровне.

— Слушай, может, мне на сайт знакомств пора? — Соня усмехнулась собственному остроумию.

— Сайт знакомств? — воодушевлённо переспросила Ольга и буквально воспрянула духом.

Конечно! Сайт знакомств! Как же она сама-то не додумалась?! Вот где она найдёт того самого «мифического» парня! И он больше не будет мифическим, а станет вполне реальным! И тогда она сможет всем доказать, что не врушка и что Аксёнов ей действительно не нужен.

— Ага! — рассмеялась Соня. — Шучу, конечно. Там одни фрики сидят...

Соня не успела договорить. Среди толпы студентов раздался тяжёлый голос преподавателя, требовавшего расступить и пройти за ним в аудиторию.

Вечером того же дня воодушевлённая Ольга шерстила интернет на предмет сайтов знакомств и того, каким из них лучше воспользоваться. Много всего перечитала как о самих платформах, так и о людях, сидящих на них. Много грязи и сорванных масок.

Сайт знакомств — действительно специфическое место. С одной стороны, там регистрируются люди, отчаявшиеся найти вторую половинку в реальности, пытающиеся создать семью и найти родственную душу. С другой — это арена для тех, кто прячется за фиктивными фотками и IP-адресами, чтобы наконец прямо высказать свои низменные плотские желания, о которых в реальности даже думать не смеют.

Большинство из них — это мужчины, как правило, женатые, которые никогда не рискнут сказать жене, что хотели бы намотать её волосы на руку, жестоко оттрахать в рот и заставить проглотить всё до последней капли. И это ещё одно из самых безобидных желаний! На просторах интернета, прячась за тяжёлой маской анонимного аккаунта, они прямо предлагают незнакомкам реализовать свои фантазии, не стесняясь быть разоблачёнными и высмеянными.

Вторая категория — многочисленные мошенники, выкачивающие из своих жертв, жаждущих любви, деньги как раз во имя этой самой любви. Здесь и мужчины, и женщины, не

стыдящиеся играть на чувствах избранников. Есть и категория тех, кто гонится за лёгкими деньгами, даже не предлагая ничего взамен (составляют её по большей части женщины, но и мужчины не брезгают попытать счастье).

Ольга читала и читала, впитывая всё, что попадалось под руку. Читала взахлёб и с неподдельным интересом. Как же так вышло, что она пропустила такую любопытную вежу в интернете? Она, серая мышка, умеющая только втайне кем-либо восхищаться и боящаяся прямого контакта с противоположным полом, пропустила место, где она может быть самой собой — и никто не упрекнёт её за это! А если и упрекнёт, то плевать: они всё равно никогда не встретятся вживую, потому что лица на фото, которое Ольга собиралась загрузить в аккаунт, не существует в природе.

Благодаря творческой жилке и обучению на преподавателя ИЗО, Оля умела не только прекрасно пользоваться графическими редакторами и чутко чувствовать цвета, но и рисовать с нуля. Фотошоп в её руках творил чудеса, создавая не просто лица, а фигуру, характер и атмосферу...

Ольга наконец выбрала довольно известное приложение знакомств и загрузила его на смартфон. Едва иконка появилась на экране, девушка нетерпеливо ткнула в неё пальцем. Приложение загрузилось и открылось, озарив экран яркими красками. Оно тут же попросило ввести номер телефона, и Ольга подчинилась. Через несколько секунд смартфон пикнул, приняв желанный код. Введённые цифры стали ключом

не только к приложению, но и к спутанным дорогам новых этапов её жизни.

Система поприветствовала девушку и попросила представиться. Ольга задумалась. Как? Какое имя придумать? Не Ольга же! Девушка и так терпеть не могла своё имя, из-за чего обижалась на мать за эту чёртову «умную» идею назвать новорождённую девочку Ольгой. И на отца дулась за то, что тот даже не попытался отговорить жену. Теперь «Олюшка», «Ольга», «Оля» — именно так Ольга просила называть её всех, кого могла, хоть как-то нивелируя отвращение к собственному паспортному имени.

А тут — какое счастье! — можно было назвать себя как угодно! Хоть «жопой с ручкой»! Ольга потёрла руки и улыбнулась. Осторожно, едва касаясь экрана, набрала имя — Анжела.

На самом деле она хотела написать «Анжелика» — в честь героини серии книг Анн и Сержа Голон. Фильмы о ней и сами романы Ольга просто обожала, страшно завидуя внешности главной героини. Она всегда мечтала быть такой же красивой, решительной, умной и чтобы мужчины вились вокруг неё. Вместо этого она — Ольга, а не Анжелика, и этим всё сказано.

Представляться Анжеликой девушка всё же побоялась: вдруг кто-то проведёт параллель между интернет-Анжеликой и французской героиней? Вот стыдобень-то будет! Только поэтому Ольга остановилась на более приземлённой Ан-

желе.

Система удовлетворительно «съела» предложенное имя и спросила о возрасте. Здесь Ольге скрывать было нечего: восемнадцать лет — прекрасный возраст для покорения любви. Приложение довольно сверкнуло очередным красочным градиентом и открыло следующее поле: «О себе».

Это поле порядком смутило девушку, поубавив былой пыл. Что же рассказать о себе? Ольга оторвала взгляд от экрана телефона и уставилась на тёмно-серый потолок, поглощённый ночью. В квартире стояла тишина. Мама, видимо, уже спала: из её комнаты перестали доноситься звуки любимого турецкого сериала. В комнате Ольги тишина превратилась в трагический вакуум.

Что можно рассказать о себе? Это поле — своего рода реклама. Как напишешь, как представишь и предложишь товар — такой и покупатель придёт. Оценишь себя тривиально — призовёшь партнёра ещё ниже статусом. Опишешь себя королевой — равносильно тому, чтобы стать посмешищем. Ну что тогда?

«Я милая девушка, 18 лет от роду, ищу вторую половинку»...

— Какая чушь! — Ольга тихонько прыснула и стёрла предложение.

«Меня зовут Анжела, мне 18 лет»... — напечатала Ольга и тут же, зажмурившись, стёрла. Какие глупости! Зачем писать имя и возраст, которые и так указаны в шапке аккаунта?

Девушка вздохнула и задумалась. Экран телефона, так и не дождавшись прикосновения, покрылся чернотой. Мозг отчаянно подбирал слова снова и снова, отбрасывая и бракуя предыдущие за ненужностью, уличая их то в смехотворности, то в простодушии, то в глупости. Составлял короткие и длинные предложения и тут же разрывал их в клочья, понимая абсурдность их целостного звучания.

«Я немногословна, когда говорю о себе. Спроси меня — и я отвечу».

Сохранить. Это всё, что Ольга могла и хотела написать о себе. Это максимум. Что ещё она могла написать? «Серая мышь ищет кота-мышелова»? Тьфу ты, Боже мой! Выставить себя душой с ходу же, прямо прокричать на весь интернет: «Я дура, проходите мимо!»? Ну уж нет. Для этого, что ли, девушка решила зайти в интернет-сообщество одиноких, но ещё лелеющих надежду людей? Душой всегда можно успеть себя выставить. В этом проблем нет. Вообще нет — дело секундное.

Хобби. Приложение попросило доложить о своих хобби и увлечениях. Ну что же, здесь можно было разгуляться, и Ольга не отказала себе в предлагаемом раздолье. Оказывается, саму себя можно было назвать многогранной! В список попали и книжки, и фильмы, и музыка, и путешествия, и походы, и животные, и творчество. Да всё, что предлагала система! Всё так или иначе нравилось или интересовало.

Но система оказалась хитрой: она ограничила выбор де-

вушки до шести основных увлечений. Повздыхав, Ольга убрала ранее бездумно отмеченные по порядку слова и сохранила только: искусство, кино, путешествия, животные и игра на музыкальных инструментах. Сохранила и улыбнулась. Наконец-то её диплом музыкальной школы по классу фортепиано хоть где-то пригодился! Девушка как бы в подтверждение своих мыслей окинула взглядом угол тёмной комнаты, где стояло электронное пианино.

Приложение приняло ответы и задало вопрос: кого ищем? Вот тут Ольга удивилась, разглядывая варианты того, кого, оказывается, можно искать. Удивлению предела не было. Она не хотела никого осуждать, но нотки отвращения и омерзения оставили своеобразное послевкусие. До чего докатился цивилизованный современный мир? Глаза сами собой закатились, послышался тяжёлый вздох, и появились галочки у вариантов «гетеро» и «ищу мужчину».

Возраст предполагаемого избранника Ольга ограничила до тридцати лет.

«Достаточно ведь?» — спрашивала она сама себя. Старше тридцати лет мужчины казались ей людьми уже почти предпенсионного возраста. Что она будет делать с таким мужчиной? А он что с ней? Нет достаточного опыта, нет нужного количества мозгов, ни ума, ни знаний. Пигалица — да и только. Вряд ли с такой разницей можно говорить о какой-либо серьёзности в паре. Нет, тридцать лет — это предел. Максимальный.

«Я дура, поэтому рядом хотела бы видеть того, кто чуть поумнее меня», — подумала Ольга.

Постепенно, неторопливо обдумывая каждый пункт, Ольга добралась до конца анкеты, заполнив все требуемые поля. Они оказались довольно простыми, за исключением одного — того, где просили описать человека, которого хотелось бы видеть рядом с собой.

Над этим пунктом Ольга всерьёз задумалась. Как описать эталон мечтаний, если ни мечты, ни эталона в голове не существует? Ну правда! Никогда раньше девушка не задумывалась и не представляла, каким должен быть мужчина, которого она хотела бы видеть рядом.

Несмотря на юный возраст, Ольга успела познать одну из малоприятных сторон жизни. Успела убедиться, что внешность — далеко не самое главное в багаже человека. Вообще не самое главное. Человек может быть на лицо уродом, но его душа окажется воплощением прекрасного на этой бренной земле — того самого прекрасного, о котором уже забыли, которое потеряли в смене поколений. А может быть и так, что человек красив лицом, а внутри он — сухофрукт, покрытый ядовитой плесенью, прогнивший насквозь. Вот и выбирай, что из этого лучше.

В этом поле Ольга указала очень кратко: «Человека в человеке».

Завершающим этапом стала загрузка фото. Такого добра у Ольги было навалом: уже давно она создала персонажа —

вымышленную девушку — и периодически отрисовывала её жизнь. Ольга решила, что достаточно будет трёх или четырёх снимков.

Основным фото Ольга выбрала то, где искусственное лицо было детально прорисовано крупным планом: со спускающейся сверху яблоневой веткой с пушистыми листьями. Девушка на снимке демонстрировала выразительную улыбку, смотрела серо-зелёными глазами с чуть расширенными чернящими зрачками. Её светлая, идеальная кожа будто светила внутренней красотой, манила и призывала смотреть, не отводя глаз. Светло-коричневые брови дугой расходились в стороны, придавая лицу независимый вид. Густые золотистые волосы были убраны в высокий пучок — ни одной лишней волосинки не топорщилось из аккуратной причёски.

Насыщенно-зелёные листья яблони склонялись к волосам девушки, создавая потрясающий контраст человеческой и природной красоты. Чувственные губы с едва заметным блеском растягивались в добродушной улыбке, призывающей улыбнуться в ответ. Это фото излучало сказочное добро и нереальность феи. Но в то же время что-то в глазах этой миловидной девушки настолько притягивало взор, что требовалось буквально заставить себя оторвать взгляд от её змеиных, притягательных глаз.

Вторым фото Ольга выбрала ту же девушку — запечатлённую верхом на коне, вставшем на дыбы. Снимок был настолько идеально прорисован, что никто бы и подумать не

мог, что авторы этой карточки — фантазия и талант Ольги вместе со всемогущим фотошопом, а не реальная жизнь.

Бескрайнее жёлтое поле застыло на снимке. Прямо по центру бьёт копытами воздух конь вороной масти, лоснящийся в солнечных лучах. Его чёрная грива аккуратными волнами ниспадает на мощную шею, а хвост касается земли. Девушка на нём — без седла, в чёрном развевающемся платье. Обнажёнными ногами она обнимает бока коня, крепко прижимаясь к телу зверя. Руками держится за мощную шею, лицом приныкая к шёлковой гриве.

На лице девушки снова загадочная улыбка, но совсем другая — не такая, как на предыдущем фото. Здесь улыбка отражает покорность и наслаждение этой покорностью. Доверие... Силе и могуществу коня. Снимок словно говорил: ты можешь скинуть меня в любой момент и растоптать, а можешь позволить держаться и сохранить мне жизнь.

Ольга, рисуя это фото, мечтала отразить в нём баланс природы и человека, сильнейшего и слабейшего. И эта картина, по мнению девушки, лучше всего отражала место человека в природе в гармоничном сосуществовании. Грива коня и распущенные золотистые волосы девушки (на этот раз не столь яркие, как на предыдущем снимке) сплелись в единое целое. А сверху балансирует лазурное чистое небо, обласканное лучами тёплого солнца, пока где-то вдалеке хмурятся грозовые тучи.

На третьем фото в профиль была изображена пианист-

ка за чёрным роялем. Девушка была одета в белое платье без рукавов, прошитое ненавязчивыми нитями люрекса. Небольшой вырез приоткрывал внушительный размер груди. Рука — само изящество, занесённое над клавишами. Пальцы излучали едва вообразимую нежность женщины, готовой прикоснуться к инструменту. Волосы убраны, но пошее спускается одинокий локон. Ноги скрыты под длинной юбкой, но из-под полы выглядывает мысок белой туфельки, нажимающей на педаль рояля. Невооружённым глазом видно, как ножка едва прикасается к педали, но при этом давление именно то, какого требует исполняемая композиция. Перед глазами раскрыта партитура, в нотный стан которой впился взгляд девушки.

На этом Ольга решила остановиться. В её личном портфолио было достаточно много рисунков с этой героиней, чтобы без проблем подтвердить существование личности, но Ольга решила, что для начала и трёх фотографий будет достаточно.

Готово. Анкета сохранена успешно и активно участвует в поиске.

Ольга, довольная окончанием процесса, посмотрела на время, отображённое на тусклом экране — три часа ночи. А утром ждёт институт, пары и посмеивающиеся над ней одноклассники. Настроение сползло вниз, как струна, сорвавшаяся со сломанного колка гитарного грифа. Вернувшись в состояние, ставшее уже привычным, Ольга отложила телефон и закрыла глаза. Но сон не шёл: девушка была настоль-

ко сильно взволнована регистрацией в приложении, что ни о каком сне и речи быть не могло.

Пытаясь уснуть, Ольга представляла будущие разговоры, встречи, то, как могут сложиться отношения. Но как бы она ни старалась представить лица парней, они всегда оставались размытыми. Ольга грешила на свою скудную фантазию: она умела рисовать мужчин, но никогда не делала этого в свободное время.

Чаще всего на её рисунках появлялись животные или женщины. Женщины казались ей проще в исполнении, поскольку Ольга сама была девушкой и женские пропорции были ей более-менее понятны. К тому же она точно знала, как хотела бы выглядеть. Женские лица на бумаге всегда хранили именно те черты, которых Ольга не находила на собственном лице.

Но девушка понятия не имела, как должен выглядеть её идеальный мужчина. Поэтому, когда на рисунке требовался мужской персонаж, Ольга делала скетч-кавер: срисовывала лица знаменитостей и чуть изменяла их, чтобы по итогу изображение получилось более-менее выдуманным.

Это утро разительно отличалось от всех предыдущих. До этого момента Ольга, едва открыв глаза, тянулась к мобильнику, чтобы поскорее почитать студенческие чаты, втайне надеясь увидеть харизму Аксёнова, пробивавшуюся сквозь переписку ни о чём. Сегодня же, едва взяв смартфон в руки, Ольга увидела огромное количество уведомлений от прило-

жения знакомств.

Бесшумно и притко Оля умчалась в туалет. Она не хотела, чтобы мама застала её в постели с телефоном в руках, и чтобы с самого утра началось монотонное бормотание о потерянном поколении, не способном провести и пяти минут без чёртовых гаджетов, о том, куда смотрит правительство, и «бла-бла-бла».

А затем затянулась бы старая песня о маминой молодости, где не было дурацких телефонов и люди умели общаться вживую, писать письма от руки. Без ошибок! И красивым почерком, а не как курица лапой! И этот нравоучительный монолог не закончился бы до самого момента, пока Ольга не вышла бы из дома.

Туалет оставался единственным местом, где можно было сохраниться в целости и сохранности и без разрушенного с самого утра мозга.

Едва захлопнув дверь и щёлкнув замком, Ольга снова разблокировала телефон и принялась изучать всё, о чём уведомило приложение.

Основное фото за несколько часов получило более сотни отметок «нравится». Два других — чуть поменьше, но тоже подбирались к этой цифре. На иконке «Сообщения» горела впечатляющая красная плашка: 51.

Ольга улыбнулась. Сердце застучало быстрее, дыхание участилось, маленький органический двигатель внутри хватал воздух короткими порциями, которых явно не хватало

для нормальной работы.

И каково же было разочарование девушки, когда она открыла папку со входящими! Из пятидесяти одного сообщения едва ли десяток содержал банальные фразы вроде «Привет, как дела?» или «Познакомимся?». Содержимое же остальных писем вызвало у неё настоящий шок и глубокую фрустрацию.

Большая часть сообщений пестрела сексуальными предложениями — от относительно приемлемых в обществе до самых откровенных и извращенных девиаций, как считала не только Ольга, но и любой среднестатистический человек. Читая послания незнакомых мужчин, Ольга даже не заметила, как сидит с открытым ртом. Предложение «просто переспать» казалось среди них наиболее безобидным, но даже от чтения подобной «будничности» девушку захлёстывала волна жгучего стыда.

Сообщения содержали не только прямые предложения, но и бесцеремонные попытки выяснить личные предпочтения владелицы аккаунта: не фанатка ли она пососать, любит ли анальный секс или, может, наслаждается отменно сделанным куниллингом. Были и предложения от кандидатов в «рабы»: не хочет ли Ангела раба, готового терпеть любые унижения ради выполнения её малейшей прихоти. Кто-то и вообще интересовался, не желает ли Ангела пристроить свои красивые ножки, закинув их на плечи незнакомому «жеребцу», готовому вылизывать каждый миллиметр её пальчиков.

— Чёрт! — прошептала Ольга, листая односторонние переписки и поражаясь тому, как буквально за пару секунд прочтения текстовых сообщений открывалась истинная суть людей.

Никто из них не искал любви. Там не было ни слова о чувствах — разве что в контексте ночи, проведённой с кем-то непонятным, кто станет нежно трахать «все её дырочки» и членом конского размера, и пальцами, и влажным язычком.

Сказать, что она была в шоке, — ничего не сказать. Она и порно-то видела от силы пару-тройку раз в жизни, да и то ей было стыдно смотреть его даже наедине с собой. А уж представить себя на месте актрисы — вызвало бы столько смущения, что во рту моментально пересыхало.

— Какая жесть... — прошептала она, прочитав очередное предложение. — С поиском парня, похоже, будет нелегко.

Момент разочарования не заставил себя долго ждать. А ведь девушка так надеялась, что всего за один день сможет найти того, с кем можно будет встречаться и гордо заявлять: «Это мой парень». А оно вон как получилось!

Ольга вернулась к оставшимся сообщениям вроде «Привет, как дела?». То, что изначально показалось банальным сотрясением воздуха, сейчас предстало в ином, неожиданно положительном свете — на фоне диких сексуальных предпочтений остальных кандидатов.

Громкий стук в дверь и резкий голос матери заставили девушку вздрогнуть.

— Застрыла там? Время посмотри! Опаздываешь! — строго произнесла мама.

— Да, выхожу уже! — Ольга вскочила, натянула пижамные штаны, спрятала телефон и тут же выскочила из туалета, через силу улыбнувшись матери.

— Ещё успеешь позавтракать! Погреть? — спросила женщина вдогонку.

— Нет, не хочу, в институте поем! — крикнула Ольга из комнаты, впопыхах собираясь. Ей не терпелось выбежать из дома и с головой уйти в приложение, чтобы больше никто не мешал.

Через полчаса Ольга уже протискивалась в переполненный автобус. Свободных мест не оказалось. Девушка окинула взглядом салон в поисках удобного и желательно укромного уголка: ей совсем не хотелось, чтобы кто-то из пассажиров вместе с ней изучал анкеты всех этих «какделашников». Чёрт его знает, что у них там в описаниях...

Некий Андрей, 24 года. Ольга разглядывала фото светловолосого парня: его бешеные глаза смотрели в никуда — пустые и безэмоциональные. Внешне он ей совсем не приглянулся, но Оля всё же решила ответить банальным «приветом» и «нормальными делами». Спрашивать у него ничего не хотелось, и она не стала этого делать. Такое бескультурье вполне можно было себе простить на фоне других входящих: не спросить ничего в ответ — это вовсе не стыдно и не неудобно. Это всё же не предложение погрузить в аналь-

ное отверстие скалку.

Следующий — Вадим, тоже 24 года. Система вывела средний возраст из указанного диапазона до тридцати? Этот любит футбол и занятия спортом: большинство снимков сделаны в спортзале. Фоткает сам себя, демонстрируя в больших зеркалах то кубики пресса, то напряжённые бицепсы, то мышцы спины. Парнишка явно любит только себя и своё отражение. Но, невзирая на нарциссические выводы, Ольга ответила на его приветствие таким же сухим сообщением, сделав скидку на то, что, может быть, человек ещё раскроется в общении.

Пока Оля разглядывала анкеты написавших ей людей, телефон периодически уведомлял о новых отметках «нравится», но пока не присылал новых сообщений. И это, может быть, к лучшему.

В институте Ольга присутствовала на лекциях чисто символически. Физически её тело сидело за партой и даже держало ручку (правда, в левой руке — Оля была переученной левшой, поэтому и писала, и рисовала чаще левой). Но выглядела она всё равно отрешённо. Если преподавателю было всё равно на отсутствующий вид студентов (он видел это изо дня в день, из года в год), то вот соседка по парте не могла не заметить, как подруга зависает в телефоне, заглядывая в него каждый раз, когда экран озарялся очередным уведомлением.

— Что у тебя там происходит? — любопытство Сони не

знало границ, но Ольга сегодня была в прекрасном расположении духа.

— Общение, — загадочно улыбнулась она. — С парнем.

Соня завистливо закусила губу, но не решилась снова устраивать допрос. Хотя любопытство обжигало нервные клетки, заставляя ёрзать на месте и пытаться хоть краем глаза подсмотреть, с кем и о чём переписывается Ольга.

Слава: «У меня тоже всё хорошо. Чем занимаешься?»

Анжела: «Сiju на паре, пытаюсь учиться».

Слава — один из ночных визитёров, не бросившихся сразу в бой, а хотя бы попытавшихся выяснить, как у человека дела, прежде чем его трахать. Смуглый бугай (по крайней мере, Ольге так показалось, когда она разглядывала его фото) с глубоко посаженными тёмно-кариими глазами, кривоватым носом, занимающим большую часть лица, и широким ртом. Лысый.

Слава: «Прекрасные студенческие годы проживаешь, значит?»

Анжела: «Да, с переменным успехом пытаюсь. Ты уже прожил свои?»

Минутная тишина в мессенджере приложения... Оля воспользовалась этой паузой, чтобы услышать, о чём вещает преподаватель.

Неинтересно. Литература, в принципе, никогда не нравилась Ольге. Ей нравилось читать — и очень сильно. Девушка красочно рисовала перед глазами описанные в книгах реаль-

ности, живущих в них людей, их истории. Но терпеть не могла теоретическую часть. Неинтересны были правила и законы, сочинения и изложения, разбор произведений, где преподаватель пытался навязать в лучшем случае свою точку зрения, а в худшем — пересказ чужих анализов.

Ольга не хотела ничего анализировать, не хотела становиться литературным критиком в будущем. Она просто читала произведения и проживала написанное со стороны каждого из героев. К чему раскладывать произведение на составляющие, если ты не чувствуешь персонажей? Но чувствовать героев запрещалось. Разрешалось это лишь в тех редких случаях, когда ощущения и чувства студентов были идентичны ощущениям и чувствам литературного критика.

Тонкими, суховатыми пальцами Ольга неспешно крутила ручку с плотно закрытым колпачком. Задумчивая, будто погружённая в каноничные речи преподавателя, Селивёрстова не переставала гонять различные мысли относительно своей затеи.

В приложении шло непринуждённое общение — общение ни о чём. Те десять человек, не проявивших сходу свои отталкивающие качества, больше себя толком никак не проявляли, скрываясь за беседой ни о чём. Никто не зацепил её на самом деле, и лишь банальный уровень культуры заставлял Ольгу отвечать на банальные вопросы. К счастью, несколько из этих десяти отвалились из переписки самостоятельно — вероятнее всего, по той же причине, по которой хотела отва-

литься и Ольга.

Кто же знает их истинную мотивацию? Точно не Селивёрстова. Она вообще мало что знала о противоположном поле. Что они такое? В школе большинство казались ей озабоченными, выпендривающимися придурками. В институте они будто повзрослели. Старшие курсы вообще казались глубокой интеллигенцией: ходили с девчонками за руку, общались, смеялись, всё реже из их ртов вылетал мат. А эти, в интернете? Что с ними не так? Они уже прошли отвратительную ступень выпячивания своей (на самом деле до боли тривиальной) личности и стали больше походить на разумных людей, или всё ещё умело маскируют свои истинные пристрастия?

Звонок всколыхнул расслабленные нервы, и Селивёрстова неспешно начала убирать вещи со стола в рюкзак. Экран телефона снова зажёгся: некто Иван спрашивал о любимых фильмах Ольги. Оля вздохнула и заблокировала телефон.

— Ты говорила, что у тебя не было отношений... Это правда или ты слукавила? — спросила она идущую рядом Соню. Та в ответ пожала плечами и скривила лицо.

— Я общалась с ребятами, да и сейчас иногда общаюсь, но никогда ни с кем не встречалась, — с едва слышной ноткой обиды сказала она. — А очень хочется! Я тоже хочу тискаться перед началом пары, целоваться, любить...

— А зачем? — Ольга взглянула на озадаченную вопросом Соню.

Обе девушки замедлили шаг.

— В смысле — зачем?

— Ну... Зачем тебе это всё?

— А тебе зачем? — Соня изменилась в лице, посмотрев в глаза подруге уже с неким вызовом. — Зачем тебе сейчас отношения?

Ольга вздохнула. Хороший вопрос. Зачем? Честный ответ Оля никак не могла озвучить: «Чтобы не быть белой вороной? У всех практически есть, а я что ж — дефективная? Да затем, чтобы той же Ковалёвой нос утереть и показать, что необязательно быть такой сукой, чтобы встречаться с кем-то! Чтобы и Аксёнову доказать, что на нём свет клином не сошёлся!»

— И? Чего молчишь? — Соня потребовала ответа. — Меня всегда удивляют такие люди! У них что-то уже есть, а когда этого же хотят другие, они, такие как ты, начинают: «Ой, а зачем тебе это?». Скажи ещё, что это говно полное, самое омерзительное время в твоей жизни, ты только рот успеваешь зажимать, чтобы не облеваться, и из дружеских побуждений хочешь предупредить меня ни в коем случае не ввязываться в эту брешь!

Ольга улыбнулась и слегка толкнула разозлившуюся подругу плечом.

— Ты чего взбеленилась-то? Нет, конечно! Всё совсем не так. Мне просто интересен твой мотив. Ты сама-то чего хочешь — любить, время интересно провести или ещё что?

— Я хочу всё! Любви хочу. Хочу любить. Сильно хочу! Всё хочу, да вот только кандидатов нет.

— А тот, с кем ты в пабе сидела? Выглядели вы довольно заинтересованными друг в друге.

— Ну, пока бухали вместе, были заинтересованы. А утром мимо прошёл, будто и не помнит меня. Хотя чёрт его знает, может, и правда не помнит...

— А ты не пробовала поговорить с ним? — задумчиво спросила Ольга, представив себя на месте подруги и думая, как поступила бы сама.

— Нет, конечно! — воскликнула Соня и даже остановилась от возмущения, внезапно захлестнувшего её. — Я девочка! Я хочу, чтобы за мной ухаживали, а не чтобы я бегала и выясняла, нет ли у него проблем с памятью. Вот твой парень ухаживал за тобой или ты за ним бегала?

— Он, — коротко и решительно ответила Ольга.

— Ну вот видишь!

— Поздороваться и спросить «как дела» — мне кажется, некритично. Уж точно не похоже на побегушки. Просто он в душу тебе не запал. А запал бы — сейчас носилась бы ты перед дверями аудитории, где у него лекция идёт. Типа случайно здесь оказалась, мимо шла.

— Не буду я за мужиками бегать! — категорически отрезала Соня. — Не буду. Это неправильно.

— Ну, возможно, ты и права, я не знаю...

— Девчонки! — между ними, словно из ниоткуда, по-

явился Аксёнов и грузно положил тяжёлые руки им на плечи, слегка приобняв.

Соня заулыбалась и посмотрела на него в ожидании продолжения речи, а у Ольги на мгновение остановилось сердце. Это дружеское, немного даже грубоватое прикосновение выбило почву из-под ног и вскружило голову. Запах, исходивший от парня, проникал в самую её суть, волновал и тревожил. Какая горячая рука! Сильная! Тяжёлая! В одну секунду Ольга захотела, чтобы его руки обняли её за талию так крепко, как только смогут, а губы с горячим дыханием подарили ей поцелуй, лишаящий рассудка...

— Пятница! — продолжил Коля. — Идём в парк? Много народу собирается, половина нашей группы — точно.

— Холодно же, — поморщилась Соня.

— Первые полчаса — да, согласен. Потом согреемся! Пошли? — Коля перевёл взгляд на мумифицированную Ольгу.

Та буквально окаменела. Лишь по щекам, словно пятно по промокашке, стремительно расплзлась красная краска.

— Ну пошли-пошли, — ответила вместо неё Соня.

— Отлично! — Аксёнов убрал руки, выпустив девушек. — Встречаемся около института после последней пары!

Парень присвистнул и направился к своей шумной компании.

— Ну офигеть, Оля, что у тебя с лицом творится! — рассмеелась Сонька. — А твой парень знает, что ты в другого

втрюхалась?

— Прекрати! Ни в кого я не втрюхалась! — Ольга только-только начала выходить из оцепенения. — Я просто испугалась! Со спины такой бугаина запрыгнул!

Соня рассмеялась в ответ и начала дразнить подругу словно ребенок, забавно теребя губы и издавая насмешливое «пр-rrrrr», демонстрируя полное недоверие к её словам.

— Эту глупость расскажи Ковалёвой! Она как раз на тебя тарашится так, будто убьёт прилюдно.

Ольга тут же перевела взгляд в указанном направлении. Действительно, поодаль стояла Лена, крепко сжав руки на груди, нахмурившись и поджав красные губы. Не нужно было быть умелым чтецом человеческих душ и экспертом в игре мимических мышц, чтобы понять: Ковалёва находилась в состоянии скрытого аффекта. И на что она способна в этом состоянии, было известно лишь Богу.

— Чёрт побери! — беззвучно выругалась Ольга и прибавила шаг.

Ну что за напасть с ней происходит, когда рядом появляется Аксёнов? Почему тело впадает в летаргию, а лицо превращается в маску влюблённой идиотки? Как это побороть в себе и прекратить наконец выставлять себя в дурацком свете?

Ольга злилась и негодовала, а Соня шла рядом и хихикала, настойчиво твердя: Аксёнов ей не просто безразличен — Селивёрстова в него по уши влюбилась, и всё тут. И да-

же если у неё действительно есть парень, эти отношения под угрозой разрыва из-за сменившихся чувств.

Ольга всё отрицала и злилась пуще прежнего, обвиняя подругу в потакании недругам: вместо того чтобы встать на защиту и поддержать, она играет на стороне противника и «гасит» подругу. Соня тоже упиралась, описывая ситуацию со своей колокольни: то, что Ольга равнодушна к Аксёнова, видно невооружённым глазом. И если уж Соня, ни черта не смыслящая в любви и никогда не любившая, это видит, то что говорить о прожжённой Ковалёвой, читающей чужие увлечения как открытую книгу?

— Шли бы вы к лешему... Все вы! — буркнула Селивёрстова и уткнулась в телефон. — Лишь бы придумать что-нибудь, а потом без устали обсуждать собственные выдумки, выдавая их за действительность.

Соня что-то ответила, но Ольга её уже не слушала. Она снова открыла приложение. Там красовались новые отметки «нравится» под основным фото и висели неразобранные сообщения. Хоть что-то грело душу.

Слава: «Да, было время. Прожил. Поэтому сейчас на работе сижу. Малоприятное занятие».

Анжела: «Отчего же? Тебе хотя бы платят за это. А я бесплатно штаны просиживаю».

Слава: «Хочешь подзаработать?»

Ольга задумчиво перечитала предложение. Звучит заманчиво — подзаработать. Денег лишних не бывает: сколько ни

имей, всегда хочется больше. А когда ты студентка, да ещё и с тягой ко всякой специфичной чепухе, средства нужны постоянно. Мама выдавала на неделю пару тысяч «на поесть» — и всё. Все попытки Ольги отложить хоть что-то успехом не увенчивались: удавалось скопить лишь пару-тройку сотен в неделю. Хотя, конечно, и это хлеб: известная поговорка «копейка рубль бережёт» работает безотказно, особенно если научиться ценить любой денежный эквивалент и не считать мелочь мусором.

Анжела: «Кто же откажется подзаработать?»

Ответа сразу не последовало, хотя система показала, что сообщение прочитано. Оля убрала телефон и обернулась на звонкий смех. Половина группы что-то рассматривала в телефоне Миши и хохотала. Ольга вздохнула. Как всем весело! Отчего?

Она хотела спросить Соню, но той рядом не оказалось — подруга тоже застряла посреди весёлой толпы. Оля вновь посмотрела на них. Как же сильно выделялся среди всех Аксёнов! Самый высокий. Самая красивая улыбка. Самый приятный тембр голоса.

Оля встряхнула головой. Что за наваждение? Внутри всё сжалось, сдавило грудь. Неприятно... Аксёнов снова засмеялся, обнял Ковалёву за плечо и что-то шепнул ей на ухо. Лена подняла взгляд на Ольгу, торжествующе улыбнулась и тут же отвернулась. Улыбка так и осталась играть на её губах. А рука Аксёнова так и осталась лежать на плече Ковалёвой.

Ольга развернулась и быстрыми шагами скрылась в открытой аудитории. Смотреть на всё это было больно, тревожно и тошно.

Телефон в руке снова привлёк внимание расстроенной девушки.

Слава: «Много разных способов есть...»

Парень оставил в конце предложения не просто многоточие, а ощущение огромной недосказанности. Попытка подвесить интригу практически удалась: по крайней мере, Ольга отвлеклась от хохота, вырывавшегося из коридора сквозь открытую дверь.

Анжела: «Закончу институт — и пойду изучать».

Слава: «Я знаю, как правильно вкладывать деньги, чтобы они приносили доход. Интересно?»

Анжела: «Нет».

Ольга удалила переписку. Этот Слава ни лицом, ни харизмой — ничем не привлекал девушку. Следом за Славой полетели в утиль и другие чаты. Всё не то! Всё даже рядом не стояло. Считай, сутки переписок, а ни один мускул до сих пор не дрогнул, ни один нерв не пропустил через себя хотя бы слабенький импульс. Тогда как Аксёнов взбудоражил всю её нервную систему в первую же неделю сентября! Ольга ждала такого же волнения, но его не было.

— Оль! — услышала девушка, как к ней кто-то обращается, но среагировать сразу не получилось. Её имя прозвучало где-то далеко, словно в другой комнате, будто и вовсе не к

ней обращались.

— Оля! — повторил голос.

— А? — вздрогнула девушка, подняв взгляд.

Светка и Ира. Две подружки ещё со школьной скамьи — не разлей вода.

— Ты вчера писала лекцию по психологии?

— Да... — задумчиво кивнула Ольга. — Да, писала.

— Можешь отфоткать вечером и прислать в общий чат?

— В общий? — удивилась Ольга.

— Да, — хихикнула Ира. — Мы тут выяснили, что, похоже, кроме тебя никто не записывал этот бред, а на следующей неделе семинар.

Глупые улыбки, пустые глаза. Все заняты чем угодно, кроме учёбы... А Ольга до сих пор так и не нашла парня.

— Да, конечно, без проблем, — Ольга сделала вид, будто ищет что-то в рюкзаке.

— Супер, спасибо! Будем ждать. Всей группой.

Девушки ушли, и Ольга тут же вернулась к телефону — к приложению знакомств. В тот момент ей казалось, что там больше жизни, чем в реальных людях, окружавших её в институте. Там, у спрятавшихся за чужими или обработанными аватарками, было больше откровенности, чем у лиц во круг, натянувших парадные маски.

Сейчас Ольга решила больше не ждать тех, кто поставит ей «палец вверх» или напишет первым. Она решила действовать самостоятельно. Не понаслышке зная: если нужен ре-

зультат, стоит приподнять пятую точку и брать инициативу в свои руки.

Ольга листала мелькавшие портреты: разные, симпатичные и милые, страшные и отталкивающие. Описание было неважно — главное, зацепиться взглядом. Но... ничего. Никого.

— Ты же пойдёшь с нами? — рядом снова появилась Соня.

— После пар?

— Ага.

— Нет.

— В смысле? — Соня замерла. — Почему?

— Не могу. Планы другие на сегодня. С мальчиком!

Соня обиженно цокнула языком, но уговаривать не стала.

Ольга медленно шла от метро пешком. Она не смотрела по сторонам — только себе под ноги, на асфальт, запорошённый свежим снегом. Мягким, нежным... и одиноким.

Досада пускала внутри глубокие корни, обвивая душу и болезненно сжимая её. Как же хочется быть не хуже других! Почему у одних есть всё, а у других — ничего? Неужели справедливость и гармония в нашем веке окончательно склеили ласты? Нет ничего... Нет даже элементарной компенсации.

Ольга неожиданно для себя, без лишних раздумий, свернула в ближайшее кафе. Домой возвращаться совсем не хотелось: там пустота ощущалась ещё хлеще, чем на многолюд-

ной улице.

Нужно было подумать, сконцентрироваться и поймать крутящиеся мысли за хвост, разложить всё по полкам, но ничего не получалось. На столе остывал горячий чай с жасмином, а Ольга разглядывала свои тонкие пальцы, бесцельно перебирающие уголки салфеток под монотонное движение разношёрстных мыслей. Они уводили её всё дальше от вопросов об отношениях, затрагивая куда более глобальные вещи.

Зачем нужно было родиться? Почему именно я? Зачем вообще эта жизнь — угрюмая и скучная?

Родиться и потратить первые двадцать лет на обучение, чтобы найти работу, на которую потом будешь таскаться до самой пенсии... Платить налоги, чтобы поддерживать казну, и покупать всё то, что еле-еле закроет базовые потребности... Найти мужика, родить детей, навесить на них ту же кабалу, уйти на пенсию и сдохнуть. Это что такое?!

И в чём же радость? Что из этого может принести счастье и свободу? Работа — опостылевшая и саднящая поперёк горла? Зарплата, которую придётся распихивать по банкам, коммуналкам и магазинам? Дети, которые сбегут строить свою такую же одинаковую жизнь, предварительно истрепав не один пучок нервов и выпив не один литр родительской крови? Пенсия с мизерной поддержкой государства и отсутствующим здоровьем?

Или прекрасный дубовый гроб, в который тебя положат

спать последним сном? И то — если положат, конечно. А то ведь просто сожгут и по ветру пустят. Был человек — и не стало. Спустя время и память о нём умрёт. А даже если и не умрёт — толку-то с неё? Радость и счастье она тебе там принесёт, что ли?

В чём смысл этого абсурдного человеческого существования?

Ольга вздохнула и отодвинула измятую салфетку в сторону. Хоть чай попить — мимолётное счастье. Посидеть наедине со своими мыслями и попробовать понять... Очередная попытка постичь, казалось бы, до жути скудное, банальное и брэнное существование человека.

Как из всего этого сделать вывод? Ольга задумчиво взглянула на чайнку, медленно погружающуюся в желтоватую глубину напитка.

А никак. Пожить ещё надо. Прочувствовать жизнь на собственной шкуре — нелёгкую, жестокую и злобную жизнь. Её надо вкусить: прямо откусить, оторвать зубами и жевать, чавкая, чтобы кровь лилась изо рта по подбородку! Разжевать до состояния пюре, проглотить, не поморщившись, независимо от вкуса, и с гордо поднятой головой принять этот вызов. Если не получится сразу найти ответы — кусать дальше, жрать эту жизнь, двумя руками запихивая её в рот. В какой-то момент насытишься — и начнёшь получать ответы.

Экран телефона зажёгся: приложение уведомило о новом сообщении.

Ольга без особого энтузиазма сдвинула шторку блокировки и открыла приложение. Да, новое сообщение. Некий Демьян, 29 лет. Едва успел вписаться в возрастную категорию, выбранную Ольгой.

Девушка, даже не читая самого сообщения, сразу перешла на его страницу. С фотографии смотрел мужчина с умопомрачительным взглядом, подпирающий кулаком подбородок. Снимок был сделан с явной цветовой коррекцией: волосы, глаза и брови казались угольно-чёрными, а кожа на их фоне выглядела подчёркнуто бледной.

В целом фото было очень хорошим — обработанным и весьма умело. Взгляд мужчины будто прожигал насквозь, словно с немой просьбой: «Давай, удиви меня». Лицо, не лишённое изящной худобы, украшали выразительные, слегка впалые скулы. Лёгкая щетина. Он не улыбался открыто, но если приглядеться, видно, как в лёгкой издевательской усмешке вздёрнут уголок губ.

Рукав чёрного пиджака слегка оголял запястье. На запястье — крупные часы с серебристым браслетом. В больших чёрных зрачках застыли две яркие точки света: возможно, так элегантно отразилась и поймала момент вспышка, сделав этот взгляд таким, от которого невозможно оторваться.

И Ольга не отрывалась. Она забыла, что горит непрочитанное сообщение, что в описании профиля есть какой-то текст, что вокруг шумит кафе, вмещающее всё больше лю-

дей, спешащих расслабиться после долгого рабочего дня... Забыла и о том, что время утекает сквозь пальцы, а предновогодние дни омрачены подготовкой к экзаменам и зачётам — к первой в её жизни сессии. Не осознавая своих действий, она скачала фото мужчины, открыла его из галереи и снова уставилась на его лицо.

Впервые за последние полгода Ольга перестала думать об Аксёнове.

Больше Коля не казался ей самым харизматичным и весёлым. Больше его глаза не излучали свет и радость, не излучали жизнь. Они померкли. Затухли так же, как затухает последняя искорка в чёрном зеве печи — затухли насовсем и никогда не вспыхнут снова. Будто сам Аксёнов умер в один момент — в ту самую секунду, когда она взглянула на лицо незнакомого мужчины на экране.

— Какой... — прошептала Ольга, не в силах сдержать нахлынувшее чувство восхищения. — Красивый...

Её глаза продолжали впиваться в фото мужчины, а разум так и не желал включаться. Настоящая Медуза Горгона, парализующая не только тело, но и все внутренние системы! Даже стук сердца, казалось, затих, поглощённый невероятным вакуумом внутри. Кровь застыла, загустела, уплотнила сосуды, зажавшие мозг в тиски. Ни о чём не хотелось думать. Да и не получалось.

Поражённая, лишённая возможности хотя бы на секунду вернуться в реальность, Ольга поедала глазами взгляд и ли-

цо мужчины. Он был как северное сияние, которое впервые увидел неподготовленный человек. Разве такой сможет взять и просто отвернуться? Нет. Не сможет.

Неизвестно, сколько времени Ольга просидела в этой окаменевшей позе, но в реальность её насильно вернул телефонный звонок, заслонивший собой фото мужчины.

Мама. Мама всегда знает, когда нужно звонить! Главное — всегда вовремя попадает. Ведьма.

— Да, мам? — нехотя ответила Ольга.

— Ты где? Уж дома должна быть!

— В кафе. С друзьями. А что?

— Надо было написать или позвонить, что задержишься.

Я тут, вообще-то, переживаю!

— А ты не переживай, — буркнула Ольга. — Всё нормально. Позже буду.

— Во сколько позже? — не унималась женщина на другом конце провода.

— Позже. Не знаю во сколько. Буду выезжать — напишу, — Ольга вздохнула и мысленно добавила: «Если не забуду».

— Хорошо. Не забудь! — мама будто мысли прочитала и строго предупредила дочь, после чего сбросила вызов.

Ольга, вернувшись к жизни, тут же открыла приложение. Там ведь было сообщение! Даже два. Не раздумывая, девушка кинулась читать их. Первое, как оказалось, было отправлено ещё полчаса назад.

Демьян: «Ты давно отрывала взгляд от промёрзшего ас-

фальта? Оторвись от него. Взгляни на небо: восходит полная, кровавая луна».

Второе сообщение пришло как раз во время короткого разговора с матерью.

Демьян: «Разглядываешь меня. И как? Что разглядела?»

Ольга вжалась в мягкое кресло и нервно, стараясь не шевелить головой, окинула помещение кофейни подозрительным взглядом.

Может, таинственный незнакомец сидит прямо здесь, среди гостей, и наблюдает за ней? Но нет. Баснословно притягательного лица нигде не было видно. Да и вряд ли она могла пропустить такого человека, встретив его вживую. Проглядеть его было попросту невозможно.

Но его сообщения показались девушке по меньшей мере странными. Может, этот парень — шизофреник? Маньяк? Обычный психопат?

Нервное напряжение широкими, шумными шагами прокралось вдоль её позвоночника, отчего каждое мышечное волокно стремительно натянулось, зажав кости в каменный корсет. Девушка снова и снова оглядывала сидящих вокруг людей в надежде заметить незнакомца среди зевак — это хотя бы объяснило, как его сообщения так точно попали в цель.

Замерев, Ольга перевела взгляд на окно. Вдруг он там? Стоит за стеклом с огромным тесаком за пазухой, в темноте, и ждёт, когда она выйдет из кафе? А потом пойдёт по следам, бесшумно преследуя свою жертву, и, когда она будет

проходить мимо тёмной подворотни, зажмёт ей рот, затащит в зимнюю мглу и вскрыет горло, как консервную банку.

От таких мыслей ей стало совсем плохо. Ольга глотнула остывший чай и вновь уставилась в окно, боясь увидеть подтверждение своим пугающим догадкам... Но там никого не было — только шмыгающие туда-сюда люди. Разные, спешащие люди. И огромная луна, будто привязанная на верёвочке, медленно бороздила холодное космическое пространство. Кровавая. В точности как сказано в сообщении!

С испугом, сдавливавшим уже всю грудную клетку, Ольга перевела взор на телефон и увидела третье сообщение.

Демьян: «Не нашла меня?»

Издевательский смайлик после знака вопроса буквально заставил девушку подпрыгнуть на месте. Испуг перерос в полноценный страх и неконтролируемую панику.

— Рассчитайте меня, пожалуйста! — нервным, срывающимся голосом потребовала Ольга, поймав за руку первого попавшегося официанта.

Мужчина в фартуке кивнул и пошёл за чеком, а клиентка, судорожно убирая волосы с лица, скидывала вещи в сумку, попутно ища кошелёк и озираясь по сторонам. Она была свято уверена: незнакомец из приложения где-то рядом. Следит за ней. Не сводит глаз с её паники.

Конечно, он отчётливо видит страх, комкающий и тут же разглаживающий лицо девушки! Он ведь не слепой. Видит и наслаждается произведённым эффектом. Потирает руки

и посмеивается. Ждёт, когда жертва покинет людное место, чтобы они смогли встретиться лицом к лицу во всеобъемлющей темноте — там, где никто не сможет помешать ему осуществить задуманное. Осуществить что-то ужасное. Конечно, ужасное! Хорошее так не преподносят.

— Хрен тебе! — шикнула Ольга, отнимая карточку от терминала.

Улыбка официанта мгновенно сошла на нет.

— Простите? — удивлённо переспросил он.

— А? — Ольга подняла на него растерянный взгляд.

— Вы что-то сказали? — мужчина внимательно смотрел на девушку.

— А-а, нет... Ничего, — качнула она головой и выдавила быструю улыбку.

Официант оставил чек, пожелал хорошего вечера и удалился. Ольга тем временем вызвала такси через приложение. Дальнейшие пешие прогулки отменяются! Не сейчас, когда где-то рядом бродит психопат.

Девушка вздрогнула и снова открыла чат. Сделала скриншот сообщений мужчины — на случай, если ей не удастся проскользнуть мимо, и псих прикончит её сегодня ночью. Пусть хотя бы полиция потом получит улики и поймёт, кого искать и что вообще произошло.

Едва приложение такси уведомило сообщением, что машина ожидает по указанному адресу, Ольга, словно змея, сползла со стула. Крепко вцепившись в сумку, она рысцой

побежала к автомобилю, водителя которого перед этим с пристрастием разглядывала сквозь окно кафе.

Не он. Слава богу!

«Господи, — шептала девушка про себя, сидя на заднем сиденье такси, — если ты существуешь, пожалуйста, помоги мне добраться до дома целой и невредимой! Прошу тебя, Господи, помоги мне. Взамен я обещаю: сразу удалю чёртового приложение. Ноги моей не будет на этих сайтах и сервисах знакомств. Я клянусь, только помоги мне. Умоляю...»

Вот так, нащёптывая свежепридуманную молитву (поскольку ни одной настоящей Ольга не знала), девушка с закрытыми глазами ехала домой.

Таксист молчал, лишь изредка посматривая в зеркало заднего вида. Он желал лишь одного: чтобы это, судя по всему, пьяное тело на заднем сиденье не заблевало салон. Зарекался ведь пьяных не возить, и опять туда же! Хотя это «тело» довольно резво примчалось к машине и быстро уселось — и не скажешь, что пьяное. А сейчас сидит, глаза закатила, что-то шепчет... А если под наркотиками? Это ещё хуже! Не дай бог отъедет прямо в машине — тогда точно ничем хорошим не закончится.

Ольга добралась до дома и, крикнув водителю быстрое «спасибо», завидным галопом в три прыжка проскочила расстояние от машины до подъезда. Руки дрожали. Дрожали настолько сильно, что Оля не с первого раза смогла набрать код домофона, чтобы проклятая бесчувственная железка нако-

нец звякнула и впустила её внутрь.

Едва ворвавшись в безопасное пространство и захлопнув за собой тяжёлую дверь, Ольга прислонилась к стене и громко выдохнула. Сумка выпала из ослабевших рук на грязный подъездный пол. Из глаз брызнули слёзы счастья и облегчения.

Оказывается, жить хочется! И очень сильно. Жизнь — прекрасна! Ради неё действительно стоит жить. Ради утреннего стука сердца стоит открывать глаза, чтобы вдохнуть воздух нового дня, чтобы снова увидеть белый свет и солнечные лучи, расплзающиеся жирными мазками по утреннему горизонту... Увидеть серебро сверкающего снега, лоснящегося на солнце, и толстых ворон, помпезно рассевавшихся на ветвях голых деревьев и утробно каркающих, встречая рассвет вместе с человеком.

Риторический, глубоко философский вопрос о смысле существования неожиданно получил ответ и превратился в чёткий план действий на всю оставшуюся жизнь: жить и радоваться этому! Проживать каждый день так, будто он последний. Любить и ценить то главное, что имеешь — саму жизнь. Ведь момент, когда её лишишься, может наступить внезапно, и ты даже не успеешь понять её главную ценность.

— И чего ты не написала? — в коридоре появилась мама, едва Ольга переступила порог квартиры.

На лице родительницы выписывало пируэты ярко выраженное недовольство. Опять это недовольство... Мама-пер-

фекционистка никак не могла смириться с тем, что ребёнок получился не идеальным и не особо старается быть таковым. Что с ней делать? Какую грань ещё отшлифовать?

— Я забыла! — Оля крепко обняла маму и еле смогла сдержать вновь подкатывающие слёзы.

И маму видеть, оказывается, в радость. Да-да, ту самую маму — вечно читающую нравоучения, грозящую пальцем, поучающую, но всё же такую любимую. Жаль, папы не было дома, а то Ольга и из него все кишки выдавила бы от обнимашек! Добрый папа, во всём потакающий любимой дочери, точно не избежал бы крепких объятий.

— Что случилось? — мама тут же встревожилась и с подозрением посмотрела на дочь.

— Ничего! — девушка улыбалась так искренне, что это не могло остаться незамеченным ни ей самой, ни матерью.

Когда в последний раз она так улыбалась? Вот так, по-настоящему, а не по требованию обстоятельств? А чёрт его знает... Такое ощущение, что никогда. В прошлой жизни, может быть.

— А чего мы обнимаемся, как будто не виделись триста лет? — улыбнулась мама, хотя всё ещё с неким подозрением разглядывала лицо дочери.

То, что ребёнок взволнован, было видно невооружённым глазом. А матери — тем более.

— Просто так, мам. Захотелось обнять — и всё. Я обняла. Есть хочу! — Оля рассмеялась.

Это была реакция отходящих от стресса нервов, конечно же, ведь ничего смешного на самом деле не происходило.

— Есть? — ещё больше удивилась мама. — Ты же только из кафе! Не ели там, что ли? А что тогда делали?

— Ма-ам... Мы студенты, нам хватило денег только на чай.

— Понятно. Остыло уже всё, я в холодильник убрала. Иди ешь.

Вдоволь наевшись (хотя кусок, честно говоря, в горло не лез) и наговорившись с мамой, Ольга наконец ушла в свою комнату. Закрыла дверь, прижалась к ней спиной и громко вздохнула, окончательно расслабляясь в стенах своей обители. Здесь безопасно. Здесь никто её не достанет.

Ольга вытащила из-под подушки любимую пижаму с аппликацией мультяшных мишек и уселась на кровать. Оказывается, у неё ломило всё тело от перенесённого напряжения! Только сейчас мышцы начали расслабляться, наливаясь тяжестью и болью. Девушка сняла джинсы и размяла задубевшие икры. Больно... Чёртовски больно! То же самое происходило с бёдрами и мышцами рук.

Девушка вздохнула и закрыла глаза.

«Ну и дела, едрить его колотить...» — пронеслось в голове с новым вздохом.

С трудом заставив себя подняться, Оля даже не смогла дойти до ванны: переделалась и просто упала на кровать.

В полной темноте пальцы нащупали телефон. Сердце

опять замерло от дикого волнения, а руки никак не решались разблокировать экран. Кто знает, что она сейчас там увидит и в какую пучину страха увиденное её швырнёт?

Но любопытство беспощадно — гори оно в аду! Отвратительная штука, будоражащая ум и уничтожающая любой покой.

Тусклый экран всё-таки зажёгся. Набрав полную грудь воздуха, Ольга приоткрыла один глаз: обоими смотреть было слишком страшно. В приложении висело несколько новых уведомлений от незнакомых мужчин, желающих пообщаться или познакомиться. Но Ольгу интересовали только три из них — новые сообщения от Демьяна.

Демьян: «Бегством от судьбы ещё никто не уходил».

Демьян: «Белое такси... как непривычно».

Демьян: «Приятного аппетита».

Оля открыла оба глаза. Широко. Чёрные зрачки полностью поглотили серовато-серебристые радужки. В них снова поселилась новая порция страха и паники.

Она хотела лечь спать, но теперь — вряд ли. С захватывающим страхом, молниеносно распространяющимся по венам и нервам, о сне думать не приходилось. Все мысли были только о маньяках и убийцах, с одним из которых девушку угораздило связаться. Хотя почему «связаться»?

— Удалить анкету! — прошептала Ольга. — И всё. Проблемы будут решены. Может, он как-то через телефон узнаёт, что я делаю?

Пока Ольга со скоростью света гоняла мысли и пыталась сообразить, что происходит на самом деле, её дрожащие пальцы уже лезли в настройки, желая скорее стереть даже фиктивные данные, а затем уничтожить и само приложение.

Внезапно вверху экрана смартфона вспыхнула ярким красным цветом цифра «1».

Во рту пересохло так, будто Оля уже неделю бродила по изнемогающей от зноя пустыне, где никогда не наступает ночь. Руки задрожали ещё сильнее. Пришлось найти в себе силы, чтобы приподняться и поправить подушку под спиной. Выдох... Открылось новое сообщение.

Демьян: «Не надо... Поговори со мной».

Ольга зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть: ещё не хватало мать до инфаркта довести!

Что делать? Срочно удалить? Или успокоиться? Ведь если бы этот маньяк был столь вездесущ и хотел её убить — ну, наверное, уже убил бы! Была ведь возможность: заскочить за ней в лифт или в подъезд... Раз он где-то рядом и такси действительно видел, значит, как-то следит. Или попытаться выяснить, что ему нужно?

Так, стоп. Что за паника? Ведь он даже не знает, как на самом деле выглядит девушка! В приложении нет ни одной фотки, схожей с внешностью Ольги хотя бы на один процент. Откуда он может знать её лицо? Или... знает?

Анжела: «Ты кто? Следишь за мной? Чего тебе надо?»

Не соображая от слова «совсем», Ольга набрала самые

животрепещущие вопросы и отправила сообщение. Если что-то пойдёт не так, девушка в своей панике решила сразу сдать матери и вызвать полицию. Каждую строчку переписки она тут же скринила, боясь, что улики будут удалены незнакомцем.

Демьян: «Демьян. Как ты себе представляешь, что я слежу за тобой? Стою за дверью твоей комнаты и сквозь щель снизу наблюдаю за твоими страхами, лежащими рядом с тобой в мягкой кровати? Это же невозможно. А чего мне надо? Разве ты не прочитала об этом в описании анкеты?»

Оля читала сообщение и чувствовала, как на голове шевелятся волосы. Пугающие мурашки выступили по всему телу и замерли. Не бегают, не подрагивают — просто проявились и зацементировались, создавая ощущение, будто девушка лежит на толстенных иглах.

Незнакомец слишком детально описал её текущее состояние! Будто он и вправду стоял там, прямо за дверью... Как пёс Преисподней, стоял и вдыхал воздух сквозь щель между дверью и полом, а из его оскаленной, молчаливой пасти капали вязкие слюны, пахнущие гнилью и трупной вонью.

Оля зажмурилась и затрясла головой, стараясь смахнуть эти пугающие наваждения, порождённые собственным разумом.

— Бред какой-то! — шикнула Оля сама на себя и вновь открыла профиль пугающего незнакомца.

Снова это фото, снова это манящее, неестественное лицо.

Глаза Ольги расширились, рот сам собой приоткрылся. Девушка была готова поклясться: раньше такой явной усмешки на чарующем лице мужчины не было!

Ольга бросилась в галерею к сохранённым изображениям. Чёрт! Губы незнакомца на сохранённом фото действительно ни грамма не пытались изобразить улыбку и уж тем более усмешку. Всё тот же уголок губ лишь слегка привздёрнут вверх. А на фото, загруженном в профиль, мужчина ухмылялся! Ухмылялся!

Вот теперь холодный, липкий пот выступил у неё на лбу.
— Я умом тронулась... — проскулила девушка, сползая ниже с подушек и укрываясь с головой.

Внезапно стало так холодно, что зубы сами собой застучали. Пока потихоньку...

Девушка принялась перечитывать описание анкеты. Действительно, что нужно этому парню? Кого он ищет? Если это вообще его фото... Ведь он, как и сама Ольга, мог выставить снимки несуществующего человека — или ворованные фото какого-нибудь иностранца, который никогда в жизни не скачает русское приложение и не увидит себя на просторах нашей сети.

Мужчина искал партнёршу возрастом до тридцати лет. Не особо требователен к внешности, но хотел бы видеть рядом с собой человека, находящегося с ним не просто на одной волне, а всецело погружённого в эту волну — друг в друга. Он искал не просто родственную душу, а часть собственной

души, потерянную в сотнях реинкарнаций. Он был уверен, что такая женщина существует, и именно её он искал. Хотел воссоединиться в единое целое, чтобы прожить эту жизнь крайне увлекательно, в неразрывной сцепке.

— Да он больной! — прошептала Ольга, повторно перечитывая текст. — Скорпион. Гетеро. Больной. Тут должно быть написано: «пациент психиатрической клиники».

Анжела: «Я прочитала. Боюсь, что я не подхожу под твоё описание. Извини».

От этого дикого персонажа нужно было отрешиваться всеми возможными путями.

Страх никуда не делся и не изменился в объёме: всё так же страшно, всё так же тревожные мысли бороздят разум, а нервы продолжают посылать сигналы опасности. Животный ужас. Столько времени человек с мировой арены вещает о своём превосходстве над миром, над природой, над всем живым... И вот — малейший испуг за собственную шкуру, и величественный человек встаёт на один уровень с мышью. Маленькой мышью, загнанной жирным, голодным котом в угол. А над ней уже разверзлась пасть, усеянная острыми клыками, мечтающими вонзиться в трепещущую плоть, чтобы горячая кровь омывала их, а скованные страхом мышцы пропускали их сквозь себя.

Мышь и человек — казалось бы, такие уникально разные! И в то же время их инстинкты сработали идентично: замереть. Бежать некуда. Драться не с кем. Да и никогда

мышь кота не победит. Это реальность, а не смешной детский мультик, где фундаментальные законы мира кувыркнулись и нарушили эволюционно устоявшуюся парадигму тем, что мышь гнобит кота.

Демьян: «А я думаю, ты ошибаешься».

Каждое его сообщение провоцировало новые холодные волны и вызывало очередные порции отвратительных мурашек. Но его лицо на фото в ночной темноте, казалось, смотрело прямо в глаза девушки, будоража совершенно иные, глубокие инстинкты...

Анжела: «Слушай, извини, конечно, но ты меня пугаешь. Правда. Это всё очень жутко. Как ты узнал о такси? Ты следишь за мной?»

Демьян: «Я много чего знаю. И для моих знаний необязательно стоять за твоей спиной».

Оля нахмурилась.

«Он просто пугает меня. Пугает — и всё! Это тактика у него такая, подкат?» — Ольга мысленно успокаивала себя. — «Хватит паниковать, Селивёрстова! Что и как может сделать тебе некто из приложения? Он ничего о тебе не знает. Давай уймись уже и включи логику. Прекрати панику! Все его реплики могут быть не более чем совпадением — пусть и довольно удачным. И всё. По факту он ничего такого не сказал. Подумаешь, белое такси! Ничего удивительного. И в том, что я сейчас в кровати, тоже нет ничего удивительного: ночь на улице, где ещё мне быть?»

Слово за слово, и Ольга понемногу начала успокаиваться. Анжела: «Что ещё ты знаешь?»

«Я просто пообщаюсь, попробую выяснить, что в голове у этого психа. Не может же он постоянно попадать в точку — обязательно где-то проколется!» — Оля усмехнулась сквозь остывающую панику.

Усмешка вышла скорее вымученной, чем естественной. На самом деле ей не хотелось ни усмехаться, ни улыбаться — вообще никаких позитивных чувств Оля сейчас не испытывала. Но ей хотелось поддержать запуганный организм, заставить его улыбнуться: мышцы, отвечающие за улыбку, наверняка напомнят телу о положительных эмоциях, успокоят и расслабят.

Демьян: «Ты правда хочешь знать? Прямо сейчас? Или всё же предпочитаешь передышку в получении информации? То, что сегодня случилось, уже едва не остановило твоё сердце. Хорошо подумай, стоит ли спрашивать то, на что ты не готова слышать ответы. Предлагаю отвлечься: расскажи о себе».

Оля сдвинула брови к переносице. Ну вот! Мурашки начали расходиться, освобождая кожу от своих отвратительных оков. Вновь начало ощущаться приятное прикосновение хлопкового пижамного белья. Ольга пошевелила пальцами ног по простыне. Да! Тело возвращало былую чувствительность.

Анжела: «А что именно тебя интересует?»

Демьян: «Зачем ты здесь?»

Анжела: «Затем же, зачем и ты. Только без столь изысканного слога».

Демьян: «Ты такая юная, красивая... Неужели есть сложности с поиском пары в реальной жизни? Что заставило тебя броситься на поиски интернет-знакомств?»

Оля улыбнулась. Осторожно. Боясь спугнуть подкрадывающееся расслабление и покой.

Как хорошо, что этот псих способен не только пугать до смерти, но и общаться по-человечески! Это радует. Радует потому, что Ольге очень не хотелось удалять профиль. Лицо незнакомца попросту не выходило у неё из головы — оно стояло перед глазами поверх всего окружающего, поверх ночной темноты. Окружённое виньеткой ночи, его звериное очарование буквально впивалось во взгляд девушки.

Анжела: «Да, есть некоторые сложности с реальностью».

Демьян: «Какие?»

Анжела: «Разные».

Демьян: «Боишься сказать? Хочешь, я скажу за тебя?»

Оля нахмурилась. Снова возвращалось волнение. Пока лёгкое, не травмирующее, но оно уже было здесь. Его можно было потрогать: оно материализовалось в физическом теле, проникало во все мышцы и уплотняло их. Пока лишь уплотняло... Но ещё одна пугающая выходка со стороны собеседника — и мышцы опять превратятся в камень.

Интрига и любопытство никуда не делись. Они восседали

за единым столом, пиршествовали вместе с паникой и страхом, играя далеко не последнюю роль.

Анжела: «Скажи. Мне интересно, как ты видишь эту ситуацию».

Демьян: «Знаешь выражение: «любопытство сгубило ко-та»?»

Анжела: «Слыхала».

Демьян: «Смотри не стань тем самым котом... Начну с са-мого простого: предполагаю, что ты вовсе не Анжела».

Одним резким ударом грудная клетка сжалась. Олю посетило то самое мерзкое чувство, когда соврал, а тебя в твою же ложь ткнули носом, как нашкодившего котёнка в лужу. В ложь, которая, казалось, никогда не обернётся против тебя и правду о которой никто не сможет узнать.

Обычно в такой ситуации предстают две дорожки: либо пасть ничком и молить о прощении за неуместный обман, либо уходить в глухое отрицание. Оля выбрала второй путь.

Анжела: «А вот ты и ошибся!»

В ответ Демьян прислал улыбающиеся смайлики. Но даже от этих обычных, всеми используемых эмодзи повеяло уже знакомой издевательской усмешкой с его аватарки.

Анжела: «Как это понимать?»

Демьян: «Как тебе больше хочется?»

Девушка облизнула сухие губы. Как же хочется пить!

Отложив телефон в сторону, Оля отправилась к холодильнику, где мама всегда хранила свежавыжатый сок. Мама дол-

го клянчила у папы хорошую соковыжималку. Папа долго сопротивлялся, полагая, что это неразумная покупка ради стакана сока раз в полгода. Но выклянчила! Ей всегда было проще дать желаемое, чем объяснять, почему нельзя. Видимо, чтобы утереть папе нос, сок появлялся в холодильнике каждый день, вот только пила его одна Оля. Папа — как и прогнозировал — выпивал стаканчик раз в полгода. Пила ли сок сама мама — ни Оля, ни отец не знали: по крайней мере, никто из них ни разу не заставлял её за этим занятием.

Утолив жажду, Оля практически бегом вернулась в комнату и схватила телефон. На часах — полночь.

Студенческий чат кипел и бурлил перепиской и обменом фотографиями. Оля не стала читать ни одного сообщения — лишь нажала на стрелочку вниз, ведущую к последнему неп прочитанному, потому что мелькающая цифра с количеством сообщений её раздражала. О чём общались одноклассники — внезапно стало абсолютно неинтересно. Неинтересно даже то, о чём писал Аксёнов. Больше он не был для неё задорным весельчаком группы. Его просто больше не существовало.

Анжела: «Прости, если выскажусь неуместно, но ты странный».

Демьян: «Не думаю, что страннее других людей. У всех есть своя сухая изюминка, которую либо скрывают, либо выпячивают. Я предпочитаю выпячивать. Ты ловко попыталась сменить тему. Не хочешь, чтобы я продолжал делиться сво-

ими предположениями о твоём интернет-присутствии?»

Оля улыбнулась. А вот это и вправду было забавно! Она набрала ответ.

Анжела: «Вообще-то не очень. С учётом того, что в первом же своём предположении ты ошибся».

Оля даже хихикнула. Теперь незнакомец не пугал её, а скорее забавлял своей самоуверенностью. Хотя в глубине души слегка настораживало то, что эта самоуверенность явно была не безосновательной.

Демьян: «Вообще-то нет, не ошибся. Просто ты не хочешь признать, что я прав».

Анжела: «Продолжай».

Демьян: «Ты не Анжела. А твоё фото — вакуум».

Анжела: «Я не буду переубеждать тебя и что-то доказывать. Верить или нет — твоё право».

Демьян: «Разве я просил что-то доказывать? Я и так знаю правду, а правда уникальна. Любая копия правды — это уже ложь. Я знаю лишь одну ипостась правды — ту же самую, что и ты».

Анжела: «И всё же ты странный. Было приятно пообщаться, но я думаю, нам не по пути. Извини. Хорошего вечера».

Демьян: «До завтра, Анжела...» Мужчина вышел из сети, о чём незамедлительно сообщил некогда зелёный кружочек возле его имени, сменивший цвет на тёмно-красный.

Ольга ещё минутку смотрела на последнее сообщение Демьяна, пытаясь разобраться в целой гамме противоречивых

эмоций. Раскладывая их по полкам и разбирая этот хаотичный ворох, Оля первым делом призналась себе: мужчина — а точнее, его внешность — чрезвычайно её прельщает. Он ей нравится. Очень нравится его лицо.

При этом она отчётливо понимала и другое: настоящая Ольга с её незамысловатым лицом, а не виртуальная «Ангела» со сказочной внешностью, никогда не сможет зацепить такого красавца. Это нужно было принять сразу, сейчас же — чтобы потом не было адски больно. Как принимать яд по капле каждый день: если когда-нибудь придётся выпить целый стакан, организм не сдохнет и уже будет готов к отравлению и сохранится шанс выжить.

На второй полке оказалась странность мужчины. Полка была средней — как и отношение к этой самой странности. Вроде пугает, отталкивает, заставляет прятаться в скорлупу и закрываться за прочной дверью от внешнего мира, переполненного чудачествами.

Бывают приятные странности: они случаются — и на душе становится легко. Странно ведь, когда кошка вылизывает собаку, с которой они ещё час назад дрались не на жизнь, а на смерть... Или когда попадаешь в мелкую аварию, знакомишься с виновником и начинаешь с ним встречаться. А бывают странности неприятные. Странно и жутко, когда лежишь ночью в кровати и слышишь шаги в коридоре и тяжёлое дыхание — при том, что живёшь один. Странно выгнать авто из автосервиса, отдав круглую сумму, и услышать всё

тот же назойливый стук... Демьян балансировал в сознании Ольги ровно посередине: он чаровал и одновременно отталкивал и пугал.

На самом же видном и обширном месте сгрудились негативные эмоции: страх, паника, подступающий ужас. Всё это принесло общение с Демьяном, и ничто из этого не подталкивало Ольгу к азартному: «А давай ещё!»

Эта категория весила больше всего. Рациональность и логика железной хваткой вцепились в её нервные окончания, дёргая за них и мгновенно уничтожая даже призрачный намёк на покой. Именно отравленный паникой раз.

«Удали анкету! Смени номер телефона, прописку, страну и планету!» ум не замолкая требовал: но в любой женщине живёт не только разум, но и сердце — орган, руководствующийся исключительно чувствами. В нём нет сухой логики. Это оно запускает стаю бабочек в животе и натягивает толстые розовые очки, которые потом приходится разбивать годами. Именно сердце било себя в грудь и истошно вопило: «Он хороший, ты ничего не понимаешь!»

Сердце Ольги ядовито проказничало, грозя пальчиком и нашептывая: «Разве ты готова упустить такой лакомый кусочек из-за этого глупого, деградировавшего сухой логикой, лишённого эстетики чувств, мозга? Что хорошего он тебе посоветовал? Ну приведи хоть один пример! Правильно — ничего! Твой разум — меркантильный ублюдок, не стоит слушать его в делах сердечных, если не хочешь остаться од-

на на всю жизнь».

Доводы сердца одержали победу над строгой логикой. Спустя несколько минут Ольга шепнула экрану телефона: «До завтра...» — и наконец уснула.

Во сне власть взяло подсознание. Главный страх никуда не исчез: в глубине души жила твёрдая уверенность в том, что загадочный незнакомец из Сети — лишь современный маньяк-убийца. Благодаря технологиям ему больше не нужно бродить по тёмным паркам в поисках жертв. Ему достаточно поставить гипнотическую аватарку, чтобы глупые мотыльки сами слетелись на яркий, обжигающий свет его лампы в ночной тишине и пустоте.

Что самое чудесное в жизни среднестатистического человека, проживающего в таком мегаполисе, как Москва? Конечно же, выходные!

Их ждут не для того, чтобы отдыхать: московский ритм просто не позволит этого сделать. Он затягивает в себя, загоняет в колесо, превращая человека в белку. Подышающую белку — потную, с проплешинами по бокам, с языком на плече, но продолжающую бежать в этом колесе ради своих местечковых целей.

Студенты недалеко ушли от вспахивающих поля взрослых. Выходные для них — те самые дни, когда можно попытаться урвать лишний кусочек сна, чего Ольге никогда не удавалось.

Она вообще плохо спала этой ночью. Снились тревожные, запутанные сны, в которых то и дело мелькало лицо с фото из приложения знакомств. Неизменное, законсервированное лицо Демьяна. Лишь только губы меняли форму: то изображая ухмылку, то были вытянуты ровную линию. Не было сказано ни единого слова — по крайней мере, Ольга не могла вспомнить никаких монологов, диалогов или хотя бы собственных мыслей. Все сны той ночи приносили лишь чувственные ощущения, которые по большей части были неприятными и вынуждали жадную до сна студентку то и дело про-

сыпаться.

Мучила жажда, и к утру сок полностью исчез из холодильника — чему точно обрадуется мама, ухмыльнувшись папиной «непрактичной» покупке.

В итоге уже в семь утра Ольга хлопала глазами и смотрела в чёрный потолок. Декабрь за окном в Москве вряд ли когда-нибудь порадует в это время яркими лучами поднимающегося солнца. Декабрьская мгла... Беспроглядная. Ольга повернулась на бок, укуталась в одеяло, как гусеница, и высунула из тёплого убежища только руку, нащупывая телефон на тумбочке.

Смартфон бережно хранил перевалившие за сотню сообщения одноклассников и личные сообщения от подружек, в том числе от Сони. Ничего из этого не хотелось читать. Ничего не хотелось знать. Что там нового можно увидеть или прочесть? Ребяческую клоунату, которой мальчишки потешали свой гарем на педфаке? Сонька? Наверняка попыталась пообсуждать кого-то, пожаловаться на очередную несправедливость или снова выпытывала информацию о мифическом парне Ольги. Надя? Та, которая уже неделю боле-ла, скорее всего, кланчила лекции — ведь сессия на носу. Угораздило же свалиться с простудой прямо перед зачётами... И ещё чьи-то сообщения — неинтересные.

Вчерашняя переписка с незнакомцем разделила восприятие девушки на «до» и «после». Ей так сильно приглянулась эта атака собственными же эмоциями! Понравилось то, как

сочетается страх с интересом, а наслаждение — с испугом. То, как смешивалось всё, что не должно смешиваться, и то, что люди не привыкли испытывать одновременно... У неё это получалось, и это было феерично притягательно.

Отговаривая и мысленно уговаривая себя так не делать, Ольга вопреки собственным словам загрузила приложение знакомств.

Аватарка Демьяна опять поменялась!

Теперь на чёрном фоне в стиле ретро за деревянным столом сидел мужчина в чёрном распахнутом пиджаке. На белой рубашке, видневшейся из-под пиджака, показались чёрно-красные подтяжки. Верхние пуговицы рубашки расстёгнуты, но без пошлости. Просто расстёгнуты, даже груди не видно, но маняще раскрывшаяся ткань приковала к себе взор девушки, на мгновение перехватив дыхание и сбив сердцебиение.

Левая рука лежала на столе, рукав пиджака чуть поднялся вверх из-за натяжения, явив белый, будто сильно накрахмаленный рукав рубашки. Правая рука, согнутая в локте, вальяжно покоилась на спинке стула. На столе лежал пышный букет тёмно-бордовых роз. Без фольги. Без красивых и броских ленточек. Просто цветы, сложенные в букет.

Ольга сглотнула слюну, чтобы хоть как-то обмануть организм в том, что он не обезвожен, и снова перевела взгляд на лицо мужчины. Ну до чего же томный взгляд! Ни ухмылки, ни улыбки, никаких других эмоций — только томность

в глазах, всепоглощающая и приковывающая к себе.

Ольга так долго и неотрывно тарасилась на фото, что глаза стали концентрироваться только на лице и крупных, начинающих раскрываться бутонах роз, а всё остальное потихоньку начинало покрываться чёрным туманом.

Чем дольше девушка смотрела, тем больше внутри зарождалось сомнений по поводу личности мужчины. Таких не бывает! Вообще такого не бывает. Ничем, казалось бы, непримечательное лицо — а взгляд невозможно отвести. Оно чарует и лишает какой-либо возможности перестать смотреть. Не получается отвернуться, перелистнуть, закрыть. Получается только едва касаться пальцем экрана, чтобы он не потух, не уснул раньше времени и не стал виновником прерванного одностороннего зрительного контакта. Получается только смотреть и осторожно, не ломая связи, скачать новое фото.

— Чёртов урод! — тихо выругалась Ольга и хотела заблокировать телефон, попробовать поспать ещё, но палец так и не смог нажать на кнопку блокировки, а глаза всё продолжали пожирать фото.

«Что с тобой не так? — спрашивала Ольга сама себя. — Что ты за псих? И зачем здесь? Явно не для поиска второй половинки. С твоим лицом не проблема будет найти её, просто прогуливаясь от остановки до дома. Почему здесь? Или это фейк? А его лицо на самом деле не имеет ничего общего с лицом на фото? Как и моё...»

Рассматривая фото, вживляя в разум новый образ Демьяна, Ольга не заметила, как тёмно-красный идентификатор офлайн поменялся на зелёный — онлайн. Но к уже имеющимся двадцати прибавившееся сообщение не осталось незамеченным. Среди мусора сообщений от других пользователей Ольга знала: только что полученное послание пришло от него.

Демьян: «Доброе утро. Всё рассматриваешь меня? Нравится?»

Спусковой крючок был нажат. Оля тут же заблокировала телефон и вскочила. Уселась на кровати, запустив пальцы в волосы, нервно поправляя их.

На кухне послышался едва заметный шум. Мама встала, стараясь не разбудить ребёнка, уставшего после учебной недели. Оля отбросила телефон и вышла в коридор.

— О! — удивилась мама, никак не ожидая в субботу в восемь утра увидеть бодрствующую дочь. — Ты чего?

— Ничего! — Ольга пожала плечами. — В туалет захотела.

— Ясно, — женщина продолжила свой путь к ванной.

— Мама! — позвала девушка. — А сделай кофе, пожалуйста.

— Ты больше спать не будешь? — ещё больше удивилась мама.

— Не-а, выпалась. Кофе хочу.

— Сейчас, — женщина изумилась и поменяла траекто-

рию.

Ольга уселась в туалете и уставилась на закрытую дверь. Послышался звук включившейся кофемашины, гроыхнули кружки.

Конечно, мама не встречала утро без чашки кофе, но привыкла пить её в одиночестве. По будням дочь вставала дай бог за полчаса до выхода и не всегда успевала бросить кусок еды в рот, а чтобы выпить целую чашку кофе — так это встать надо часа за полтора минимум до выхода.

Испить кофейного напитка — это же целая отдельная жизнь! Ты делаешь глоток — внутри становится горячо, во рту появляется вкус арабики, в носу — запах кофейных зёрен. Искусство, которое в состоянии (как, впрочем, и любой другой вид искусства) замедлить жизнь.

Пьёшь кофе и смотришь на мир: вот люди куда-то бегут, машины толкают друг друга в пробках, поджимаются так близко, будто думают, что если прижаться ещё ближе, коснувшись бампером, то впереди едущий поедет быстрее... Под землёй мчатся в разные стороны поезда метро, где в тесном сплетении люди торопятся на работу... Огромный город-муравейник, где каждый спешит урвать что-нибудь для себя. А ты сидишь и пьёшь кофе, наслаждаясь ароматом, и у тебя нет желания спешить. За чашечкой кофе лучше всего понимаешь, что десять минут мир точно подождёт.

Ольга всё ещё сидела в туалете бессмысленно и неподвижно. Сидела и смотрела на деревянный узор двери бежево-

го цвета. Линии создавали тонкую узорчатую паутину, подсказывающую возраст дерева, превращённого в туалетную дверь. Внизу двери — матовое стекло, окутанное будто дымкой. Сквозь него пробивается тусклый свет, обогнувший коридор и бегущий с кухни.

Как же скучно просто так сидеть! Да и выходить, честно говоря, не хотелось совсем. Хотелось взять телефон в руки, но было страшно. Как он узнал, что его разглядывают? Или опять точное совпадение? Как часто в жизни случаются совпадения, и как их не перепутать с закономерностью predetermined судьбой событий?

А что есть совпадение? Ольга закрыла глаза. Врать себе сложно — это общеизвестный факт. Говорить самому себе неправду, заведомо зная, что это ложь, — легко, но поверить в неё — извольте, нет. Не бывает совпадений. Ольга всегда верила в то, что совпадений не бывает. Мама так учила: в жизни ничего просто так не происходит. Каждое, даже самое незначительное событие имеет порой колоссальное значение, и уж явно не может быть случайностью.

Есть потрясающе ёмкое выражение: «Боги смеялись всё утро и вечер над фразой «случайная встреча»». В богов, конечно, Ольга не верила ввиду нерелигиозности семьи и тенденций современного общества, а прикидываться верующей ни к чему. Но она верила: во Вселенной есть что-то такое, что называют богом, судьбой или ещё каким-то всеобъемлющим словом, означающим нечто высшее. Неземной разум

— не с точки зрения инопланетян, а с точки зрения разума, который на порядок выше, чем примитивные в сравнении с ним человеческие умишки. И то, что писал незнакомец, уже с трудом получалось назвать совпадением или случайным попаданием.

— Ты спишь там, что ли? — слышался голос мамы с ноткой раздражения. — Прямо как отец! Ушла в туалет и исчезла, будто у вас там портал.

— Иду я, — ответила Ольга, отвлёкшись от мыслей

— Чего так долго? — женщина никак не хотела угомониться, ставя кружки с ароматным кофе на стол.

— Я теперь понимаю папу, — улыбнулась Ольга. — В сортире очень хорошо думается.

— Да? — удивилась женщина. — О чём таком вам думается хорошо, о чём нельзя подумать за стенами туалета?

— О разном. О философии жизни.

— Очень интересно. Не знала, что двухчасовое сидение в туалете тоже передаётся по наследству. Вся в отца: что лицом, что мозгами.

— Это плохо? — Ольга вскинула брови и в ожидании ответа уставилась на маму.

— Нет... Наверное, — улыбнулась женщина. — Что делать будешь сегодня?

Ольга пожала плечами. Хороший вопрос. По-хорошему надо готовиться к сессии — она не за горами всё же. По-плохому? А по-плохому всё гораздо проще и распушеннее:

хочется послать к чертям эту сессию, учёбу и уроки и поддаться грёзам и мыслям о незнакомце из приложения. Хочется продолжить сумасбродное общение, снова начать бояться, волноваться и слышать едва уловимый трепет сердца, глядя на фото мужчины.

Так что же выбрать? Знание или любопытство?

— Пойду почитаю учебники... Наверное. Может, с подружками встречусь — планировали вроде. Правда, пока никто не писал, встречаемся в итоге или нет. А что? — ответила Ольга и сделала глоток горячего кофе.

— Ничего, интересуюсь твоими планами, — голос мамы наполнился строгостью, и Ольга прекрасно знала, чем это грозит и что будет дальше.

Она ничего не ответила.

— Какие, интересно, могут быть гулянки? — продолжила мама. — Когда у тебя первый экзамен?

Ольга продолжила молчать и пить кофе, лишь снова невозмутимо пожала плечами. Мама частенько любила примерять на себя маску строгого полицейского, грозящего пальцами, наручниками, всевозможными кодексами, пожизненными сроками, а в худших случаях — смертными казнями. Сейчас, очевидно, в начале девятого утра настало время этой маски — значит, так должно быть. Ольге привили уважение к старшим и умение молча слушать их нравоучения без возражений и споров — хотя и без всякого на то желания.

— Что ты плечами пожимаешь? — изумилась женщина.

— Совсем не следишь за учёбой? Вылететь хочешь прямо во время первой сессии?

— Нет, мам, всё гораздо прозаичнее: ещё не вывесили расписание экзаменов. Как только вывешят, я буду знать и скажу тебе.

— То есть ты хочешь сказать, что тебе не к чему готовиться и можно гулять?

— Нет. Я такого не говорила. Я сказала, что позанимаюсь, а вечером, может, пару часиков прогуляюсь с подругами.

Женщина уже совсем строгим взглядом посмотрела на восемнадцатилетнего ребёнка, на самом деле прекрасно понимая, что девяносто девять процентов студентов не хотят учиться. Они проживают свою молодость и не готовы тратить её на унылое времяпрепровождение за потрёпанными библиотечными учебниками, не поднимая головы. Она была прекрасно знакома с ужасной байкой от не менее унылых взрослых: мол, сначала выучись, а потом будешь гулять и тусить.

Не будешь! Всё! Это время будет безвозвратно упущено и потрачено на карпение над учебниками. Никогда в двадцать пять лет ты не сможешь веселиться так, как мог бы в восемнадцать. Все взрослые знают об этом, но продолжают передавать возмутительную ложь из поколения в поколение, будто это уникальная часть индийских вед, случайным образом сохранившаяся и дошедшая до нашего времени.

— У тебя хвосты есть? — спросила женщина, чуть успо-

коившись, но будучи не в состоянии отпустить ситуацию.

Она сама была такой же студенткой, взрослым не верила и решила в свои восемнадцать тусить так, как требует возраст. Закончилось отчислением... Хорошо, муж попался любящий и умный. И также мама знала, что лишь малейший процент студентов в состоянии совмещать буйство молодости и экзамены во взрослой жизни. И она была уверена, что её дочь к этому малейшему проценту никакого отношения не имеет: Ольга всегда была человеком однозадачным.

Ольга покачала головой. Всё сдано. Не на пятёрки, конечно, но сдано в срок и не ниже удовлетворительного балла. Впереди ещё две недели, и нет никакой страховки или гарантии, что мрачный лебедь не почтит своим присутствием журнал или, того хуже, зачётку. Но маме лучше об этом не говорить.

— Это хорошо, — женщина, казалось, совсем расслабилась. — Постарайся не наломать дров.

— Конечно, — улыбнулась Ольга. — Мне и самой эти дрова не нужны. Поэтому забираю кофеёк и иду в комнату, прочитаю что-нибудь душевное... По физике.

Девушка взяла чашку и поспешно удалилась в комнату — но не ради учебников. Нет, она, как порядочный студент, раскрыла книгу на самой тревожной теме, раскрыла тетрадь с лекциями. Уселась за стол, пила кофе и обоими глазами смотрела на лежащий слева телефон и уведомления от приложения на заблокированном экране...

Задумалась. Стоит ли посмотреть сообщение сейчас или всё же стоит позаниматься? Понятное дело, что манило в телефон, но суровая, дотошная логика и рациональный склад ума требовали изучить эту самую сложную и непонятную лекцию.

Поломав-таки своё любопытство, Ольга перевернула телефон экраном вниз, закрыла уши руками и принялась читать вслух до чёртиков унылый и скучный материал, скудно и сухо уложенный советскими физиками в учебник. Читать. Писать. Попытаться понять. Сдать экзамен и забыть про эту физику как страшный сон.

До самого обеда Ольга сидела над учебными материалами, действительно не поднимая головы, не отрывая рук от ушей — но не потому, что была поглощена наукой и хотела снова и снова грызть неподдающийся гранит, а потому, что боялась, что сорвётся и погрузится в телефон. Достучаться до борющейся с собой девушки смогла мама, позвав её обедать.

Ольга вышла на кухню, а там запахи достигли такого апогея, что волей-неволей вспоминалось выражение «язык проглотишь». На убранном столе (у мамы всегда был убран кухонный стол — ни крошечки, ни пятнышка) стояли две красивые глубокие суповые тарелки с дымящимся супом. Таким красивым, что Ольга не смогла не улыбнуться. В чёрной керамической тарелке с толстыми краями был налит желтоватый бульон, сверху аккуратной горкой насыпан укроп и три

листочка петрушки. Рядом стояли две маленькие пиалы с салатом из помидоров и огурцов, приправленным оливковым маслом.

Вот мама всегда такая была: всё должно быть эстетично и красиво — и не только в момент, когда папа возвращался домой, но и когда она одна садилась за стол. С самого рождения Ольга смотрела на мамину сервировку стола и, чем старше становилась, тем больше понимала, что она так никогда не сможет. Элементарно из-за лени.

— Садись, что стоишь? — женщина поставила плетёную корзинку с хлебом.

Ольга уселась, потирая руки. Какая же она, оказывается, голодная! Как сильно истощила её физика — и ещё сильнее желание увидеть фото Демьяна и его провокационные сообщения.

Ольга поела со скоростью света, несмотря на мамины угрозы есть помедленнее, а то так, чего доброго, недолго и подавиться, сгрузила посуду в раковину и умчалась заниматься в свою комнату.

Только на этот раз силы воли не хватило, и телефон оказался в руках.

Демьян: «Строгие родители, воспитывающие юную девочку, как целомудренную монашку — будет интересно».

Демьян: «Учение становится светом, когда действительно учишься. Имитация действия всегда остаётся имитацией безрезультатной».

Демьян: «Приятного аппетита».

Пока Ольга читала сообщения и одновременно с тем покрывалась долгожданными мурашками удивления и лёгкого страха, Демьян прислал ещё одно послание.

Демьян: «Ну, здравствуй... Анжела. Не очень удобно называть тебя чужим именем. Пока неудобно. Может, скажешь своё настоящее имя?»

К бурному потоку чувств добавилось раздражение, и Ольга быстро задвигала пальцами по клавиатуре, спеша отправить ответ.

Анжела: «Ты мне скажи моё имя. Ты же позиционируешь себя всезнайкой».

Анжела: «Что значит «интересно»? Я вообще-то собираюсь удалить анкету и приложение, так что «интересно» ненадолго осталось».

Внезапно Ольга замерла. Сообщения были грубыми и провокационными. Если по ту сторону экрана сидит прожжённый маньяк, он обязательно взбесится и, как только Ольга выйдет из дома, непременно уничтожит её самым изощрённым образом! Но функции удалить отправленное сообщение она не нашла.

Хуже всего то, что Демьян уже прочитал написанное, о чём приложение поспешило уведомить разволновавшуюся девушку, покрасив две параллельные галочки в синий цвет.

— Вот чёрт! — прошептала она и провела рукой по лбу: тот был холодным, с лёгкой, едва проступившей испариной.

— Почему я такая идиотка? Надо перевести тему.

Анжела: «А ты всегда в онлайн? Ничем не занимаешься? Не учишься и не работаешь?»

Демьян: «Если я скажу тебе твоё имя, боюсь, дорогая, ты упадёшь со стула. У тебя и так сердечко трепещет».

Демьян: «Прежде чем удалять анкету, предлагаю обменяться номерами телефонов. Мне приятно твоё намерение уйти отсюда — тем самым ты убережешь всех потенциальных конкурентов».

Демьян: ««Интересно» — значит интересно. Знаешь, что это такое? Спроси сейчас себя! Ведь тебе интересно со мной общаться».

Демьян: «Отчего ничем не занят? Работаю. Причём круглосуточно. Давно уже отучился, теперь пожинаю плоды».

Ольга вздохнула с облегчением, не увидев ни одного грубого слова и ни одной угрозы отвинтить девушке башку тупыми садовыми ножницами. Парень продолжал общаться в непринуждённом, фамильярном тоне, и, казалось, его это забавляет.

Признаваясь самой себе, забавляло это и Ольгу. Какова же всё-таки цель нахождения этого мужчины в приложении знакомств? Может, он вовсе не маньяк никакой, а обычный пикапер, оттачивающий мастерство или практикующий новые знания: необычный подкат и введение девушек в состояние некоторого аффекта и паники, вызывающие лёгкое возбуждение нервной системы? Адреналин — дело такое, на люби-

теля, конечно, но женщины любят острые ощущения.

Анжела: «Я не дам тебе номер. Ты кажешься мне по меньшей мере странным».

Анжела: «Так ты знаешь, как меня зовут?»

Демьян: «Я странный? Отчего?»

Демьян: «Знаю».

Ольга улыбнулась. Мужчина будто бросил ей вызов и дразнился. Знает он, конечно! Если бы знал, уже давно бы сказал, а не устраивал эти игрища «знаю — не знаю». Детский сад, ей-богу!

Анжела: «Отчего же странный? Не знаю, это вопрос не ко мне. Вряд ли я смогу ответить на него».

Демьян: «Ну так это ты утверждаешь, что я странный. На чём основано утверждение?»

Хорошо, что в конце вопроса стояли незатейливые смайлики, нивелирующие успешнее возрасти напряжение внутри девушки. Вроде не похоже, что он взбесился, а бесить психа не очень-то и хотелось. Страшно. И даже понимание того, что общение происходит исключительно в виртуальном пространстве, не спасало девушку от постоянно поднимающейся волны страха и опасений.

Анжела: «Интуитивно. Можно сказать, безосновательно — просто ощущение странности в нашем общении».

Демьян: «Странности — это разве не то, что привлекает девушек?»

Ольга усмехнулась: «Точно пикапер. Хорошо, сыграем.

Ведь и вправду интересно».

По-хорошему, Ольга никогда и не общалась с мальчиками. Обычные разговоры с одноклассниками и одноклассницами — не более. Ни она не флиртовала, ни с ней никто не заигрывал — лишь стандартные, больше похожие на оскорбления и унижения выкрики взрослеющих мальчишек, перед глазами которых маленькие девочки физиологически превращаются в девушек.

От размышлений Ольгу отвлекло сообщение от подруг, которые-таки решились встретиться. Школьные подружки, которые с каждым прошедшим месяцем таяли, устремляясь в свои личные жизни и забывая тех, кто прошёл с ними одиннадцать лет рука об руку. И это нормально: редко кто проносит дружбу через всю жизнь, со школьной скамьи и до самого конца.

Ольга не стала ничего отвечать Демьяну, отложила телефон и пошла собираться. Договорились встретиться через час в местном кафе. Девушки, если встречались, всегда выбирали это заведение, принадлежавшее армянской семье. Сколько Ольга себя помнила, столько и существовало это кафе. Мама говорила, что оно уже было, когда они с папой только переехали в этот район.

Там всегда чистота, порядок, вкусно пахнет и подают такие интересные блюда, которые хозяйка готовила сама — своего рода эндемичные, нигде в Москве такого больше не попробуешь. Сами хозяева тоже были очень приятными

людьми, ратующими не за количество, а за качество. Они не принимали дебоширов, матершинников, хамов и прочий раздражающий, портящий окружающим отдых контингент. Без зазрения совести хозяева выставляли таких, не гнушаясь их обширных угроз, начиная от обещаний «разбить морду» и заканчивая судами и потерей бизнеса. Домашняя атмосфера, уют и доброжелательность привлекали много людей и сохраняли лояльность клиентов на протяжении многих лет.

— Я пошла, мам! — надевая кроссовки в коридоре, крикнула Ольга в глубину квартиры.

Тут же из родительской комнаты выглянула мама, чуть нахмурившись:

— Куда?

— С Олесей и Катей встретиться. Пойдём к армянам посидим.

— Надолго?

— Ну, на пару часиков точно, а там посмотрим.

— Деньги есть?

— Есть чуть-чуть. Добавишь — будет ещё лучше, — Ольга заискивающе улыбнулась и застегнула пуховик, натянув белую вязаную шапку на брови.

Мама чуть закатила глаза, вздохнула и прошла в коридор к полке, где у зеркала всегда стояла её сумка. Женщина достала кошелёк и протянула дочери две тысячи рублей, ничего не комментируя. А что тут комментировать? Юность — она такая! Все там были, все знают, как хочется скорее ощу-

тить себя достаточно взрослыми, чтобы с независимым выражением лица сидеть в кафе и не считать копейки за один латте, который приходится цедить весь день — лишь бы не сидеть за пустым столом, а делать вид, что просто хочется только кофе.

— Спасибо! — взвизгнула Ольга и убрала деньги в практически пустой кошелёк.

— Хватит?

— Да! Даже останется! Спасибо!

Ольга выскочила за дверь и чуть ли не вприпрыжку помчалась к лифту.

Когда Ольга вошла в кафе, её уже ожидали две девушки, весело болтающие друг с другом и пьющие тот самый злополучный кофе. Ольга усмехнулась и прошла к столику в углу около окна.

— Привет! — поздоровалась она, расстёгивая пуховик.

Подружки повскакивали с мест и принялись обниматься, причитая, как давно не виделись, как соскучились и всё такое. Усевшись за стол, Ольга заказала кофе. Студенческий напиток, перерастающий в легализованный наркотик взрослого человека, хоть как-то поддерживающий активность — особенно по угрюмым утрам.

— Ну, рассказывайте! — Ольга схватила замёрзшими руками кружку с горячей жидкостью, переводя взгляд то на одну, то на другую подругу.

Хотя уже и без рассказов многое было видно. Олеся, на-

пример, коротко подстриглась и выкрасила некогда русые волосы в серебристый цвет. Новая стрижка очень шла ей и подчёркивала острые черты лица: тонкий нос, раскидистые брови — будто Олеся только вышла от бровиста, который придал бровям красивую, утончённую форму. Ольге, как художнику, очень импонировало сочетание серебряных волос, шоколадных бровей и изумрудных глаз Олеси. Девушка буквально превратилась в роковую красотку.

Интересно, отчего такие изменения? Отчего зимним декабрём Олеся сидит в тонкой облегающей кофте с глубоким декольте, демонстрируя изящный кулончик, полученный в подарок в ювелирном магазине, рекламу которого Ольга не так давно видела по телевизору? На руках — красивый, качественно сделанный френч. На тех самых руках, где полгода назад торчали заусенцы и через один были обкусаны ногти...

Катя, в отличие от Олеси, не особо изменилась. Как была с туго завязанным хвостом кудрявых волос, так и сохранила эту традицию. Не внесла новизны она и в гардероб, надев знакомую мешковатую кофту, застёгнутую по самые уши. Ещё в школьные годы, когда только начала расти грудь, Катя влезла в мешки и не вылезала из них по сей день, стесняясь своего естества.

— Ух! — Олеся усмехнулась, игриво прищулив глаза. — Рассказывать до фига есть чего. Сейчас расскажу!

Катя улыбнулась и откинулась на спинку кресла, а Ольга

приготовилась слушать. Чуть-чуть, а иногда и не чуть-чуть Ольга любила посплетничать.

— Короче, три месяца назад ехала я в универ, не спав полночи — писала какой-то идиотский реферат. Забыла совсем о нём, пришлось впопыхах садиться и клепать. Утром встала разбитая, убитая, никакая — надо было вообще не ложиться! Но не суть важно. В общем, вышла я из метро: спать хочу, настроения никакого, люди бесят, ноги оттоптали, телефон дома забыла вместе с кошельком — даже кофейку не приобрести. Короче, мысли были чуть ли не суицидального характера — знаешь, когда жизнь в одночасье становится редкостным дерьмом. Выхожу из метро, перехожу дорогу на остановку — и меня сбивает машина. Несильно, не убила, не сломала, но стало очень неприятно, вдобавок это стало последней каплей дерьма в тот день. Я разрыдалась прямо посреди дороги, в луже под дождём. Представляешь, как я выглядела?

— Догадываюсь, — кивнула Ольга, представляя себя на месте подруги. — Стрёмная ситуация. Сильно машина ударила? Или ты лёгким испугом отделалась?

— Лёгким негодованием скорее. Ты просто прикинь саму ситуацию! Из-за сраного реферата всё пошло по одному месту! Я понимаю, что не могу идти в универ в таком виде на первую пару, где как раз и надо сдать реферат! Это же просто мгла! Меня такое зло взяло, я думала, что убью водителя. Ну что за мудаки, который не знает, что людей на пешеходном

надо пропускать?

— Да ладно?! Ты ещё и на пешеходном была! — удивилась Катя. — Я думала, ты в неподобающем месте перебежала...

— Да хрен там, — Олеся возмутилась. — Я-то переходила в установленном месте, а вот водитель — мудила.

— Тут не могу не согласиться! — кивнула Ольга, до чёртиков считавшая себя правильной и строго следующей правилам и нормам.

— Но не в этом дело! — коварно улыбнулась Олеся. — В момент, когда я была готова убивать водителя голыми руками, из машины вышел такой красавчик! Такой мальчик, что у меня кулак сам по себе разжался, руки опустились, рот открылся. Я, короче, просто офигела. Так и сидела в луже дальше с открытым ртом. Он ко мне, естественно, из лужи тянет, что-то спрашивает, а я в лицо ему смотрю и глаз отвести не могу. Словно не слышу, только картинку смотрю и понимаю: трэш, не могу не смотреть на него, говорить не могу. Мозг вообще выключился, такой: «Всё, нахер, я ухожу».

Что Ольга, что Катя сидели с вытаращенными глазами. История звучала так, будто была взята из дешёвого бульварного романа, и ты никак не ожидаешь, что такая дешевизна когда-либо может случиться в жизни. Оказывается, жизнь такая... по меньшей мере непредсказуемая.

— А дальше? — спросила Ольга, затаив дыхание.

— А дальше мы познакомились, и вот уже третий месяц

встречаемся.

— И как? — не унималась Ольга.

— Что значит «как»? — Олеся смутилась, явно не понимая, что именно хочет услышать подруга.

— Ну... — Ольга засмущалась, глаза опустила. — У вас было... это?

— Секс? — рассмеялась Катя. — А ты чего думаешь, они просто за ручки ходят держатся?

— Да! — поддержала Олеся Катю. — За ручку мы первые полтора месяца ходили, потом доходились... Оказались в постели.

— Расскажешь? — попросила Ольга.

— Приехали к нему в гости. Живёт один. Я по возможности этот момент оттягивала до последнего, потому что знала: как только мы вдвоём окажемся на закрытой территории, точно трахнемся. Я не знала, что у него на уме, но у меня с момента, как я его увидела, всё свербело между ног. Я прямо хотела его безумно. Когда сказала ему, что никогда не была с мужчинами, у него глаза загорелись как у голодного хищника. Короче, приехали к нему — по мне так оба отлично знали, зачем туда приехали, — Олеся пожалала плечами, будто говорила о настолько обыденных вещах, которые в принципе не могут быть интересными.

— А дальше? — с нетерпением Ольга ёрзала на месте.

— Ну что дальше... Дальше прямо в коридоре обнимались и целовались, такая бешеная страсть, и я в какой-то момент

потеряла голову. Не поняла даже, как мы оказались в комнате, в кровати. Одежду посрывали друг с друга — и тут на меня напал стыд! — Олеся рассмеялась. — Я же девственницей была, а тут хоп — и лежу в его кровати голая. Жесть, короче. Ну, он тоже напрягся, заметил, что я морожусь, сразу спрашивать начал, что со мной. Я объяснить не могу, страшно и нервозно. Он такой: «Сейчас я тебя расслаблю» — и давай такое творить руками, что и пяти минут не прошло, как у меня глаза закатились и я прямо отъехала. Потом в какой-то момент он просто вошёл в меня.

— Больно? — спросила Ольга.

Отчего-то ей было очень интересно, как происходит первый сексуальный опыт, хотя раньше она не замечала за собой таких интересов. Нет, безусловно, тема секса её интересовала в рамках общества и в рамках некоторой новизны — того, чего она не пробовала, а хотелось бы. Но сейчас, слушая подругу, которая совсем недавно пережила первый сексуальный опыт и теперь сидела счастливая, распутившись, словно сочный бутон розы, продолжая цвести и сиять, Ольга почувствовала укол. Ей очень захотелось пережить такое же — чтобы её потом тоже слушали с открытым ртом и завидовали. Да-а-а... Ольга призналась сама себе: не просто нотка, а целый оркестр зависти зловещей симфонией разразился у неё в сердце.

— Офигеть как! — Олеся раскрыла глаза, и её лицо тут же сделалось серьёзным, будто она вернулась в воспомина-

ния того дня и снова почувствовала эту боль. — Я думала после первого раза, что на этом моя половая жизнь, пожалуй, закончилась. Хватит, на хрен такое «наслаждение». Второй раз Илья долго уговаривал меня, обещал, что так, как в первый раз, уже не будет, начнёт нравиться и будет кайф.

— Вот они все такие! — фыркнула Катя. — Лишь бы в трусы к девке залезть, и пофиг — больно, хорошо ей, терпи ему в угоду, блин.

— Ты думаешь, всегда больно, что ли? — изумилась Ольга. — Сомневаюсь, иначе не было бы столько секса в интернете, девчонки бы просто отказывались.

— Я бы точно отказалась, — Катя брезгливо поморщилась, глотнула кофе, аккуратно взяла кусок пиццы и принялась неспешно жевать.

— Ну, не знаю, — Ольга разочарованно опустила голову.

— Зато я знаю, — Олеся перебила подружек. — Илья оказался прав. Второй раз был практически безболезненным, а в третий и последующие я уже действительно начала получать удовольствие.

Все трое замолчали и уставились друг на друга: каждая застряла на своём уровне восприятия и отношения к сексу. Ольга не знала, что творилось в головах у подружек, но про себя точно знала, что попробовала бы и в первый, и во второй раз — какой угодно, но только с любимым человеком. Да ещё убедилась бы, что любимый человек действительно её любит. С первым попавшимся, который случайно переедет

её на пешеходном переходе, Ольга не была готова делиться столь сакральной частью себя. Вслух она, конечно же, ничего такого не сказала, чтобы не обидеть подругу, но про себя подумала: стремительные отношения, переросшие в полноценный секс всего за три месяца, — это грязно.

— Ну, сейчас у вас всё хорошо? Он не собирается тебя бросать? У тебя нет ощущения, что тебя использовали? — аккуратно спросила Ольга.

Катя перевела взгляд на Олесю, явно ожидая, что ответит подруга.

— А почему я должна себя такой чувствовать? — удивилась Олеся. — Нет, он не говорил мне ничего такого.

— А ты любишь его? — Ольга тоже стала серьёзной.

Вот тут настала тишина. Оля ждала ответа. Ей не терпелось осудить подругу: мол, как ты докатилась до такой распушенности всего за три месяца? Где твоя честь и целомудрие? В лицо, конечно, Ольга не была готова сказать ничего подобного, но точно была готова сладостно обсосать эту мысль у себя в голове.

— Люблю, — Олеся наконец ответила, приведя, видимо, свои размышления в нужное русло.

— Тогда я за вас очень рада, — улыбнулась Ольга, на самом деле не чувствуя ни грамма радости.

Ей порядком надоело то, что судьба так кощунственно относится к ней. Ну почему почти все вокруг с кем-то встречаются, влюбляются, пробуют жизнь по ложечке, дуют, что-

бы не обжечь губы, да и глотку заодно, в то время как Ольге судьба подпихивает только идиотов-профессоров по физике, которые просто издеваются над ней, и всё! Ни тебе эмоций, ни любви, ни отношений — ничего из того, что есть у среднестатистической студентки восемнадцати лет.

— Спасибо, — Олеся расслабилась, улыбнулась и отвлеклась на телефон.

Катя, в принципе, то и дело торчала в своём смартфоне. Ольга же боялась смотреть в свой экран. Там был Он, и она это знала.

— А у вас как на любовном поприще? — спросила Олеся.

В её взгляде промелькнули гордость и надменность, и Ольга это заметила. Она вдруг поняла, как сильно эти полгода на разных дорожках поменяли девушек, и теперь ей никак не хотелось уступать ни одной, ни второй.

— Никак, — Катя пожала плечами. — Пыталась встретиться с одноклассником, но через две недели решили, что друзья из нас получаются лучше, чем влюблённые. И всё. У меня не клеится, я, наверное, сама ещё не готова. Учёбы много, не забьёшь на неё: забьёшь — вылетишь, а я что-то не готова ради отношений с непонятным будущим потерять возможность закончить вуз.

Катя поступила в Сеченовку на лечфак. Поступила сама: в школе училась головы не поднимая, гоняла всю эту физику, химию и биологию, учила как «Отче наш», сутками не спала, чтобы попасть на бюджет. Понятное дело, что она не была

готова ни с кем встречаться, потому что это непременно повлияло бы на учёбу, а так рисковать Катя не хотела. Она ещё в школе мечтала стать хирургом и медленно, но планомерно шла к поставленной цели, скидывая всю ненужную нагрузку со своего пути.

— Да с тобой вообще всё понятно, — махнула на неё рукой Олеся. — Ты задрот просто: хлебом не корми, дай поучиться. Я вообще удивляюсь, как ты нашла сегодня время на нас.

— Да ну тебя! — усмехнулась Катя. — Просто я не считаю, что мужики именно сейчас заслуживают моего внимания.

— Ну вот о чём я и говорила! — Олеся рассмеялась. — С тобой всё понятно.

— А я зарегистрировалась в приложении знакомств.

Обе девушки замолчали и мгновенно перевели взгляд на Ольгу.

— Фига себе! Зачем? — Олеся смотрела во все глаза на Ольгу, словно искала ответ на вопрос прямо на её лице.

— А где мне ещё знакомиться?

— В универе хотя бы, — Катя незатейливо подпёрла голову рукой, но глаз с Ольги не спускала.

— Или в транспорте, — добавила Олеся.

— А что плохого в интернет-знакомствах? — Ольга сложила руки на груди и откинулась в кресле.

— Там одни извращенцы! — возмутилась Катя.

— Да тебя послушать — у нас в принципе одни извращенцы! — огрызнулась Ольга. — Есть там нормальные. Не все сразу предлагают идти трахаться, хотя и не без этого, конечно. Зато сразу видно, чего человек хочет, и не надо тратить несколько месяцев жизни, чтобы понять, что тебя просто хотят поиметь.

И Олеся, и Катя молчали. Многое они хотели сказать, но подходящих слов найти не могли.

— И? — Олеся решила-таки первой нарушить тишину.

— Что «и»? — Ольга демонстративно повертела в руках телефон.

— Как успехи?

— Переменные, — девушка не могла скрыть разочарование, промелькнувшее на лице. — Я... зарегистрировалась не под своим фото и именем.

— Теперь вообще ничего не понимаю, — Катя развела руками и взглядом попросила поддержки у Олеси.

— Я, кстати, тоже, — поддержала та. — А как ты собираешься встречаться? Они же увидят разницу.

— А я не собираюсь, — отрезала Ольга. — Я хотела просто пообщаться с парнями. Ну... понять, что это вообще такое, когда общаешься не с одноклассниками или с нашими дебилами, с которыми мы учились.

Олеся потёрла лоб, на её лице отобразилась задумчивость.

— Ты будешь рассказывать или из тебя надо каждое слово тянуть? — Кате не терпелось узнать подробности от подруги

о сайтах знакомств, ныне имеющих дурную славу.

— Но есть там один... странный. Мы пару дней переписываемся. И он пугает меня. Хотя в то же время он мне интересен, — тихо ответила Ольга и опустила глаза.

— Чем пугает? — чуть ли не в один голос спросили подруги.

— Тем, что он пишет.

— Покажи! — потребовала Олеся, возмнив себя буквально гуру в отношениях.

Ольга тут же взглянула на неё. Толика сомнений зародилась где-то внутри. И стыд. Вот только стыда не хватало во всём этом чувственном кавардаке!

— Сейчас, — Ольга разблокировала телефон, зашла в приложение и, как ожидалось, увидела от Демьяна несколько сообщений и новую аватарку.

Прекрасная аватарка, в разглядывание которой Ольга погрузилась всецело. Сейчас мужчина стоял в тёмном коридоре, прислонившись к дверному проёму. Его лицо было чуть повернуто к камере. Взгляд мог пригвоздить, обездвигать и заставить вечно смотреть на него. Опять подтяжки — чёрные, выглядывающие из-под пиджака, полы которого были отодвинуты в стороны руками, убранными в карманы.

Демьян: «Не отвечаешь мне? Отчего так?»

Демьян: «Короче, сочту твоё молчание согласием. Значит, женщины любят странности — на этом и остановимся».

Демьян: «Я бы хотел встретиться с тобой».

На последнем сообщении у Ольги всё похолодело внутри.

— Аллё! — голос Олеси прорвался сквозь вакуум, в котором Ольга временно пребывала, разглядывая фото и читая последнее сообщение мужчины.

— А?! — Ольга оторвала взгляд от экрана.

— Покажи, чего он пишет! — повторила Олеся.

Ольга, не очень желая этого на самом деле, протянула телефон подругам, и они обе погрузились в разглядывание фоток мужчины и перечитывание его сообщений.

— М-да, — протянула Катя и откинулась в кресле, отодвинув от себя телефон Ольги. — Придурок какой-то.

Оля ничего не ответила, только покачала головой с лёгкой улыбкой на губах.

— Да что ты так сразу! — шикнула на неё Олеся. — Мужик-то симпатичный: не хамит, не грубит, хер не предлагает сосать, фото хера тоже не шлёт, — Олеся почесала длинным ногтем висок. — А чего, нравится он тебе? У тебя самой какие ощущения?

— Какая разница, какие у неё ощущения! — Катя не дала Ольге и слова вставить. — Имя выдуманное, фото — тоже. Ладно имя, но фото!

— Да, это, конечно, косяк, — согласилась Олеся и вернула телефон Ольге.

— Ну, он как бы по переписке знает, что это не моё фото, — Оля попыталась оправдаться.

— Да, но не знает, как ты выглядишь, — Катя опять встря-

ла в разговор, как гром среди ясного неба.

— А что?! — Ольга вспыхнула. — Я такая страшная, что ли?

— Да нет, — Катя улыбнулась, — не в этом вопрос. Вот представь: ты приходишь к нему на встречу, а вместо жеребца с фото придёт совсем другая личность. Хорошо, если хотя бы не стрёмная. Как тебе такое?

Ольга задумалась. Конечно, неприятно, чего уж там говорить, но изначально она и не собиралась ни с кем встречаться. Ей просто хотелось пообщаться с противоположным полом, представить, что у неё есть парень — чтобы убедительно врать всем напрапалую, будто она состоит в отношениях.

— Да я не пойду с ним встречаться. Он психопат, разве это не очевидно с его слов? — вздохнула Ольга и надула губки, вертя кружку с остатками кофе.

— Не очень. Странный — да, но, мне кажется, не психопат, да и внешность такая экстравагантная. Я бы встретилась где-нибудь в людном месте, — Олеся улыбнулась, на её лице отразилась печать мечтательности. — А чего ты ему ничего не отвечаешь?

Ольга снова пожала плечами. Кто же его знает, что ему надо ответить. Всё же надо правильно отвечать — чтобы добиться желаемого результата. В этой переписке Ольга не находила нужных слов, плюс постоянно присутствовал некий страх.

— Давай попереписываемся? — азартным голосом тихо

предложила Олеся, даже не поднимая глаз от телефона, лежащего на столе.

— В смысле? — зрачки Ольги расширились от волнения.

В них не было того азарта, который горел в глазах подружки. В них скорее было осознание необратимости будущего, неизбежности — и новая волна страха из-за этого.

— Дай телефон, напишем ему что-нибудь!

— Что напишем? — все мышцы тела напряглись, губы поджались.

Оля осторожно накрыла телефон ладонью, застыв в нерешительности: передать ли его подруге или ну его к чёрту?

— Что-нибудь! У тебя скудное общение. Мальчики такое не любят. Ни страсти, ни флирта — сухие «да», «нет», «не знаю». Ты кого этим хочешь соблазнить? — Олеся, как строгая учительница, отчитывала подругу.

— Я не собиралась никого соблазнять... — Ольга попыталась вставить слово, но подруга не дала такой возможности.

— Ой, да брось ты! Кого ты дуришь? — Олеся рассмеялась, слегка толкнув локтем в бок Катю.

Та отвлеклась от разговора, погрузившись в свой телефон: активно двигая большим пальцем, что-то печатала и едва заметно улыбалась.

— Не регистрируются в знакомствах просто так, — продолжила Олеся. — Сознайся, что тебе нужен чувак и ты решишь действовать таким способом.

— Да я...

— Давай телефон! — более приказным тоном перебила её Олеся и требовательно протянула руку.

Ольга вновь вздохнула и нехотя, но в то же время с внутренней надеждой, протянула подруге смартфон.

— Супер! — Олеся схватила телефон, сосредоточилась и принялась писать. — «Конечно, любят. Женщины вообще любят эмоциями... Нет эмоций — нет любви». И второе сообщение: «Цель нашей встречи какова?». На, держи! — Олеся протянула телефон опешившей подруге.

— Писец, — проговорила та, не скрывая разочарования. — Ты чего творишь, Олесь?

— Да расслабься ты! — хихикнула девушка и одарила игривым взглядом Ольгу. — Всё хорошо, просто пытайся поддерживать искорку игры. Сумеешь увлечь его своим нутром — внешность уже будет не настолько принципиальна, если ты, конечно, не Квазимодо. А ты не Квазимодо. А он интересный типок, я бы пообщалась.

Ольга отвернулась к окну, ничего не ответив. За окном темнота. Декабрь не любит дневной свет и поэтому не пускает его надолго в человеческую обитель. Вокруг горят фонари мягким и уютным светом, создавая ореол тепла посреди зимней сказки. С чёрного неба падают большие хлопья снега, мерцающие в просторах горизонта жёлтыми, тускловатыми оттенками, объатыми тьмой.

Красиво. Хоть и не было особой любви у Ольги к холоду, снегу, к самой госпоже Зиме, но вот такую сказку на улице

она любила. А людей сколько бродит! Им не холодно, что ли? Щёки красные, головы завёрнуты в шапки и платки, руки в тёплых многослойных перчатках и варежках. Жизнь продолжается. Всегда продолжается, независимо от погодных условий. Сердце бьётся и в холод, и в жару, но окутано оно разными настроениями и чувствами.

Девушки расплатились за скромные посиделки, Ольга даже оставила сто рублей на чай, впервые почувствовав мнимую взрослую независимость и гордость. Затем подруги немного прогулялись в самом эпицентре зимней сказки. Снежинки укрывали головы, падали в капюшоны, хрустели под ногами. Ольга бросила быстрый взгляд на небо: чёрное, искрится падающими снежинками. Завораживающе. Всегда два основных цвета и такая первозданная красота, сотворённая природой в состоянии естественной спячки.

Люди чаще всего смотрят под ноги, может, по сторонам, но так редко — на небо. Что ловит их взгляд? Асфальт, вкусивший миллионы следов грязных ботинок? Никакой улады для глаз: всё сырое, в трещинах, в грязи и ямах...

Через полчаса девушки распрощались и разбрелись по своим делам: Олесю ждал её парень, Катю — учебники, а Ольга, оставшись одна, уселась на запорошенную снегом лавочку, запрокинула голову и вперила взгляд в удивительно красивое небо. На лицо опускались снежинки, и лёгкое прикосновение холода словно баюкало девушку на невидимых руках.

Успокоение и тотальное расслабление внезапно окутали Ольгу — такие, что ими в удовольствие было наслаждаться. В ушах все звуки стихли, жизнь Москвы замерла, уснула, и даже дыхания её не было слышно. Как это удивительно прекрасно, оказывается, — просто остановиться и услышать звук Вселенной...

Шуршание... Звук движения воздуха вторгся в расслабленное сознание Ольги, и она нехотя открыла глаза и посмотрела в сторону звука.

Рядом, прямо на спинку лавочки, уселась большая чёрная птица. Ольга в одну секунду пришла в себя, собрала растекшееся тело в привычно напряжённую пружину и отодвинулась. Кто это? Ворона? Вроде нет: вороны намного меньше и серенькие. Грач? Тоже странноватое явление: грачи ведь улетают. По крайней мере, Ольга никогда не видела зимующих грачей в Москве. Может, конечно, они и остаются небольшими стайками — кто же знает наверняка из простых смертных, не увлекающихся орнитологией?

Может, это ворон? Хотя тоже удивительно увидеть ворона в вечерней Москве, восседающего на лавке рядом с человеком. Но на ворона птица, конечно, сильно походила. Да и в наше время не только люди отличаются странным поведением, но и звери: то ужи промчатся по центральной аллее Ботанического сада, то совы залетают во вполне себе шумные районы... А про белок уж и говорить не стоит: они разве что с человеком домой к нему не заходят и не усаживаются

прямым за стол, требуя орехов высшего сорта.

— Ты, наверное, голодный, поэтому сюда к людям прилетел? — тихо предположила Ольга, рассматривая птицу.

Ворон — как решила девушка — склонил голову набок и внимательно зыркал на сидящего рядом человека, будто опасаясь. Оно и понятно: люди друг друга опасаются, не говоря уж про братьев наших меньших.

Ольга в это время разглядывала удивительное создание: его массивный чёрный клюв, на котором поблёскивали лучи вечернего уличного фонаря, и большие цепкие когти, которыми птица держалась за деревяшку, топча снег. Когти были тоже чёрными и чертовски острыми — даже слишком. Было слышно, как они бездушно и легко царапают лавку. Птица резко встрепенулась, распушив блестящие чёрные перья и скидывая снег, но не переставая пилить девушку заинтересованным взглядом.

— У меня ничего нет, — Ольга грустно улыбнулась и ещё раз окинула взглядом топчущиеся по снегу могучие лапы. — Да и вряд ли ты стал бы семечки клевать. Мясо, наверное, любишь? Или зимой можно и семечки? — улыбнулась Ольга, взглянув птице в глаза.

Ворон, казалось, понимал всё, что говорила девушка. По крайней мере, взгляд у него был крайне осознанным, внимательным и пристально наблюдающим. Так могли смотреть только люди — как считала Ольга до этого вечера.

Тем временем птица сделала уверенный шаг в сторону де-

вушки, затем ещё один и ещё... И так, бочком, ворон подошёл совсем близко к изумлённому человеку.

— Ты чего? — прошептала девушка, не скрывая испуга в голосе. — Глаз выклевать мне хочешь? Я не очень гожусь тебе на ужин.

Девушка хотела бы отодвинуться, но почему-то не смогла. Отодвинуться она хотела лишь мозгами, а физически ей, наоборот, хотелось, чтобы птица подошла ещё ближе.

И она подошла. Прижалась своей массивной головой к щеке девушки и нежно — будто к коже прикасалась белая пушистая головка одуванчика — потёрлась. Ольга почувствовала мягкие перья, прикосновение холодного клюва и удивительно приятный запах... Мужской... Будоражающий нечто спящее внизу живота.

— Мама! Смотри, какая огромная птица!

Звонкий, резкий визг ребёнка заставил Ольгу открыть глаза и вздрогнуть. Ворон тяжело поднялся в воздух, чуть задев щеку девушки кончиками перьев крыла, и неспешно стал набирать высоту, пока не скрылся под покровом темноты.

Ольга перевела ненавидящий взгляд на верещащее чад. Ей так и хотелось спросить: «Ну какого хрена ты тут орёшь?!»

Ольга встала и направилась домой, тихо внутри чертыхая ребёнка и мамашку, которой обязательно надо было сопливо приговаривать: «Ой, смотри, какая птичка!».

Ольга думала о том, что, когда у неё будут дети, она не позволит им так бесцеремонно вторгаться в личное пространство посторонних людей своими: «Смотри, какая собачка, кошечка, жопочка...». А если бы люди трахались на этой лавке, тоже надо было кричать: «Смотри, люди трахаются»? Нет, конечно! Общественная жизнь устанавливает и законодательные нормы, и негласные правила того, чем положено восторгаться и что видеть, а во что не следует бессовестно вмешиваться со своими нелепыми комментариями. Чёрт подери их, любителей развивать своих чад за счёт других!

— И ты опять забыла написать? — не успела Оля войти в квартиру, как тут же столкнулась с мамой, явно поджидавшей дочь.

Девушка вздохнула и кивнула.

— Как всегда... О матери можно забыть. Мать никуда не денется. Всё простит, всё проглотит.

— Ма-а-ам, — устало протянула девушка, снимая пуховик. — Я просто думала, что ещё не так много времени прошло. А потом уже домой пришла.

— Одно и то же, — мама ушла в свою комнату. — Есть будешь? — обиженно крикнула она из глубины квартиры.

— Нет, поели в кафе, — Ольга сняла ботинки и направилась в ванную погреть внезапно застывшие из-за холода руки под горячей водой.

— Послезавтра отец приедет, — сообщил всё тот же го-

лос.

— Отлично! — воодушевилась Ольга.

Значит, физика спасена! Судьба оказалась гораздо благо-
склоннее, чем о ней думалось.

— Да, — согласилась мама. — Расскажу ему, какую
неблагодарную дочь мы вырастили, которая не может мате-
ри написать, что всё нормально...

И шарманка завелась. Мама обожала причитать и приме-
рять маску жертвы, и Ольга знала об этом. Раньше, когда Оля
была помладше, мамины спектакли производили на девочку
очень сильный эффект. Чуть мама запричитает — и ребёнок
сломя голову мчался исполнять родительскую волю, лишь
бы не расстраивать любимую мамочку, не быть в её глазах
плохим ребёнком. Не дай бог откажется или вовсе разби-
дится!

Но сейчас Ольга неспешно мыла руки и улыбалась, пони-
мая, что маме просто не хватает папы и его внимания, поэто-
му она и дёргает единственную дочь. Ну, так, по крайней ме-
ре, говорил папа тихим шёпотом, чтобы жена не услышала.

Ольга закрыла дверь в свою комнату и прижалась к ней
спиной, зажмурившись. Рука медленно дотронулась до щё-
ки, вспоминая прикосновения птицы. Самые нежные, какие
только Ольга ощущала в своей жизни. Что это было? Что с
этой птицей не так? Или что не так с самой Ольгой?

Девушка открыла глаза и вздохнула. Так бы и сидела на
той лавке вечно, лишь бы эта нежность никогда не заканчи-

валась!

Ольга быстро переоделась и улеглась в кровать. Ранний подъём не прошёл незамеченным: чертовски хотелось спать. Даже не проверив, что ответил Демьян и ответил ли вообще, Ольга погрузилась в сон.

Сон был беспокойным: картинки сменяли одна другую. Чередовались лица без эмоций — пустые, со стеклянными глазами, сомкнутыми губами, бледные, исхудавшие, с впалыми щеками. Манекены. Бездушные, изначально опустошённые. Чего они хотели, зачем менялись — неизвестно. Ольга подсознанием смотрела на них, и с каждым сменившимся лицом ей становилось всё неприятнее.

Нет! Страха они не вызывали — никакой паники и отчаяния, только неприязнь и отвращение, нежелание видеть их снова, но не получалось. Не получалось проснуться. Вынужденный киносеанс демонстрации манекенов не собирался подходить к концу, лишь увеличивал скорость смены безликих, пока не достиг того, что они начали хаотично мельтешить перед спящими глазами, нагнетая и усиливая желание проснуться.

Лишь утром девушка смогла открыть глаза и тут же принялась ощупывать лицо, потому что последний кадр во сне показал именно её лицо, переделанное по подобию треклятых манекенов, лишённых огня жизни. В нём даже угли застухли, будто много веков назад — лицо с восковой матовой кожей и белёсыми, выцветшими глазами.

При виде этой картины Ольге стало не по себе. Именно это кукольное обличие заставило девушку проснуться. Потный лоб, учащённое, сбивчивое и надрывистое дыхание, а сердцебиение нарушало все нормы ВОЗ и собиралось выйти на новый рекорд.

— Жуть... — прошептала девушка, чуть успокоившись и поняв, что она не изменилась, что реальность всё та же. — Приснится же такое...

Ольга потянулась, но не как обычно, без удовольствия — скорее для того, чтобы окончательно стряхнуть с себя остатки неприятных сновидений.

Руки же сами собой, без явной команды мозга, потянулись к телефону. Почти разряжен. Вчера перед сном она даже не поставила его на зарядку. Оставшегося процента заряда хватало лишь на то, чтобы проверить сообщения, и Ольга быстро зашла в приложение.

Демьян: «Тогда наша встреча не случайна! Я знаю, как

рождаются эмоции, как сделать так, чтобы человек испытывал их ежедневно. Разные. Приятные. Такие, которые заставляют тело дрожать от восторга, замирать в предвкушении чего-то волнующего. И эмоции, повергающие в ужас и совсем другой трепет, от которого возникает чувство тошноты, желание любыми путями вытравить из себя эмоциональное зло. Эти эмоции обязательно нужны. На одних хороших чувствах жизни не прочувствуешь».

Демьян: «Цель встречи — познакомиться. Какая же ещё цель может быть?»

Ольга решила ничего не отвечать мужчине на его поток об эмоциях, сделав вид, что он ничего такого не писал, а она ничего подобного не читала. А вот на второе сообщение ответила.

Анжела: «Разве мы уже не познакомились?»

Сообщение ушло, и телефон тут же показал грустную рожицу, а экран медленно затух, потратив последние проценты на отправку.

Ольга поставила телефон на зарядку, вновь улеглась и уставилась в потолок, задумавшись. А почему бы и правда не встретиться? Чего она боится? Мужика этого? Или презрения общества? Ведь не принято знакомиться в интернете. Такие знакомства заведомо имеют дурную репутацию. А что мама скажет? Ведь если эти отношения зайдут дальше, родители наверняка спросят: «А где вы познакомились?». Перед всеми надо отчитываться: касается это кого-то или не

касается, а отчёта ждут. Или всё дело в опасении, что лицо в зеркале разительно отличается от фото, выставленного в сети? Увидев реальность, мужчина вряд ли решит продолжать общение.

Ольга снова потянулась и встала. Бесшумной рысцой девушка прокралась в ванную и уставилась на своё отражение. Не такая уж она и страшная! Пострашнее бывают! И всё равно находят себе пару, да ещё и всю жизнь живут вместе, души друг в друге не чая. Чем хуже это лицо в отражении? Среднестатистическое лицо. Если подкраситься, то оно и во все ничего будет — уж своего почитателя точно найдёт. Будет ли им Демьян — вот только вопрос.

— Тебе что, не спится-то? — раздался голос мамы позади.

— А? — вздрогнула Ольга, отворачиваясь от зеркала.

— Ты чего испугалась? — улыбнулась женщина, завязывая халат.

Ольга вновь вернулась к зеркалу и отражению в нём. И правда! На лице ярко выражен детский испуг — будто родители поймали её за просмотром порнографии.

— Да чего-то не ожидала, что ты не спишь, — ответила Ольга и вышла из ванной. — Я пойду ещё посплю. Что-то и правда рано, хотя бы в воскресенье выспаться.

— Конечно, — поддержала мама, заходя в ванную. — Иди, сон — наше всё. Институт закончишь — вообще забудешь о сне...

Мама ещё что-то говорила, но Ольга уже не слушала, ти-

хонько закрыв дверь в свою комнату. Утреннее валяние в постели, такое манящее и любимое ранее, сейчас совершенно не прельщало. Озадаченность полностью поглотила сознание девушки.

Ольга включила телефон. Батарейка показывала лишь пару процентов и продолжала мигать зелёным цветом, словно умоляя не вытаскивать шнур питания.

В двух мессенджерах светилась впечатляющая цифра непрочтённых сообщений. Огромная пачка принадлежала студенческим чатам, которые с недавних пор перестали нести хоть какую-то смысловую нагрузку для Ольги. А ведь буквально недавно она каждое утро начинала с этих чатов, читала сообщения и улыбалась! Казалось, в них было столько юмора и молодости, что невозможно было читать без улыбки и ощущения лёгкости на сердце.

Сейчас же, когда она смотрела на эти скачущие буквы, пытавшиеся брызгать юмором с лёгкой пошлостью, её лицо искажала гримаса отвращения. Теперь Ольга читала между строк лишь о самовлюблённой вычурности, нарциссизме и жажде блистать, любой ценой оставаясь душой компании. Почему раньше она этого не видела? Почему раньше Аксёнов казался божьим агнцем, добродушным весельчаком, чья улыбка наполняла всё вокруг светом?

Сейчас с него будто случайно упала маска, и перед Ольгой предстало банальное, всеобъемлющее желание — даже жажда — завладеть вниманием всех участников чата. Возвести

себя в идолы, без речей которого все превратятся в заблудших овец — слепых и глухих, ходящих по кругу в загоне, тыкающихся в необтёсанный забор и друг другу в вонючие задницы.

Таким Аксёнов Ольге не нравился. Этот мессия её больше не привлекал. Прозрение больно резануло по глазам. Открывать глаза на правду, отличную от той, в которую верилось раньше, — всегда больно. Аксиома жизни: ещё никто не кайфанул, когда у него открылись глаза. Лишь одна мысль остаётся в голове: «Какая же я дура!».

Остальные сообщения носили уже индивидуальный характер, адресованный лично Ольге, и тоже не вызывали былых чувств. Вот одnogруппница просит прислать-таки обещанные ещё в пятницу лекции. Вначале просит, потом начинает манипулировать: мол, ты не держишь обещания, от тебя вся группа отвернётся, обманула — давай исправляйся.

Раньше, когда к Ольге обращались за той или иной помощью в учёбе, ей казалось, что в такие моменты она вставала на один уровень с богом, решающим чью-то судьбу. Классно быть богом! Не всесильным, а местечковым божеством лекций по литературе, например. Но ощущение себя не мелким идолом, а влиятельным Зевсомросло: захочу — дам конспект! Но это не просто «дам», это — «спасу твою шкуру на сессии, стану проходным билетом во второй семестр, а может, и на второй курс».

Ольга чувствовала свою значимость в такие моменты, и

ей это нравилось. Но сейчас она испытывала лишь угнетение: очевидность того, что её в очередной раз используют, превышала все рамки. И используют так наплевательски! Ради будущего зачёта или контрольной никому не сложно припасть на одно колено и попросить чёртову тетрадь с заветными знаниями, а потом Селивёрстова нахрен никому не нужна. Потом её божество умирает. Можно было бы назвать её возрождающимся фениксом, да не получится. Ты даёшь эти лекции ради минутки славы и чувства нужности окружающему миру — либо отказываешь и попадаешь в статус изгоя. Вечного. Выбора-то особо и нет.

Претензии и угрозы, изложенные в личном сообщении с требованием конспектов, колыхнули было чувство собственного достоинства... и уложили его спать на другой бочок. Ольга пообещала выслать всё чуть позже, ответив, что сейчас занята, да и вообще все выходные была загружена.

Писала Соня: спрашивала, как дела, звала то туда, то сюда, снова спрашивала, как дела, обижалась, потом волновалась. Хорошая игра! Правда хорошая — хочется верить в такую дружбу. И Ольга верила, но это не помешало ей соврать, что все выходные она была занята скучными — да нет, унылыми! — семейными делами. Так занята, что не хватило ни времени, ни сил посмотреть, что ей пишут. Лучше соврать, чем обидеть подругу горькой правдой о том, что на самом деле Ольге было глубоко плевать на Соню. Она даже не вспоминала о её существовании. Но сейчас нужно было ответить

максимально вежливо и учтиво, чтобы восполнить пробелы и нивелировать шаткость своего положения.

Тематические чаты тоже не молчали: там кипела своя жизнь, там друг друга учили правильно жить, есть, дышать, блуждать, срать — в общем, делать всё «правильно». Пока учили, «учителя» чуть души друг из друга не вытряхнули, пытаясь урвать лавры собственной оригинальности и завладеть единолично вниманием непросвещённой публики, готовой хавать любое дерьмо — лишь бы прийти к обещанному успеху, саморазвиваться и одухотворяться, делать планку лучше всех, иметь самую накачанную жопу-орех, лучшие ресницы, лучшие кубики... Всё, твою мать, самое лучшее! Да просто даже дышать лучше всех! Поливали друг друга грязью и ученики, не отставая от учителей.

Раньше Ольге так нравились эти чаты о здоровье, спорте, правильных отношениях... В это воскресенье она проснулась будто другим человеком, с иным сознанием. Оценив первую же часть своей виртуальной жизни — содержание телефона, — она пришла в ужас. Ольга удалила все эти информационно-познавательные чаты, не переставая мысленно спрашивать себя: что же она искала в них? Чему хотела научиться?

Закончив с мессенджерами, Ольга решила добраться и до приложения знакомств. Ответил ли Демьян? Что написали другие? И не почистить ли там кое-что? Демьян ответил, но девушка не спешила читать сообщение — ей хотелось сначала ознакомиться с анкетами других посетителей, написав-

ших ей. А там не было ничего интересного. Уже успевшие стать банальностью входящие из серии «Привет, как дела?» и «Ты красивая, хотел бы познакомиться», да пара-тройка откровенных непристойностей, которые не вызывали ни «фу», ни «вау», а лишь тяжёлые вздохи и искреннее непонимание.

Сообщение Демьяна Ольга старательно обходила стороной, рассматривая без интереса и желания профили других мужчин и их списки требований к кандидаткам. Списки были грандиозными и масштабными. Парни искали инопланетянок, не иначе: ведь такую кучу благодетелей в одном человеке найти невозможно. Ни в каком. Во-вторых, не слишком ли это эгоистично — требовать от человека быть идеальной усладой для кого-то ещё? Кажется, слово «баланс» имеет значение исключительно в отношении личного счёта, а у некоторых — в отношении счёта чужого. Во всех остальных ипостасях жизни всё реже слышится «баланс», и в нём всё меньше нужды.

Демьян: «Нет, не познакомились. Ты познакомилась со мной, а я... я познакомился с твоим аватаром».

Анжела: «Почему аватаром? Вся информация и фото есть на моей страничке. Я думаю, что ты вполне мог уже познакомиться со мной».

Демьян: «С твоим аватаром, ты хотела сказать?»

Анжела: «Да почему с аватаром?!»

Демьян: «Потому что я вижу тебя... Ольга».

Оля застыла в каменном иступлении. Мгновенная испарина покрыла лоб, внутри всё опустилось, сжавшись в один маленький комок, прошибающий всё тело импульсами мёртвой, тупой боли. Пальцы, сжимающие телефон, онемели и одеревенели, крепко вцепившись в гаджет.

— Что за херня?! — прошептала Ольга, всё ещё не в силах шевельнуться. — Это как?

Мысли, догадки, предположения вспорхнули многотысячной стаей — хаотично разбросанные, без логических продолжений, без связки и рациональности. Они просто мельтешили, бились друг о друга, разлетались в разные стороны и ничего не оставляли после себя. Ничего! Никакого решения. Никакого понимания. Только стыд и страх.

Вся эта мыслительная толпа смогла-таки привести её к единственному выводу: этот Демьян, чёрт его дери, ни хрена не Демьян, а некто из ближайшего окружения Ольги. Именно так! Иначе откуда бы он мог знать имя незнакомого человека? Настоящее имя! Как «Ангела» коррелирует с «Ольгой»?

Ольга решительно взяла себя в руки и напечатала ответ.

Ангела: «Кто ты такой? Мы явно знакомы! И вообще, всё это ни фига не смешно. Раз ты меня знаешь, я бы тоже хотела знать, кто скрывается под фото и именем Демьян».

Демьян: «Сегодня в три часа на Маяковской, в центре зала. И ты всё узнаешь!»

Девушка вздохнула и задумалась. А стоит ли оно того?

Действительно ли нужно лично выяснять, кто сидит по ту сторону экрана? Что даст ей эта информация, окажется это кто-нибудь из знакомых? Но любопытство-то сильнее!

Время — десятый час. Спать совсем не хочется из-за нервного возбуждения. Девушка встала, заправила кровать, разложила вдоль стены свои любимые мягкие игрушки, которые ей привозил папа из командировок. И замерла. Как обычно замирают люди, когда внутри у них будто что-то переключается и заставляет смотреть в одну точку, ничего не видя вокруг, пока в голове становится тихо-тихо и ни о чём не думается.

— Я пойду! — внезапно выдохнула Ольга, когда сознание вернулось к жизни. — Пойду, и всё тут! Взгляну в глаза шутнику... Может быть, вместе посмеёмся.

Добираться до «Маяковской» с юга Москвы — процесс развлекательный. Радовало то, что девушка жила между рыжей и зелёной ветками метро, и нужный автобус довезёт её прямо к станции «Автозаводская», откуда до «Маяковской» практически рукой подать — всего минут десять на метро. На автобусе, конечно, пилить минут тридцать, и то если пробок не будет. Хотя какие пробки? Воскресенье же! Значит, на весь путь стоит заложить час с учётом ожидания автобуса, и тогда на сборы остаётся часа четыре. Но стоит ли усердствовать?

Ольга залезла в душ, уселась на дно кабинки и включила воду. Направив на лицо тёплые струи, девушка закрыла гла-

за и снова попыталась выудить из вороха мыслей хоть что-то стоящее, но всё безуспешно. Голова то и дело пыталась предсказать, как пройдёт встреча, чем закончится, кто на неё придёт, как и на что реагировать, что сказать... Спокойствия не намечалось ни в одной клеточке тела. Каждый атом и молекула громогласно заявляли о своей важности и требовали к себе повышенного внимания.

Прямо под горячей водой Ольга подстригла ногти. Именно сейчас она заметила, что они какие-то неаккуратные. Да и на ногах тоже... На волосы густыми мазками опустил бальзам, пузырёк с которым стоял в ванной точно год нетронутым: не нужен был Ольге никакой бальзам раньше. Тратить время на то, чтобы сидеть в ванной, смотреть в стену и выжидать указанные на флаконе три-пять минут? К чёрту! Да и что он сделает такого волшебного с волосами? И вообще, как-то раньше жили без него? Но не в это утро. Сейчас просто захотелось нанести — и всё тут.

Да и волосы на теле сегодня оказались совершенно лишними. Вообще не в тему. Массаж лица с пенкой и скрабом... Почему-то в это утро понадобилось сделать всевозможные процедуры, на которые раньше не было ни времени, ни желания. Может, потому что на все эти женские прихорашивания обычно оставалось в общей сложности минут десять-пятнадцать, а после — сразу спать?

Первые странности в поведении дочери заметила мама, когда та неумело и неуклюже пыталась орудовать феном и

расчёской.

— Ольга? — позвала мама, пытаясь перекричать гул фена.

Девушка не услышала, продолжая сушить волосы и наклонив голову вниз.

— Дочь!

Девушка тут же засуетилась, пытаясь разглядеть родительницу сквозь свисающие на глаза пряди.

— А? — фен стих, и ребёнок наконец полностью перевёл своё внимание на мать.

— А ты куда собираешься?

— Погулять.

— С кем? — нотка подозрительности демонстративно скользнула в мамином голосе.

— С институтскими, — выпалила Ольга и впилась глазами в мать.

Женщина сузила глаза и окинула дочь взглядом с ног до головы: в одном нижнем белье — чёрном, кстати говоря, — Ольга стояла, прижавшись пятой точкой к стене, и убирала волосы за уши, открывая обзор.

— С мальчиком? — тихо спросила мама, сложив руки на груди.

— Нет, — мгновенно вспыхнувшие щёки девушки ещё больше приковали внимание матери.

— Нет? — переспросила та. — А чего с лицом-то?

— А что с ним? — Ольга пожала плечами, изо всех сил

делая вид, что всё в пределах нормы.

— С мальчиком, значит, идёшь гулять? — подытожила женщина.

— Нет, мам, с однокурсниками. Там и девочки, и мальчики.

Мама ничего не ответила, молча ушла, искоса поглядывая на дочь из кухни.

— Фу-у-ух, — тихо выдохнула девушка, опустив голову и прикрыв глаза.

Выдыхая с полминуты и расслабляя вытянувшиеся в железную струну нервы, Ольга продолжила сушить волосы, пытаясь укротить их творческий беспорядок.

Приличных размеров платяной шкаф зиял пустой пропастью... полупустой. Почему Ольга всегда отказывалась от походов по магазинам? Что надеть? Ни одной интересной вещицы... А даже если бы и не отказывалась, мама вряд ли купила бы что-то интересное со своим чересчур консервативным взглядом. Нечего теперь надеть! Джинсы? Ну а что же ещё-то, не юбку же зимой! А наверх-то что? Вот в чём загвоздка. Все кофты чёрные или мышиного цвета, мешковатые балахоны... Нафига вообще надо было их покупать?

С грустью девушка вытащила из небольшой стопки серую водолазку, с ещё большей грустью натянула её на себя, заправив в джинсы, закрыла шкаф и уставилась в зеркало на прилипшие к лицу наэлектризованные волосы.

— Ну что за дерьмо? — тихонько выругалась Ольга, от-

лепляя волосы от лица, которые с каждым движением электризовались ещё сильнее, выбешивая девушку.

Изначально Ольга хотела пойти с распущенными волосами, но теперь пришлось сделать что-то наподобие беспорядочного пучка — лишь бы больше не видеть прилипающих к лицу и водолазке волосков.

Разглядывая своё лицо, Ольга никак не могла решиться, стоит ли краситься. Если под Демьяном сидит какой-нибудь Аксёнов, он, глядя на неё, принарядившуюся, ранее никогда не отличавшуюся попытками навести красоту, будет долго ржать. Более того, он будет считать свой пранк очень успешным, так как эта дура Селивёрстова решила, будто такой симпатичный мужик на фото захотел приударить за мышью, и вырядилась изо всех сил. Но разве не смешно? Конечно, смешно. Дурость и глупость всегда смешны или — хуже того — вызывают жалость. А здесь уже вопрос крайне философский: что же лучше? Что меньшее из зол: смех над глупостью и наивностью или жалость к этой глупости?

А с другой стороны, если там действительно окажется некий Демьян, который ни разу не видел Ольгу, а она придёт с бледным лицом, со своими серебристо-серыми глазами, теряющимися на лице без грамма макияжа, способного подчеркнуть и приукрасить, не будет ли он разочарован? Что, если там не Аксёнов, а кто-то другой, но знакомый? Ударить лицом в грязь или проверить небезызвестную поговорку: встречают по одежке, а провожают по уму? Так до ума

можно и не дойти, если визуального эффекта не произвести. В любом случае, с кем бы ни пришлось встречаться, ситуация играет против, поэтому макияжу быть.

Сначала воображение Ольги рисовало выразительные стрелки, придающие глазам взгляд элегантной, грациозной пантеры. Но так хотелось выглядеть, а по факту получился взгляд кота-дауна: одна стрелка выше, другая — ниже, одна толще, другая — уже. Ольга стирала их, рисовала снова, опять стирала... Как, оказывается, сложно нарисовать чёртовы стрелки на своём же лице умелой рукой художника — рукой, которая невероятно точно рисовала портреты выдуманных лиц!

Ольга не злилась, а спокойно снова и снова перерисовывала задуманное. Что злиться-то? И на холсте порой приходится бесконечно долго стирать неудавшиеся линии до тех пор, пока рука не нарисует ту самую, идеальную — чего уж говорить о лице. О визитке, фактически! Дай человеку убогую визитку — и ты больше его не увидишь. А если человек на встрече действительно окажется новым лицом в жизни Ольги, значит, надо выдать максимально достойную визитку, чтобы он возвращался снова и снова.

С бровями и их прорисовкой дела пошли значительно быстрее: несколько нужных штрихов, правильное наложение цвета, естественно выглядящая растушёвка — и девушке по-настоящему понравилось собственное отражение, что бывало нечасто. К своей внешности Ольга относилась, можно ска-

зять, скептически: вроде не уродина, а вроде и никакой изюминки нет.

Выйдя из комнаты, Ольга по несчастному стечению обстоятельств столкнулась с идущей навстречу матерью.

— Опа! — женщина замерла и бегаящим взглядом принялась рассматривать лицо дочери. — С одноклассниками, значит, идёшь?

— Да, — Ольга упорно продолжала врать. — А что такое?

— А вырядилась для кого? Лицо намалевала, погляди-ка! — язвила женщина.

— Все девочки малюются, мам! — Ольга поджала губы.

Да, губы... Надо блеск нанести, чтобы они не казались такими сухими.

— Ну да, ну да, — женщина прошла в коридор и принялась неспешно одеваться, поглядывая на смущавшуюся и в то же время чуть злящуюся дочь. — Вот чего стоять и брехать, а, Оль?

Девушка опустила взгляд, вздохнула, но правду так и не решилась сказать. Сознаться всегда можно успеть, но надо ли делать это сейчас?

— Думай как знаешь! Я тебе всё сказала, не могу же заставить верить в это, — обиженно буркнула Ольга.

— Ага, — женщина надела шапку, взяла сумку и приготовилась выйти из квартиры, но остановилась у двери и снова посмотрела на девушку. — Я прожила уже чуть больше, знаю немного о жизни и её выкрутасах. А ещё я знаю тебя как

облупленную. Денег не дам: с мальчиком же идёшь, пусть платит!

Женщина вышла из квартиры, а Ольга посмотрела ей вслед. Хорошо, что есть собственные накопления, а то совсем атас был бы. Без денег гулять — так себе удовольствие, особенно когда Москва буквально кипит провокационными вывесками, приглашениями, манящими запахами, провоцирующими слюноотделение, и картинками с различными яствами, выманивая время и средства. Ходить среди всего этого изобилия искушающих предложений, не имея в кошельке ничего, — это буквально тестирование собственной нервной системы и силы воли.

Ольга вышла из дома за два часа до назначенного времени. Больше дома находиться она не могла: время отказывалось идти в обычном режиме. Оно словно издевалось, всё медленнее и медленнее двигаясь по кругу. Есть один-единственный способ заставить время идти быстрее — начать что-то делать. Начать движение.

Автобус приехал буквально через пару минут после того, как Ольга появилась на остановке. Девушка села в конце салона на то место, которое понравилось больше всего, и уставилась в окно.

Снова снежок. Лёгкий, некрупный, но шёл стабильной плотной стеной. Не такой красивый, как прошлым вечером. Днём зимняя природа вообще проявляется не столь поэтично: слишком много света. А вот ночью, когда свет появляет-

ся на доли секунды, озаряя всё сиянием, которое тут же поглощается тьмой, обыденные вещи начинают излучать некий изыск. Удивительная тишина стояла в этот день. Спокойствие. Природа релаксировала в шумном, беспокойном городе.

Рядом остановилась машина. Лёгкими и быстрыми движениями щётки смахивали текущие снежинки, постепенно превращающиеся в плотную объёмную массу на лобовом стекле. Потом загорелся зелёный свет, и поток слева проворно тронулся, убегая вперёд. Жизнь идёт. Не хочет замирать ни на секунду — ни летом, ни зимой. Она ничего не боится, ничто для неё не становится препятствием. Изредка останавливаясь на пытающихся сдержать поток светофорах, автобус за двадцать минут долетел до метро.

Ольга вышла на улицу. На лицо тут же опустились снежинки. Как же хотелось смахнуть их, потереть глаза, посмотреть на небо! Но накрашенные глаза не давали этого сделать. Девушка постоянно напоминала себе: если она не хочет веселить народ в подземелье чёрными подтёками на лице, то лучше лицо не трогать.

Ей и так казалось, что все на неё смотрят. Нет, не смотрят — таращатся! Слишком броский макияж? Чего они так смотрят? Но стрелки, тушь на ресницах, брови — это слишком минималистично. Это вообще ни о чём по сравнению хотя бы вот с этой... идущей навстречу девицей с надутыми губами, выкрашенными в тёмно-бордовый цвет, чернящи-

ми ресницами, кончики которых достают до бровей, а сами брови... Описания не хватит, такое лучше видеть, чтобы полноценно понимать картину! Но на неё никто не смотрит, а смотрят именно на минимализм на лице Ольги.

Девушка надвинула капюшон на глаза, опустила голову и ускорила шаг, стараясь ни на кого не смотреть, чтобы в очередной раз не ловить на себе изучающие взгляды.

На эскалаторе Ольга достала телефон, чтобы хоть во что-то упереть взгляд и не видеть лица окружающих, которые не знали, куда смотреть, и разглядывали людей, спускающихся вниз. Вот, маленький штрих на лице — а уже казалось, что весь мир сосредоточился на ней, обступил одну-единственную девушку И через увеличительную лупу, словно букашку, изучает её. Что они там искали? Изъяны? Да-а-а. Люди всегда ищут изъяны в других. Особенно в незнакомых. Такое наслаждение! Будто бальзам льётся на душу, когда они видят человека, в которого можно мысленно ткнуть пальцем (физически нельзя, это некультурно) и впиться в самый явный изъян. Изъян, по их мнению. Люди же так любят говорить: «Что это за уродство?» и «Так быть не должно!». Ольга прятала глаза: ей не хотелось и не нравилось быть объектом, на котором ищут косяки во всём.

В вагоне метро народу было в разы больше, чем было в автобусе: присесть туда, куда хотелось бы — да и в принципе присесть — возможности не было. Да и не хотелось. Чем ближе поезд подъезжал к «Маяковской», тем сильнее крути-

ло низ живота, тем нервнее становилось на душе. Фантазия разыгрывала эпичные сцены, и ни в одной из них Ольга не хотела участвовать, но ни о чём хорошем мозг думать не желал — ни одна фантазия не окрасилась даже лёгким оттенком позитива.

На «Маяковской» Ольга, словно змея среди мангустов, прокралась к последнему вагону и оттуда, из-за колонны, пыталась рассмотреть всех, кто стоял в центре зала.

Она искала глазами лицо с фото, но не находила его — что на данный момент было вовсе неудивительно, ведь до встречи оставался ещё целый час. Логика настойчиво твердила, что прятаться за столбом совершенно необязательно, так как мужчина понятия не имеет, как выглядит девушка. По сути, можно было прямо и гордо встать в самом центре зала: когда придёт Демьян, Ольга увидит его и узнает, а он её — нет. В таком случае появится шанс сбежать по-тихому, если что-то не понравится.

Но другая её часть тихонько шептала: мужчина знает её настоящее имя, а это значит, что с высокой долей вероятности он знает и то, как она выглядит. А ещё он сам может выглядеть совсем не так, как на аватаре. Ничто не мешало ему воспользоваться чужими снимками! Так что лучше не менять пункт наблюдения.

Вот так, украдкой, ломая глаза, Ольга целый час разглядывала всех мужчин на станции. Искала в их лицах знакомые черты, пыталась угадать: а не вот этот ли озирающий-

ся по сторонам мужчина, явно кого-то ожидающий, и есть тот самый Демьян? Или, может быть, вот этот — стоит чуть дальше от центра и тоже внимательно изучает проходящих мимо людей? Вот только лица его не видно... Слишком далеко стоит.

Людей, ждущих в центре зала, было очень сложно разглядеть из укрытия Ольги. Было понятно лишь то, что лица у них есть, а вот о чертах говорить уже не приходилось.

Время близилось к трём часам. Народ в центре зала постоянно менялся. Люди ждали других и вместе уходили. На их места приходили новые люди и тоже начинали ждать. Мужчины, женщины, девушки, юноши, дети — всё перемешалось. Отягощало наблюдение и то, что зимняя верхняя одежда лишала людей пола: стоит человек в пуховике, в тёмных штанах, в ботинках, в шапке... Кто это? Мужчина? Или женщина? Непонятно. Если повернётся и из-под шапки игриво выскользнет прядь волос, станет чуть легче определить половую принадлежность. Но и тут не стоило полагаться на первое впечатление. Поговорка «Внешность обманчива» приобрела дополнительное значение в современном мире: женоподобные мальчики и мужеподобные девочки отнюдь не были редкостью. Даже летом не понять, кто идёт перед тобой, а зимой — и подавно.

Как ни крути, а стоило подобраться поближе к кучкующимся людям, чтобы хотя бы видеть черты их лиц. Ольга сделала неуверенный шаг навстречу ожидающим в центре

зала. Встав в метрах пяти от них, девушка притворилась, будто заблудилась, и осмотрелась по сторонам — якобы пытаясь понять, в нужную ли сторону она идёт. Тем временем её глаза обрели способность хамелеона, со скоростью света рассматривая всех мужчин и парней поблизости. Ни один из них не был похож на Демьяна.

— Не знал, что ты так рано приедешь, — раздалось прямо над ухом.

Ольга подпрыгнула и быстро развернулась. Взгляд упёрся в широкую шею с тонкой золотой цепочкой, выглядывающей из-под воротника чёрного свитера. Пальто расстёгнуто, полы чуть распахнуты в стороны. Ольга медленно провела взглядом по телу мужчины, поднимаясь к его лицу.

Сердце, следующее за глазами, колотилось всё быстрее, и, казалось, ещё секунда — и оно остановится, выбившись из сил. Это он! Тот самый Демьян! Сошёл с тех картинок, которые так залихватски менялись в профиле. Его лицо ничем не отличалось от лица на фото. Ни одной лживой детали, которая могла бы скомпрометировать мужчину и привести к обвинениям в обмане. В отличие от Ольги... Молниеносный жар окутал и сжал в титанических объятиях грудную клетку, выдавливая последние крупинцы воздуха.

— Вы... ошиблись... — сухим, дрожащим, едва слышным в шуме станции метро голосом произнесла Ольга, не в силах оторвать взгляд от глаз мужчины. Он как будто гипнотизировал её.

— Нет, — ответил он и чуть улыбнулся.

Ольге хотелось верить, что он действительно улыбнулся: она успела уловить мимолётное движение левого уголка его губ. Как же громко верещал мозг, безапелляционно требуя прекратить так таращиться на человека! Но каждая функция, каждая система в её теле была парализована. Лишь глаза изучали лицо мужчины. Чёрт! До чего же они были привлекательными! Из их невидимой хватки невозможно было вырваться... И, честно говоря, не очень-то и хотелось. А если совсем честно, Ольге хотелось, чтобы его глаза проглотили её, сожрали, позволили стать их частичкой.

Но мужчина, видимо, не желал лишать девушку последних остатков рассудка. Он отвёл взгляд и окинул станцию, словно пытался понять, в какую сторону лучше выйти, тем самым вернув Ольге способность двигаться. Ольга тут же потупила взор, делая вид, что рассматривает свои кроссовки...

Как близко, оказывается, стоял к ней мужчина! Носы его чёрных наполированных ботинок практически касались кроссовок Ольги. Вместо того, чтобы попытаться вернуть себе утраченную адекватность и ввести жизненные процессы в привычное русло, девушка решила рассмотреть мужчину. Чёрные брюки без единой ворсинки — будто их только что вытащили из упаковки и надели. Ещё чуть-чуть вверх... Край свитера слегка напущен поверх брюк, но заметен чёрный кожаный ремень — также без единого признака вещи, бывшей в употреблении. Свитер — ни одной складки... Ни

одной шерстинки... Пылинки... Он что, действительно только что вышел из магазина одежды?

Ну хоть пальто! Пальто — верхняя одежда, хоть на нём должно быть что-то, что испортило бы этот безупречный вид? Хоть чужой волос, который так легко и непринуждённо можно подцепить на себя в общественном транспорте! Но нет, пальто было идеальным. Такого невозможно идеального чёрного цвета — одного из самых марких — Ольга ещё никогда не видела. Даже если дома нарисовать картинку и оставить её сохнуть, к утру на чёрном фоне всегда можно найти пылинки, ворсинки или ещё какое-нибудь дерьмо, принесённое незначительным потоком воздуха. Но здесь, в метро! Среди сильных порывов ветра, где ворсинки с шерстяных шапок и перчаток, волосы людей и домашних животных разлетаются по подземке, появляется идеальный чёрный цвет! Как это возможно? Мужчина облил себя каким-то мощным антистатиком?

Взгляд девушки продолжил свой путь наверх и наконец вновь остановился на лице мужчины. Демьян уже давно закончил осматривать станцию и, с долей усмешки и демонстративного превосходства, снова смотрел Ольге в глаза. Смотрел на то, как она, не дыша и не моргая, разглядывает его, как крадёт взглядом по его телу, как до сих пор не может прикрыть рот и, скорее всего, даже не замечает той растерянности, в которую сама себя погрузила.

— Извините... — прошептала Ольга, собравшись с мыс-

лями и понимая, что нужно сказать хоть что-то. Попытался сделать шаг в сторону, обойти мужчину и затеряться в толпе людей, выплывшей из только что подъехавшего поезда.

Затеряться хотелось исключительно на уровне инстинктов и молчаливой паники, но никак не из-за здравомыслия. Здравомыслие в этот момент отсутствовало полностью. Даже обычно бурлящий рой всевозможных мыслей и мнений затих и улегся. Мозг ничего рационального, умного или хотя бы глупого не выдавал: он был парализован сам собой. За-молчал и замер, давая возможность инстинктам, чувствам и эмоциям проявить себя в полной мере.

Мужчина не дал девушке уйти. Он тоже сделал шаг в сторону, перекрывая ей дорогу. Он не сводил с нее глаз, аккуратно держал в сетях: рыбка ещё не запуталась, рыбка всё ещё очень осторожна и пытается проплыть мимо едва заметных препятствий. Стоит дать ей возможность самой уйти глубже в сети, застрять в них, зацепиться чешуей и плавниками. Но сама. Сама пусть накидывает на себя оковы!

— В чём дело? — спросил он и снова чуть улыбнулся.

Его взгляд наполнился добротой и интересом. Мужчина продолжал изучать реакцию девушки для своих, никому не известных целей.

А голос! Какой глубокий, сильный бас... Слушая этот звук, можно было испугаться и восхититься одновременно. Этот голос нельзя было даже сравнивать с писклявыми, только-только сломавшимися голосками однокурсников — то ли

пищащих, то ли визжащих, при звуках которых у женщины не дрогнет ни одно чувство. Голос Демьяна был подобен грому: не раскатистому, а медленному, гремучему и приглушённому, будто деревянные колёса нагруженной доверху телеги неспешно крадутся по каменной мостовой.

Звук этого голоса пробуждал то самое женское начало, заставляя его закручиваться в лёгкий, вальжный вихрь в районе муладхары. Подобное движение энергии вниз живота Ольга почувствовала впервые за свою недолгую жизнь. Все чувства, которые она когда-либо испытывала, и рядом не стояли по силе ощущений с возникшими прямо сейчас. Что-то удивительно пьянящее, дурмнящее и баюкающее сознание.

— Я пугаю тебя? — спросил мужчина, так и не дождавшись от девушки ни слова.

— Вы просто ошиблись, — более настойчиво повторила Ольга. — Обознались.

— Нет, — мужчина покачал головой. — Это ты, милая девушка, прячущаяся под аватаркой не менее милой, но не существующей личности.

— Откуда вы узнали? — Ольга сдалась.

Какой смысл ломать дальше эту комедию, если все карты раскинуты картинками вверх? Чтобы только усугубить и без того шаткое положение и оказаться в глазах этого мужчины окончательной идиоткой?

Мужчина мягко улыбнулся и окинул взглядом людей,

идущих на выход.

— Пойдём прогуляемся? — он сделал шаг вперёд и остановился, посмотрев на смутившуюся и растерянную девушку скорее требовательно, чем вопросительно.

Ольга в нерешительности пожала плечами и тоже сделала шаг, поравнявшись с мужчиной.

В тишине они дошли до эскалатора. Демьян пропустил девушку вперёд, встав на ступеньку ниже той, на которой стояла спиной к нему Ольга. Она даже не знала, как лучше: повернуться лицом к мужчине или остаться стоять спиной? Стоять так близко с едва знакомым человеком было и страшно, и неловко одновременно. Не хотелось ей и чтобы мужчина так близко разглядывал её лицо: а вдруг там тушь собралась в уголках глаз? Или размазалась! И вот он будет такое чудище разглядывать, в то время как чудище даже не знает, что оно — чудище!

Но и стоя спиной, Ольга испытывала странное ощущение. Жар! Её всю окутывал пылающий жар, окружая языками невидимого огня, сжимая в своих объятиях. Кружащая голову энергетика — бешеная и необузданная, — пульсировала вдоль позвоночника. Ольге в какой-то момент показалось, что мужчина прикасается к ней, но не руками, как бы странно это ни звучало. Точно не руками! Физическое прикосновение было бы проще ощутить, чем то, которое использовал Демьян и которое больше походило на собственноручную роспись в признании себя психически нездоровым иди-

отом.

Ольге казалось, что она слышит, как он дышит прямо у неё над ухом. Отчётливо слышит его дыхание: спокойное, глубокое и полное страсти. Почему страсти? Ольга не понимала и не могла ответить, почему именно страсть пришла на ум, пока они ехали на эскалаторе к свету. Не слишком ли много самомнения? Не выдавала ли девушка желаемое за действительное? Может ей подсознательно хотелось услышать именно дыхание страсти, а по факту Демьян вообще смотрел в другую сторону, думал о своём и забыл на некоторое время о своей спутнице!

Ни в одном из своих чувств Ольга не была уверена — всё находилось под суровой и самокритичной призмой недоверия, — но в чём Ольга была уверена на сто процентов, так это в том, что физически мужчина не прикасался к ней даже случайно.

Демьян галантно пропустил девушку вперёд, а выходя на улицу, придержал тяжёлую, раскачивающуюся под порывами ветра дверь. Всю дорогу до выхода Ольгу не покидало ощущение пылающего, обжигающего огня, то и дело окутывавшего всё её тело, проникающего внутрь, разогревающего органы, играющего с сердечным ритмом и дыханием.

Выйдя на зимнюю улицу, Ольга глубоко вдохнула холодный воздух, чтобы хоть чуть-чуть остудить внутренний пожар. Да чего уж там! Девушка прямо обрадовалась, что оказалась на свежем воздухе, надеясь сбалансировать странный

поток ощущений.

— Пройдёмся по Садовому? — спросил Демьян и кивнул в сторону шумной дороги.

Ольга согласилась. Они шли рядом, на минимально близком расстоянии, но не касаясь друг друга. Мужчина галантно держал дистанцию и не нарушал её ни на миллиметр.

— Расскажешь, что привело тебя в приложение знакомств? — спросил он, убрав руки в карманы.

— А вы как думаете? — Ольга вложила в свой голос ровно столько непринуждённости, сколько могла, чтобы не выдать смутения, мучившего её с момента выхода из дома.

Мужчина усмехнулся и быстрым взглядом окинул девушку.

— Да, кстати, «ты» я предпочитаю больше, чем «вы», — он снова перевёл взгляд вперёд. — Как я думаю? Я думаю, что тебе хочется быть не хуже других. Думаю, что тебя по-настоящему беспокоит — я бы даже сказал, тревожит, — что у других девчонок твоего возраста есть какие-никакие отношения (а у некоторых ого-го какие!), а у тебя нет. Быть в чём-то хуже других, как ты считаешь, — непорядок для твоего мировосприятия.

В точку! Демьян попал своими рассуждениями в самую сердцевину. И только услышав их со стороны, Ольга внезапно осознала, как же глупо себя повела в столь щепетильном вопросе отношений.

— Нет, — Ольге ничего не оставалось, как врать. Не вы-

ставлять же себя совсем в дурном свете! — Не так. Так-то я хотела бы встречаться с кем-то, но не потому, что так делают другие. Я просто чувствую себя одинокой.

— Мальчик скрасит твоё одиночество? — Демьян искоса посмотрел на девушку, пряча лукавую улыбку.

— Разве нет?

— То есть ты ищешь мужчину, который будет развлекать тебя и развеивать неуютное чувство одиночества?

— Нет! — Ольга впервые улыбнулась. — Я мечтаю о второй половинке, чтобы мы дополняли друг друга, стали единым целым. Знаю, звучит как сентиментальная фигня, но хочется именно единения с человеком. Если такое возможно... Будет единство — не будет одиночества.

— А почему в приложении знакомств? В жизни никак не получается?

— Не тот контингент, — Ольга не была готова к подобным вопросам шаниям и отвечала первое, что приходило на ум, не особо давая своим ответам оценку на приемлемость.

— Считаешь, что на сайте знакомств тот самый контингент? — мужчина остановился и внимательным, пронзительным взглядом впился в глаза девушки.

— Вдруг есть нормальные... Ты же вот... нормальный, — неуверенно ответила Ольга, чувствуя, как мимика лица меняется по собственному усмотрению, натягивая на себя выражение заискивающего щенка.

Демьян ухмыльнулся, опустил глаза, вытащил из карма-

на пальто сигареты и оценивающим взглядом посмотрел на жаждущую ответа Ольгу.

— Я покурю? — спросил он.

Девушка кивнула.

— «Нормально» — это очень комплексное и в то же время субъективное понятие. То, что кажется тебе нормальным, другим может показаться идеальным. С кем-то ещё встречаешься из приложения?

— Нет, — уверенно ответила Ольга: хоть в чём-то она была уверена сегодня! — Я неделю или полторы назад зарегистрировалась.

— И сразу, получается, пошла со мной?

Дым сигареты аккуратно вписался в тяжёлый московский смог, перемешанный с остатками воздуха, в толще которого зависали падающие снежинки. От вопроса Демьяна Ольга почувствовала укол стыда и нотки обвинения в легкомыслии.

— Я... — Ольга терялась в словах и мыслях. — Просто... Ну... Мне... Ты показался мне интересным.

— Можешь не оправдываться! Я не прошу оправданий. Просто констатирую факт: ты так сделала. Почему — это второй вопрос, который я пока не готов задать.

Девушка совсем сжалась в комоч, превратившись в оголённый круглый нерв, в который кто-то то и дело тыкал иголкой с разных сторон, вызывая болезненные ответные реакции.

— А ты? — резко спросила она, не желая оставаться в числе униженных. — Ты почему оказался на сайте знакомств? Видимо, тоже не всё радостно в реальности? — огрызнулась девушка.

Вопреки её опасениям, что мужчина разозлится, психанёт или проявит своё сомнительное нутро (к счастью, людей вокруг было полно), Демьян демонстративно улыбнулся в ответ и спокойно, даже как-то умиротворённо затянулся сигаретой.

— Нет никаких проблем ни в приложении, ни в реальности. Я жду особую девушку, чему реальность не очень способствует, подсовывая всех подряд. В приложении же я могу фильтровать реальность.

— Почему особенную? — растерялась Ольга. — В чём особенность? В том, что она не пойдёт сразу с тобой гулять?

Демьян рассмеялся. Ольга же надула губы и бросила на него острый, осуждающий взгляд.

— А тебя задело! — мужчина склонил голову набок, оценивающе рассматривая негодующее лицо напротив. — Нет. Оценивать особенность человека по тому, как скоро он согласится на первую встречу, по меньшей мере не целесообразно, по моему мнению. Я пока не готов раскрывать все нюансы особенностей, но уверенно могу сказать, что, с твоего позволения, с тобой я продолжил бы общение.

Ольга поджала губы. Сейчас ещё сильнее чувствовался бушующий в теле огонь. Впервые в жизни ей захотелось за-

мерзнуть. Хоть чуть-чуть! Но нет, девушке становилось всё жарче и жарче — уже настолько, что хотелось расстегнуть пуховик. Хотя бы у горла! Пустить холод под одежду, разжать огненную пасть, в которой Ольга оказалась зажатой.

— Ты пугаешь меня, — прошептала девушка. — Я поначалу думала, что ты маньяк!

Ольга тут же прикусила язык. Почему она сказала это? Ведь не собиралась же! Какой чёрт её дёрнул?

— А сейчас что-то изменилось?

Демьян стал серьёзным. Таким Ольга видела его впервые с момента их встречи. Весь разговор на его лице так или иначе мелькала то усмешка, то ухмылка, то едва заметная улыбка, но сейчас он был сама серьёзность.

— Пока ничего и не изменилось... — Ольга осмелилась взглянуть мужчине в глаза.

Взгляд животного! Так смотрят бойцовские собаки на того, на кого собираются напасть: не лают, не рычат, а просто замирают и глазами следят за жертвой. За каждым её движением. Чтобы потом молча, без предупреждения, атаковать.

— Почему же ты пошла со мной, если считаешь меня маньяком? — со всей серьёзностью спросил мужчина. — Нормальным маньяком, так? Я же, по твоим словам, и нормальный, и маньяк.

— Не знаю... — Ольга покачала головой, но так и не смогла отвести взгляд.

Он гипнотизировал её, что ли? Ей очень хотелось пере-

стать смотреть на него, но она ничего не могла поделать, продолжая всецело оставаться в фокусе его глаз.

— Я не могу понять ни себя, ни свои эмоции.

— А если я сейчас достану нож, — Демьян сменил серьёзность на очевидную надменность и высокомерие, — и убью тебя? Прямо здесь, посреди Садового кольца. Среди толпы.

Ольга похолодела. Наконец ощущение пожара внутри прекратилось и резко сменилось арктическим холодом. Вмиг тело покрылось мурашками, пытающимися поднять весь волосяной покров, чтобы обогреть внезапно замёрзшую кожу. Но тщетно. Эволюция или ещё что-то постаралась, лишив человека густой шерсти, а значит, и возможности хоть как-то согреться.

В ушах громко зашумел кровавый поток, превратившись в страшную горную реку, зажатую скалистыми берегами и наполненную булыжниками самых разных форм, о которые с грохотом разбиваются волны. Яростный стук качающего кровь сердца затопил сознание. Больше никаких звуков — только сердце и голос мужчины, разгоняющий этот дикий ритм.

Ольга покачала головой, всем видом пытаясь показать, что не верит в услышанное, что всё это — лишь пугалки для детей с неокрепшей психикой.

— Или ты думаешь, что я не смогу этого сделать, потому что здесь многолюдно? Потому что вокруг куча свидетелей и меня посадят? Разве тебе, мёртвой, станет легче от это-

го? Или жизнь вернётся, если меня посадят? — Демьян чуть улыбнулся, но так и не отвёл взгляда от поражённой его словами девушки, будто эту зрительную связь ни в коем случае нельзя было разрывать. Разорви её — и рухнет весь старательно созданный антураж. — Или люди тебя спасут? Нет, не спасут. Людям плевать на то, что происходит у них под носом и их не касается. Так почему ты пошла со мной, испытывая такой сильный страх?

Девушка ни слова не могла произнести. Очень хотела, но не могла. Во рту пересохло, язык превратился в сушёную, забытую в холодильнике сосиску, да и, честно говоря, никаких слов в голове не осталось.

— Забавная ты, — Демьян сделал шаг назад, дав девушке больше пространства. — Я не маньяк. Людей не убиваю. И не убивал. Не знаю, сможешь ли ты поверить... Сложно же верить в иное, верно? В то, что кардинально отличается от того, что уже поселилось в голову?

— Но откуда ты мог знать моё имя?! Как я выгляжу?! В каком такси ехала?! — Ольга чуть повысила голос, добавив в него требовательности.

— По-твоему, всё это могут знать только маньяки? — мужчина посмотрел на девушку. — Пойдём? Убивать я тебя не собираюсь, чего стоять-то?

Он сделал шаг вперёд, и Ольга последовала за ним, глубоко задумавшись.

— У маньяков, как правило, есть интерес узнать о жерт-

ве больше информации... А кому ещё может быть интересно узнавать что-то о такой, как я? Я не народная артистка, не политик, у меня нет денег... У меня вообще нет ничего, что могло бы спровоцировать интерес к моей персоне у незнакомого человека! Тем более в приложении не было ни слова обо мне настоящей!

— Ты ошибаешься, — Демьян шёл впереди и без особого интереса рассматривал толкающиеся в пробке машины.

Всё-таки он казался Ольге чрезвычайно странным, но внутреннее ощущение «латентного маньяка» пропало. Исчезло бесследно, будто его никогда и не было. Не то чтобы пришло полное спокойствие и уверенность в мужчине, но хотя бы отступили паника и страх смерти.

— Тогда расскажи, откуда ты узнал? — добавив в голос немного флирта и заигрывания, попросила Ольга и украдкой посмотрела на профиль идущего рядом мужчины.

Ну красивый же мужик, всё-таки! И что такому статному красавцу понадобилось от серой мыши?

— У всех свои секреты, Оль, и мало кто готов делиться ими на первых встречах. Зайдём? — он кивнул на уютные двери, украшенные новогодними гирляндами и игрушками.

Ольга молча кивнула в ответ, и учтивый, вышколенный годами работы, с иголки одетый швейцар, мягко раскрыл перед ними тяжелые двери явно дорогого заведения.

Какая тёплая и домашняя атмосфера господствовала внутри заведения! Голос Фрэнка Синатры наполнял зал ска-

зочным, добрым настроением. Приглушённый свет и множество огоньков искусственных свечей мгновенно окутали вошедших паутиной расслабления.

Девушка с приятной улыбкой и уставшим взглядом проводила гостей к столику в уютном закутке — как и просил Демьян, подальше от всех. Едва ощутив под пятой точкой мягкое плюшевое кресло, Ольга окончательно расплылась, только сейчас осознав, насколько уставшей она себя чувствует. Оказывается, стресс, постоянное волнение, предвкушение и периодические атаки паники здорово изматывают физически — чего она совершенно не ощущала, пока шла пешком.

Обстановка и убранство вокруг недвусмысленно кричали о том, что это место — далеко не общедоступная версия среднестатистической забегаловки. Страшно было даже подумать, сколько здесь стоит чашечка кофе! А ведь это будет именно крошечная чашечка, будто взятая из детского кухонного набора, разве что фарфоровая или из утончённого керамостекла. Но на чашечку кофе денег у Ольги должно хватить... Хотя лучше сначала свериться с меню. Мало ли!

— Что ты будешь? — спросил Демьян, закрыв своё меню.

— Кофе, — ответила Ольга, не отрывая глаз от меню и выбирая между латте и капучино, разница в цене которых была, скажем так, незначительна... уже.

Это всё равно что покупаешь квартиру за десять миллионов, а тебе предлагают ещё что-то дополнительно на пару

тысяч. Уже всё равно! Сгорел сарай — гори и хата! Может, кофе за восемьсот рублей будет невероятно вкусным — так же, как и за девятьсот. Обидно только, если разница не почувствуется между кофе за двести и за восемьсот...

— И всё? — мужчина подозрительно улыбнулся.

— Да, капучино вполне достаточно для того, чтобы согреться, — Ольга закрыла меню, выбрав всё-таки вариант за восемьсот рублей и с меньшим количеством пенки.

— Не голодная совсем?

— Нет, — коротко ответила Ольга и ещё раз окинула взглядом обстановку вокруг.

Желудок в опровержение забурчал, но его истощный вопль никем не был услышан из-за пения Фрэнка.

— Ты правду патологически не переносишь? — улыбнулся Демьян.

Ольга замерла, не в силах поверить, что даже такое незначительное соккрытие становится явным за секунду.

— Ты о чём? — Ольга прикинулась, будто не понимает, о чём речь.

— Ты же голодная. Почему не возьмёшь... — Демьян замолчал и, чуть прищурившись, впился взглядом в перепуганное лицо девушки.

В этот момент Ольга буквально почувствовала, как он влезает в её голову с помощью взгляда, как что-то копошится внутри, ощупывает органы, пробует, испытывает.

— ...Мясо... Баранину. Я видел её в меню.

У Ольги пересохло во рту. Не от жажды и тем более не от голода. Откуда мужчина узнал о её предпочтениях в еде?! Ткнуть пальцем в небо и сходу попасть в баранину? Да это надо быть чертовски удачливым! Или обладать невероятной интуицией!

Мужчина ждал ответа. Надо было что-то говорить, но Ольга, лишённая дара речи, продолжала молча таращиться на него. Язык то и дело порывался что-то выдать, выхватывая то одну, то другую мысль, но не успевал: слишком сложно без вмешательства мозга остановить жужжащий поток и найти единственно верную.

— Я закажу, — решительно сообщил Демьян и посмотрел на официанта, стоящего неподалёку, которому не было особого дела до посетителей: он рисовал квадратики в блокноте, задумавшись о своём. — Баранину для девушки.

— Хорошо. Что для вас будет?

— Стейк, гаге. Бокал вина — на ваше усмотрение, я не гурман. Это всё.

— Баранина, стейк гаге, вино и капучино, всё верно? Могу напитки подать сейчас?

Демьян кивнул и откинулся на спинку мягкого широкого кресла. Его глаза снова пожирали застигнутую врасплох девушку, так и не решившуюся что-либо сказать. Демьян тоже не спешил говорить, лишь бегал взглядом по её застывшему лицу и расширенным глазам.

Внезапно он резко поднялся и снял пальто, повесив его на

вешалку, стоящую поодаль. Затем подошёл к девушке, помог ей снять пуховик, усадил за стол, уселся сам и вернулся к наблюдению за молчаливой спутницей.

Интересная особа она оказалась! Сидит чуть сгорбившись, руки под столом, на лице напряжённое выражение — явно решает какой-то сложный пазл для нечеловеческого ума. Водолазка обтягивает суховатую фигуру, подчёркивая угловатые плечи, маленькую грудь и длинную шею, спрятанную в высокий ворот, заканчивавшийся аккурат по линии нижней челюсти. Глаза округлились, явно выражая испуг. Пока что лёгкий. Недоумение, шок.

Зрачки расширены. С чего бы? Слишком тёмное освещение или ей приятно смотреть на мужчину? Или и то, и другое? Губы подсохшие, чуть-чуть бледные, слегка приоткрытые. Впалые щёки ярко подчёркивают скулы. Доходяжная барышня-то! Демьян улыбнулся. Телосложение и внешность девушки не были для него сюрпризом, но вживую смотреть было куда приятнее.

Ольга же была погружена в транс. Чем оплачивать чёртову баранину? Накопления благополучно лежат дома...

— Слушай, — Ольга сложила руки на груди, её лицо приняло более суровый вид. — Я не планировала есть мясо.

— Не планировала, но ведь не против? Мы много чего не планируем из того, что с нами случается. В чём проблема? Иногда незапланированные события приятны, разве не так?

— Согласна, — Ольга кивнула и ещё сильнее сжалась. —

Ну, в данном случае «не планировала» означает, что я не брала с собой достаточное количество денег.

— А-а-а, — Демьян усмехнулся и вздохнул. — Вот в чём проблема, которая вовсе не проблема! Я взял достаточное количество денег.

— Но я не хочу быть должной! — возразила Ольга.

Демьян нахмурился и орлиным прищуром оглядел девушку. Сложно было сказать, какая именно эмоция завладела им, и что он чувствовал, но его взгляд мгновенно осёк девушку, не давая спорить дальше.

— Это что? — тихо спросил он суровым голосом. — Байка современного мира?

Ольга поджала губы. Как же сложно общаться с человеком, которого совсем не знаешь! Сложно именно из-за привычки постоянно приспосабливаться к окружающим людям и событиям. Очень многое хотелось сказать, но преобладал страх прозвучать не так, обидеть, оскорбить или, того хуже, выглядеть законченной идиоткой и дурой, загнав себя собственным языком в глупое положение и слепив трудноразрушимый образ посмешища.

— Ну... — Ольга начала крайне издали, постепенно прощупывая почву и наблюдая за реакцией собеседника. — Ты же наверняка читал, видел или, может, лично сталкивался с тем, что многие мужчины сейчас очень сильно переживают, будто при знакомстве через сайт их объедают и не расплатятся.

— Чего? — удивился Демьян, элегантно взяв только что принесённый бокал вина. — Что значит «объедят»? Кто и за что должен расплачиваться?

— Девушки, — смущённо ответила Ольга. — Девушки едят и не расплачиваются.

Демьян улыбнулся и пододвинул ближе к Ольге маленькую чашку с кофе, сверху обильно укрытую толстой пенкой с рисунком небольшого кленового листа, посыпанного корицей.

— А ты, значит, готова расплачиваться? Или объедать?

— Я... — Ольга ошалела от услышанного вопроса и окончательно растерялась.

— Расслабься, я шучу. Чем должны расплачиваться девушки? Что диктует современный тренд?

— Ты как будто из другого мира свалился! — рассмеялась Ольга, поддавшись мимолётному расслаблению. — Чем ещё, если не этим?

— «Этим» — это чем? — Демьян настаивал на своём невежестве относительно слухов о знакомствах в сети.

Ольга же не могла понять: то ли он прикалывается, то ли... Тогда всё совсем странно.

— Сексом... — чуть слышно прошептала Ольга и остро почувствовала, как её щёки вспыхнули пунцовой краской.

Мужчина изобразил неподдельное удивление и даже едва развёл руки в стороны. Он провёл пальцами по волосам, взъерошив их, и наклонился к девушке, чуть прижавшись

грудью к столешнице.

— Сексом?! — удивлённо вторил он, пока в его глазах плескалось изумление.

Над чем изумление? Над страхом современных мужчин или над застенчивостью московской девушки, которая дожидается до совершеннолетия в растлённом грязью, морально разлагающемся мегаполисе? В городе, где с экранов телевизоров вещают про прокладки и «красочные эмоции, вызванные этими днями», где в фильмах, если главная героиня не разделась до нижнего белья, картина обречена на провал, где содержание давно утратило смысл, ловко превратившись в никчёмный рудимент, пока практически каждый озабочен лишь обложкой, упаковкой и тем, во что помещена бессмыслица. В этом городе, полном страстей любого рода, эта девушка стеснялась произнести слово «секс».

Ольга кивнула в ответ и почувствовала, как капилляры на лице превращаются в полноводные реки, погружая кожу в ведро с красной краской. Стыд и смущение мешали ей полноценно оценить реакцию Демьяна. Девушке хотелось лишь одного: по меньшей мере провалиться сквозь землю, а в идеале — вовсе исчезнуть.

— Кто же так продешевил: мальчишки или девчонки? — улыбнулся Демьян.

Девушка пожала плечами, не став ничего говорить на этот счёт.

— Ты как считаешь? — Демьян снова сделал глоток вина

и с ожиданием посмотрел на девушку. — Можешь не стесняться. Любое мнение имеет право на существование. Я же не кусаюсь.

Он чуть улыбнулся, но Ольга готова была спорить: его глаза оставались предельно серьёзными, в них шла напряжённая работа мысли. И хотя за любое высказанное мнение он действительно не укусит, но уж абсолютно точно сделает выводы... Которые потом могут сыграть далеко не в её пользу.

— Хорошо, я начну первым, — продолжал Демьян. — Ты не будешь спать со мной ни за баранину и кофе, ни за что другое из этого меню, — он указал на кожаную папку с описанием блюд и не менее впечатляющими ценами. — Мне не жалко накормить человека. Вкусно. Я пригласил — я заплачу. Если бы мне это заведение было не по карману, ели бы мы сейчас бургеры, но за мой счёт. Чего я хочу за это? Ничего. Можешь не переживать: ты ничего мне не должна и я ничего не потребую — тем более секса. Я предпочитаю другие пути. Так каково твоё мнение насчёт обедов и необходимости расплачиваться?

— Диковато, конечно, всё это. Моя мама никогда не платит, когда они куда-то идут с папой. У меня перед глазами другой пример: есть женщина, есть мужчина, и если женщина рядом с мужчиной перестаёт чувствовать себя женщиной и начинает влезать в мужские дела, то зачем тогда вообще нужен мужчина? Мама никогда в жизни не отличит молоток от плоскогубцев и никогда не слышала от папы фразы «денег

нет». Но зато она прекрасно знает, сколько перца и соли любит папа, как правильно прожарить для него мясо, сколько ложек кофе положить, как погладить его халаты. Он у меня физик. Они так идеально дополняют друг друга! Я бы тоже хотела, как мама, встретить своего мужчину и прожить с ним всю жизнь.

Демьян внимательно слушал девушку и почему-то пристально разглядывал её лицо. Не с точки зрения эстетического наслаждения, а с какой-то иной подоплёкой. Он больше походил на врача-терапевта, изучающего изъяны призывника в военкомате: «А точно ли всё нормально? А не загнётся ли в учебке?».

Ольга не замечала этих взглядов. Она была полностью поглощена тёплыми воспоминаниями о родителях и активизировавшейся мечтой об идеальных, сказочных отношениях.

— Ты одна в семье? Я имею в виду: братья, сёстры есть?

— Нет, я эгоистичный единственный ребёнок. Вся забота и всё внимание — мне одной, — улыбнулась девушка. — А ты?

— То же самое.

— Ты с родителями живёшь? — Ольга решила, что настала её очередь сыпать вопросами, более-менее уместными, как ей казалось.

— А что? — лукаво прищурился он в ответ. — Ко мне хочешь поехать?

— Нет! — девушка качнулась назад, её лицо тут же выра-

зило одновременно и строгость, и ошеломлённое изумление. — Нет, конечно! Я просто спросила, без каких-либо намёков!

— Я понял, расслабься, это шутка, — он всё ещё внимательно изучал её мимику, выискивая то, о чём было известно только ему. — Я живу один. У меня не такие идеальные родители и тем более не идеальные отношения с ними.

— Почему?

— Предполагаю, потому что при рождении я оказался в детдоме, а не в своей комнате, в мягкой постели, окружённый игрушками.

Ольга не смогла скрыть удивления. Как так получилось, что здорового ребёнка бросила собственная мать? Какие могли быть на то причины? Жалость разрасталась в груди, окутывая своими тонким корнями сердце, сжимая его и пуская отростки прямо в голову. Перед глазами побежали картины несчастных, голодных оборванцев, находящихся на попечении государства и не знающих ровным счётом ничего о счастливом детстве. Досаждали чувство вины и ощущение неуместности своего пусть маленького, но наверняка ранящего рассказа.

— Извини, — тихо проговорила девушка и опустила глаза. Какая же нелепая ситуация!

— За что? — не понял он.

— Мне не следовало лезть с такими вопросами, да и о своих родителях болтать...

— Да брось! — рассмеялся он. — Ты правда думаешь, что я тридцать лет сижу и ненавижу всех, у кого есть родители и кто с ними провёл детство? Или думаешь, что я завидую? Всё нормально. Я не завидую и ни о чём не жалею. Просто есть факт: в моей жизни была такая страница — может, не самая приятная и радостная, но она была, и я многое почерпнул из неё. Бесценный опыт, скажем так. Этот опыт отличает меня от большинства. Я умею выживать, а «доморощенные» — далеко не все. Это хороший навык, хочу сказать тебе.

Его лицо на несколько секунд изменилось, и на нём отразилось отчётливое: «Я люблю себя». Настолько отчётливо, что Ольга на мгновение испугалась, чуть ли не навесив на мужчину клеймо нарцисса и пару увесистых обвинений сверху.

Разве можно так сильно любить себя? Что за самолюбование? От мужчины — тем более! Она уже знала одного такого же самовлюблённого эгоиста — Аксёнова. Чем тот хорош? Тянет всё внимание группы на себя — и всё на этом? Это же отвратительно — быть таким эгоистом!

Но внезапно она сама себя перебила. Нельзя так. Нельзя! Нельзя обвинять вот так сразу. Мало ли что там могло показаться. Надо же, чтобы проявилось больше фактов, которые подтвердят поставленный диагноз нарциссизма. Убедиться в том, что человек — дерьмо, можно довольно быстро: стоит всего лишь позволить ему быть собой и, оставаясь в стороне, наблюдать за ним.

Спустя несколько минут официант принёс заказ, пожелал приятного аппетита и удалился.

Ольга уставилась на дымящееся блюдо, и слюноотделение по взмаху волшебной палочки усилилось. Хотелось прямо руками схватить кусок мяса, запихнуть в рот и жевать, высасывая жирные соки, сдобренные пряными специями. Вкусно до чёртиков — не то что пальчики оближешь, а оближешь всё, с чем соприкасалось это мясо! А запах был умопомрачительным: он отключал весь мир, всё вокруг перестало существовать, осталось только одно желание... Жрать!

Но надо же соблюсти рамки приличия. Нужно взять вилку и нож в правильные руки, резать на маленькие кусочки, медленно жевать, не пуская по подбородку жирные слюни, которые так и хочется стереть рукавом кофты, прямо как в детстве. Но нельзя. Девочки — они же девочки! Не свиньи, не пукают и не какают. Такое разрешено только мужчинам. Только им можно жрать как свиньям, нескромно шевеля жирным подбородком, рыгать прямо за столом, пердеть спустя неделю знакомства и делать многое другое, чего женщинам почему-то нельзя. Женщины же не люди, и ничего из того, что делают мужчины, им делать, конечно же, не хочется!

Обязанность создавать образ безупречной феечки без животных желаний внушается из поколения в поколение близкими и социумом. Не стоит отрицать очевидные вещи: рыгнёт мужик за столом — и никто не обратит внимания, рыг-

нёт девушка — и начались укоризненные взгляды и напоминания о том, что «ты же девочка» и так далее.

Нравы, ущемляющие физиологические права одних и превозносящие права других, работали как часы и у Ольги. Поэтому, перебивая неистовое желание смачно пожрать, она, едва скрывая волнительную дрожь и предвкушение, поднесла маленький кусочек мяса к губам, вдохнула запах и положила его в рот, чуть придавив языком к нёбу. Сок мгновенно прыснул под давлением, обильно смачивая язык.

Господи, как же вкусно! Как же до невозможности вкусно! Любимая баранина приобрела новый уровень вкуса, подняв планку на несколько уровней вверх. Уж насколько вкусно мама делала баранину, но её кулинарные шедевры померкли по сравнению с одним этим кусочком.

Ольга открыла глаза, как только прожевала кусочек мяса. Рука с вилкой уже сама двигалась, чтобы положить в рот следующий, как вдруг девушка замерла, заметив, как жадно мужчина наблюдает за ней. Он ещё не притронулся к своему блюду — вместо этого, подперев голову руками, внимательно следил за каждым движением девушки напротив.

— Что? — не выдержала она гнетущей исследовательской тишины.

— Как тебе мясо? — невозмутимо спросил Демьян, взяв наконец в руки столовые приборы. Он отрезал кусочек стейка, и по тарелке тут же растеклась кровь, смешанная с жиром.

— Мне кажется, это самое вкусное, что я пробовала в жизни! — Ольга сжала зубами ещё один кусочек мяса. — Рамки приличия мешают съесть его так, как хочется.

— А как хочется? — Демьян положил приборы на тарелку и, явно чего-то ожидая, посмотрел на девушку.

Та немного смутилась, перестала жевать, а затем кровожадно улыбнулась, что очень понравилось Демьяну.

— Прямо взять этот кусок руками, — ткнула она пальцем в мясо и продолжила шёпотом, — и грызть его, даже рот не вытирая!

— Ну так вперёд! — он тоже улыбнулся... животным оскалом.

— Ну конечно! — скривилась Ольга. — Чтобы ты первый решил, что я невоспитанная идиотка и от меня лучше держаться подальше. Потом ещё и окружающие непременно оценят моё поведение и много чего интересного скажут!

— Какая разница, что скажут окружающие? — искренне удивился мужчина. — Надо жить так, как хотят окружающие? По меньшей мере странно: из-за во-о-н той парочки ты лишаешь себя удовольствия? Чего ещё ты готова лишиться ради комфорта окружающих? — он демонстративно и безразлично отрезал ещё один кусок стейка и замер. — Что касается моего отношения к тебе, не буду лукавить: мне очень нравится, что ты переживаешь о том, что я подумаю о тебе. Это хороший знак. Скажу честно, я ничего дурного не подумаю о человеке, наслаждающемся едой так, как

ему нравится и хочется.

Он взял двумя пальцами только что отрезанный кусок мяса, отправил его в рот и нарочно громко причмокнул, облизывая пальцы.

Ольга, открыв рот, следила за ним. Действительно, почему она не может есть так, как хочется? Почему должна мучиться с этой вилкой в левой руке и ножом — в правой? Она же переученная левша! Резать и так неудобно, а тут ещё эта вилка, то и дело ёрзающая по тарелке с куском. Ещё чуть-чуть — и зубчики вилки пробьют мясо насквозь, и пространство наполнится мерзким звуком, рождённым от прикосновения металла к тарелке. Звуком, от которого буквально чувствуешь, как сворачиваются уши, закрываясь, словно лепестки цветов в преддверии опускающейся ночи, а челюсти так плотно сжимаются, что начинает отдавать в висках эхом.

— Потом только попробуй сказать, что я свинья! — тихо ответила Ольга и отложила приборы в сторону.

Взяв мясо руками, девушка принялась кусать его вокруг кости, быстро жуя и жадно глотая. Всё было так, как она мечтала: жирные пальцы, жирный подбородок, стекающий по нему мясной сок, почавкивание и причмокивание, осуждающие взгляды посетителей и улыбчивые официанты, заметившие, что люди с жиру бесятся — да пускай себе бесятся в своё животное удовольствие, заведению-то касса делается!

Демьян неторопливо жевал остывающий стейк и с открытым наслаждением наблюдал за девушкой. Ведь и прав-

да: зверёк! Худющий, будто не ел сто лет, потрепанный тяжёлым зимним периодом... Ничего не замечает вокруг — знай себе грызёт свою пищу, полностью доверившись кормящей руке.

Без вилки и ножа Ольга справилась с мясом гораздо быстрее. На мгновение, едва закончив эту дикую трапезу, она даже подумала, что не наелась вовсе и с удовольствием заточила бы ещё один такой кусок. Хотя нет! Лучше — стейк с кровью, прямо как у Демьяна. Чисто для аудитории, чтобы они смотрели с ещё большим отвращением и непониманием: как так можно?!

— Ну как? — невозмутимо спросил Демьян, неспешно доедая мясо.

— Божественно! — Ольга вытерла рот и руки салфетками и вернулась к кофе.

— Рад слышать. Дашь свой номер телефона? — так же невозмутимо спросил он, аккуратно разрезая пополам оставшийся кусочек стейка.

Ольга замерла. До чего интересный вопрос! Конечно, ей хотелось крикнуть: «Да!» — сотни тысяч раз «да»! Красивый, притягательный, загадочный... При одном взгляде на Демьяна она ощущала целый спектр эмоций. Но сильнее всего её приковывала именно его загадочность. С детства Ольга любила загадки, головоломки и пазлы и с завидным упорством решала их — даже самые сложные, которые сжирали кучу времени и требовали предельной усидчивости. Демьян

казался ей чертовски привлекательной головоломкой, которую непременно хотелось разгадать.

Но с другой стороны: разве правильно вот так давать номер, толком не зная человека и то, что он из себя представляет? Да и мыслишки о том, что этот мужчина — маньяк, пока далеко не уходили. Не опасно ли? И хотя девушка не ощущала тотальной угрозы, пара беспокойных молекул всё же вносила суету, то и дело ставя под сомнение все только что принятые решения.

— Зачем? — она решила попытаться узнать хотя бы его намерения, надеясь, что даже если он станет лгать, она сможет это распознать.

Демьян как раз закончил с ужином, отложил приборы в сторону и неспешно вытер губы — настолько по-графски, будто сидел за столом в кругу изысканных эстетов и гурманов семнадцатого века на приёме у самого короля. Весь такой вычурно манерный и чертовски загадочный!

— Я буду с тобой откровенен, — словно прочитав её мысли, сказал Демьян и пригубил ещё вина. — Ты мне понравилась. Я бы хотел продолжить наше общение. Ещё раз напомню: я не маньяк и никогда им не был. Мне не нравится делать с людьми что-либо против их желания.

— А как у человека может появиться желание быть убитым? — усмехнулась Ольга.

— М-м-м, — протянул он, опустил глаза и продемонстрировал уже знакомую, едва уловимую улыбку. — Желания

людей неисповедимы, поверь мне. Я ответил на твой вопрос? — девушка кивнула, и Демьян продолжил, — если я тебе симпатичен, приятен и интересен, то у нас нет никаких препятствий для продолжения общения. Согласна?

— Ну да, — девушка снова кивнула.

— Тогда я записываю, — Демьян достал телефон и приготовился вносить цифры в память устройства.

— Ты же всё сам знаешь! — внезапно Ольга, не успев посоветоваться с самой собой, решила подразнить и слегка уколоть мужчину. — Как я выгляжу, как меня зовут... Номер сам назвать не сможешь?

Демьян поднял на неё взгляд исподлобья, отчего девушке стало не по себе. Она никак не ожидала такого взора — осаждающего, уничтожающего. Будто хищник, спрятавшийся в ближайших кустах, с предвкушением быстрой победы наблюдает за зайцем, беззаботно жующим клевер на полянке.

— Тестируешь меня? — мрачно спросил он тихим, но в то же время тяжёлым и глухим голосом, лишённым даже минимальных намёков на какие-либо эмоции. — У тебя ещё будут такие возможности, я неоднократно смогу предоставить их по твоему желанию. И цифры твои могу узнать сам. Но мне было бы приятнее, если бы ты сама продиктовала их сейчас своим нежным голосом.

Он улыбнулся, но улыбнулся так, что девушка чётко поняла: на самом деле ему совсем не хотелось улыбаться.

Середина учебной недели, а Ольга чувствовала, что уже невозможно устала, будто училась без передышки третьи сутки подряд. В журнале уже красовались две тройки — по физике и по социологии. Двойки по психологии ей едва удалось избежать, и то только потому, что Соня в нужную секунду шепнула правильный ответ. Это было удивительно и для Ольги, и для самой Сони, так как обе не слишком любили психологию, не понимали её и, в принципе, изучать не хотели. Но в отличие от подруги, Ольга хотела закрыть сессию без троек — не считая физики. Этот адский предмет для девушки просто не существовал. Однако с середины декабря всё пошло не по плану. Метко подмечено великими умами: хотите рассмешить Бога — расскажите Ему о своих планах.

С момента встречи с Демьяном прошло всего несколько дней, а девушке казалось, что миновала целая вечность. Уже целую вечность она его не видела! Небывалая тоска и неубываемое желание снова встретиться заполнили собой каждую молекулу, каждый атом в её теле. Они растягивали их, словно надувшийся пузырь жевательной резинки: потом маленький прокол — и всё сдувалось, но дырочка тут же исчезала, и всё наполнялось вновь. Внутреннее беспокойство, выворачивающее своими импульсами душу наизнанку, буквально требовало встречи с этим мужчиной. Требовало снова уви-

деть его лицо и потрясающие, глубокие тёмные глаза. Услышать тяжёлый голос... Да, голос — просто звук. Но какой! От одного лишь его звучания Ольга морально растворялась по крупицам в этих волнах, ощущая сейсмические толчки внизу живота.

Но на этих мыслях девушка резко обрывала себя. Частичка разума взбрыкивала, сучила ручками, топала ножками, укоряла и, порицательно покачивая головой, шептала: «Как тебе не стыдно! Ты что, животное? Бесконтрольное, безмозглое, жадное до инстинктов... Нет, не размножения, а удовольствия! О таком запрещено думать, не то чтобы говорить или желать! Немедленно прекрати! Только после свадьбы! Ты же не проститутка!» И множество других схожих, осуждающих мыслей одолевали её.

Соня все эти дни болтала о том о сём, но Ольга не слушала её. Никого не слушала. Даже на парах она перестала менять тетради: перед ней на каждой лекции лежала одна-единственная, где появлялись всё новые и новые штрихи, формирующие портрет мужчины. Разум словно помешался на этом образе... самца! Именно такое впечатление Демьян произвёл за их пока что первую и единственную встречу. Он постоянно писал, хотя и не звонил. Писал, казалось бы, банальные, обыденные вещи: расспрашивал, интересовался, делал всё то, что делают едва познакомившиеся люди. Но даже сквозь буквы на экране телефона её накрывало порывами мощной мужской энергии. Он писал коротко, редко исполь-

зую смайлики, которые так нравились девушке, отчего любое его сообщение выглядело крайне серьёзным и не позволяло выудить хоть какие-то эмоции. Среди шквала его вопросов не поступало ни одного предложения встретиться снова, что вводило девушку в тоску и злость одновременно.

— Селивёрстова! — девушка услышала свою фамилию, но не сразу поняла, кто её зовёт.

Она оглядела аудиторию. Студенты поспешно паковали рюкзаки: очевидно, пара кончилась, чего Ольга, глубоко погружённая в свои мысли и рисунки, даже не заметила.

— Проснись, аллё!

Ольга оглянулась и принялась собирать вещи.

— Оль! Да что с тобой, ёксель-моксель?!

Снова тот же голос. Соня. Это Соня пыталась достучаться до сознания подруги.

— Ничего, — Ольга пожала плечами, — замечталась.

— О чём?

— О ком, — поправила Ольга и продолжила: — О своём мальчике.

— А чего о нём мечтать? Он же уже твой мальчик? О мальчиках можно мечтать, когда они не твои. О своём-то что мечтать?

— Что б ты понимала! — Ольга покачала головой. — Мечтаю скорее встретиться. Соскучилась. Не знаю, как намекнуть, что хочу увидеться.

Соня свела брови к переносице и взглядом исследователя

посмотрела на подругу:

— А в чём проблема сказать ему, что ты соскучилась и хочешь увидеться?

— И что он обо мне подумает? Что я за ним бегаю? Да и вообще, разве не мужчины первыми должны проявлять инициативу?

— А ты не должна? Только на троне сидеть и ждать, когда перед тобой челобитную раскатают, а ты ещё и личико состряпаешь — мол, а точно ли мне надо с тобой встречаться и тратить на тебя время... Прояви себя тоже, покажи ему, что ты заинтересована во встрече!

Ольга закрыла рюкзак и внимательно посмотрела на подругу, оценивая совет и его значимость. Однозначно он пре-тил ей. Так не должно быть! Не должны девушки первыми звать и приглашать парней. Это прямо против самой природы. Никто не учил её так поступать, нигде она такого не ви-дела. Да вон взять ту же Ковалёву: с её стороны нет вообще ни грамма инициативы, а все парни вокруг неё так и выются, а она и рада. Вот это то, к чему все привыкли! Что подумает Демьян, начини она названивать ему и звать гулять? А что, если ему вовсе не нужно с ней встречаться, оттого и нет с его стороны никаких шагов? Опозориться тогда, получается в его глазах? Ну нет. Не готова была Ольга рвать шаблоны. Она девочка и ждала соответствующего отношения к себе.

— Не, я не буду навязываться, — коротко ответила она и вышла из аудитории.

Соня брела рядом, выискивая кого-то в многолюдном коридоре.

— Кого-то ищешь? — без особого интереса спросила Ольга, держа телефон в руке и всеми фибрами ощущая лёгкую вибрацию входящего сообщения.

— А я тебе ещё не рассказывала, как вчера домой ехала? — спросила Соня, продолжая пожирать глазами мелькающие в толпе лица.

— Нет, — смущённо ответила Ольга, на самом деле не зная, что и кто ей рассказывал в последнее время, потому что попросту никого не слушала, находясь во власти собственных мыслей.

— Короче, вчера в автобусе, в давке, лицом к лицу столкнулась с Лёшей.

— С каким?

— Ты его не знаешь, он с третьего курса, — гордо заявила Соня.

— А ты откуда его знаешь? — улыбнулась Ольга, взглянув на подружку.

Та, натянув маску вселенской добродушности и милоты, двигалась среди студентов как модель по подиуму, всматриваясь вдаль и ища определённое лицо.

— Ну вот в автобусе и узнала. Мы разговорились. Ехали долго, собрали все пробки. Это впервые, когда я обрадовалась пробке и тому, что стою, а не сижу. Даже этот чёртов рюкзак казался пушинкой, — Соня потрясла лямкой на пле-

че. — Его зовут Лёша, учится на третьем курсе филфака.

— Ты его ищешь?

— Ну да! Мы так мило общались. Он даже поймал меня, когда автобус резко затормозил, едва успев тронуться. Он вообще такой очаровательный!

— С чего ты решила, что сейчас — да и вообще — он захочет с тобой мило общаться? — осторожно спросила Ольга.

— Вдруг ему это не нужно?

— Ничего я не решила. Найду и спрошу, — беззаботно ответила Соня, будто говорила об обычном завтраке и его до жути банальных ингредиентах.

— И что ты будешь делать, если ему не нужно? — не унималась Ольга, втайне надеясь перенять опыт проявления инициативы и погружаясь в мысли о последствиях.

— Значит, не судьба! — улыбнулась Соня. — О! Вот он!

Девушка улыбнулась максимально эффектно: выражение её лица сменилось на кукольное и милое, которого Ольга до этого не видела. Надо же, какая метаморфоза!

Соня ускорила шаг и направилась к молодому человеку, болтающему с каким-то студентом. Симпатичный парень, чего уж там. Да больше и сказать нечего. Симпатичный — и всё! Таких просто симпатичных людей — практически всё население земного шара, да и в принципе это вопрос субъективного восприятия.

Ольга молниеносно уткнулась в экран едва отвернувшись от подруги, которая будто на доске для сёрфинга, скатываю-

щейся с огромной волны, подлетела к ничему не подозревающему студенту.

Демьян прислал несколько сообщений. Ни в одном из них не было и намёка на предложение встретиться. Праздничные разговоры. Нет, они, конечно, тоже были интересны, поскольку именно из них Ольга узнала то, что волновало её больше всего на тот момент, а именно: Демьян не был женат раньше, не женат сейчас и у него нет детей. Эти заверения, безусловно, ещё предстоит проверить, но они звучали куда приятнее, чем если бы мужчина сказал обратное.

Ольга какое-то время гоняла в голове дурные догадки и мысли, гадая: а что, если он всё-таки скрыл правду о своём гражданском статусе и наличии детей? Что тогда она будет делать? Начинать отношения с женатиком или мужчиной с детьми ей совсем не хотелось: не в том она была возрасте, когда выбора уже нет и приходится довольствоваться тем, что дали. Да и зачем ей чужие обязательства в виде его детей?

Но затем девушка одёрнула себя, напомнив: с ней ещё никто никакой роман не начал — и вовсе не факт, что начнёт. Так стоит ли обвешивать себя тягостными думами о пока ещё нереальных событиях?

В сообщениях Демьян много спрашивал — гораздо больше, чем рассказывал о себе. Его интересовало всё. Абсолютно всё! Что было и странно, и удивительно. Ранее демонстрировавший способности чуть ли не экстрасенса, мужчина вдруг превратился в типичного обывателя, сыплющего во-

просами.

Ольга отвечала. Старалась отвечать правду. Самым сложным оказался вопрос о том, были ли у неё отношения и как долго они длились. Ей очень хотелось написать что-нибудь эдакое, что привлекло бы Демьяна ещё больше, но придумать ничего так и не удалось, поэтому пришлось признаться в правде. Отношений у неё не было — не считая малочисленных попыток погулять с мальчиками, заканчивавшихся ничем. То парни исчезали сами, то она сводила дальнейшее общение на нет, так как не было никакого притяжения.

На все её ответы Демьян реагировал немногословно, отвечая либо «понятно», либо «ясно», и тут же насыпал новую охапку вопросов. Ольга даже пошутила в ответ, спросив, не сидит ли он с огромным опросником, готовя на неё досье, и вообще нормально ли задавать так много вопросов, когда она просто хотела встретиться.

— Ну? — с нетерпением спросила Ольга Соню, едва та вернулась.

Лицо подруги сияло, глаза сверкали, и казалось, что девушка вот-вот запоёт соловьиной трелью и в пляс пустится.

— Договорились прогуляться после учёбы. У него сегодня шесть пар, так что придётся мне его подождать, — улыбка на лице воодушевлённой девушки, казалось, застыла и укоренилась навсегда.

«Получается, ничего страшного, если девочка приглашает мальчика. Это работает точно так же, как и наоборот», —

отметила про себя Ольга, последовав за подругой.

— Слушай! — Соня внезапно остановилась. — А почему ты говоришь, что не хочешь навязываться? Вы же уже полгода встречаетесь! У вас уже не должно быть вот этого «навязываться», разве нет?

Ольга вздохнула и опустила голову. Похоже это был самый подходящий момент, чтобы раскрыть карты и признаться, что правда ой как далека от увлекательных фантазий девушки.

— Да не встречаемся мы полгода! — брякнула она, даже не желая смотреть на подругу от стыда. Но глаза сами переметнулись на Соню в поиске признаков того, что та не обиделась. — Пока что... И нет у меня никакого парня, — закончила Ольга.

— Я так и думала! — прыснула со смеха Соня. — Так и думала!

— Чего это вдруг? — обиженно воскликнула Ольга. — Я дефективная, что ли? Почему это у меня не может быть парня?

— Да может, может, — затараторила Соня, размахивая рукой. — Но именно в этом случае я сразу поняла, что ты выдумываешь! Слишком внезапно появился парень, слишком уж солидный срок для того, чтобы так качественно его скрывать. Да и ни на один вопрос о ваших отношениях ты так и не смогла ответить! Потому что ответить нечего. Единственное, чего я не пойму: зачем ты всё это придумала?

— Ну из-за Аксёнова же! — обиженно буркнула Ольга.

— Достали уже все считать, будто я втрюхалась в него.

— А что, это не так?

— Твою мать, нет! — выругалась Ольга, поспешно убирая волосы за ухо. — Есть парень... — Ольга замолчала, на секунду задумавшись, стоит ли рассказывать, а потом продолжила, — я хочу, чтобы он был моим парнем.

— А кто это? — любопытство в голосе подруги рвалось явить себя миру. — Кто-то из старших?

— Не-а, — отмахнулась Ольга. — Вообще не из института. Я в интернете с ним познакомилась.

— В интернете? — удивлённо повторила подруга.

— Да. Помнишь, ты как-то говорила про сайты знакомств?

— Угу.

— Ну вот, ты поговорила и забыла, а я взяла и скачала приложение. Короче, смэтчились и начали общаться. На этих выходных встретились. Общаемся и дальше, но пока он больше не предлагает увидеться, — грустно вздохнув, Ольга закончила свою историю.

— Красивый? — глаза Сони загорелись ещё ярче, чем когда она вернулась после разговора со старшекурсником. — Сколько ему лет? Где учиться? — посыпались вопросы.

— Двадцать девять лет ему, отучился уже давно! Счастливчик, — улыбнулась Ольга. — Не знаю насчёт «красиво-го», не могу сказать. Красота слишком субъективна и кон-

цептуальна. Но он... притягательный. Как будто магнит, а не человек! Тянет к нему — и всё тут. Необычный. По крайней мере, для меня. Я могла бы часами смотреть на его лицо.

— Фотка есть? — заинтересованная подруга с нетерпением смотрела на Ольгу. — Покажи!

Оля вытащила телефон, открыла папку с изображениями и протянула Соне. Девушка замерла, разглядывая таинственного мужчину с пронзительным взглядом и невероятным уровнем магнетизма. Ольга даже занервничала, взволнованная внезапным исступлением подруги, спровоцированным снимком человека, о котором она, оказывается, уже начала грезить.

— Да-а-а, — тихо протянула Соня, наконец возвращая телефон хозяйке. — Действительно, магически притягательный. Симпатичный. Но красивый для меня — Брэд Питт! — рассмеялась Соня и внезапно стала серьёзной. — Он не женат?

— Нет, — Ольга пожала плечами. — По крайней мере, он утверждает, что не женат и не был, а там кто же его знает. Может, и женат, может, и детей куча бегают. Всё может быть. Как я проверю? Да и не самое это страшное...

— В смысле? — возмутилась Соня. — То есть наличие жены тебя не смущает?

— Конкретно в этом случае меня больше смущает его поведение... Если есть жена — хорошо, значит, тихо попрошачусь. А вот если он маньяк, как мне кажется, то можем даже

не успеть попроситься. Замочит меня где-нибудь на тихой улочке.

Соня испуганно посмотрела на подругу. Да уж, о таком развитии событий она и не подумала!

— А что такого маньячного он делает?

— Ничего, в принципе, но ведёт себя странно, — Ольга отрешённо посмотрела на Соню.

— А в чём выражается это «странно»? Реально не понимаю! Труссы на голове носит?

— Нет, — улыбнулась Ольга. — Глупости не говори. Он просто знает то, чего знать не должен. Забей, короче. Я с ним пообщаюсь, и рано или поздно истина проявится. Невозможно же врать без палева всё время. Пойдём уже, звонок скоро, а мы ещё даже на другой этаж не спустились.

Пара шла в своём типично заунывном ритме. Предмет не вызывал интереса, напоминая плохо исполненную панихиду, слушать которую невозможно, но и уйти нельзя. Писать Ольга ничего не хотела: все мысли крутились вокруг одной-единственной темы и отвлекаться на учёбу вовсе не желали.

Ольга разблокировала телефон: наконец-то можно почитать сообщения, пока Соня отвлеклась на преподавателя и свои дела. Пять непрочитанных от Демьяна! «Пожалуйста, пусть хотя бы одно будет приглашением встретиться», — мысленно умоляла Ольга высшие силы, не зная, к кому конкретно лучше обратиться в таком случае.

Демьян: «Я тебя понял. Ты религиозный человек?»

Демьян: «У тебя много друзей?»

Демьян: «Я люблю, когда обо мне говорят. Девчонки особенно».

Демьян: «Откуда у тебя страсть к маньякам? Точно не хочешь, чтобы я оказался маньяком?»

Демьян: «Я знаю твои мысли, но принципиально буду ждать, когда ты наберёшься смелости и озвучишь их. Мой принцип всегда остаётся в силе: я не делаю того, чего люди не хотят, чтобы с ними сделали».

Оля уже почти привыкла к такого рода высказываниям, решив, что мужчина, скорее всего, обладает некими способностями — может, ясновидящий какой-нибудь. Хотя все эти экстрасенсы и колдуны, безусловно, вызывали у девушки незаурядный интерес. Но только с точки зрения развлечения и расслабления ума: Ольга не верила ни в каких колдунов и волшебный мир. Сказки всё это!

Однако поведение Демьяна с каждым днём общения всё навязчивее вносило смуту в голову. Конечно, не волшебник, не Гарри Поттер, но, видимо, уровень интуиции слишком высок. Нельзя же отрицать интуицию! Она точно есть. Сбывшиеся события, предсказанные на уровне предчувствий, — вопрос сложный: это может быть и банальное совпадение, а может — умение чутко ощущать мир... Или иметь отменное, выше среднего, логическое мышление.

В общем, любой прикол всегда можно объяснить. А если

нельзя — это уже вопрос нехватки знаний, мешающей прийти к правильным умозаклучениям. В любом случае с этим чуваком творится что-то странное и интересное, но хотя бы уже не шокирующее.

Ольга решила ответить на все вопросы в одном сообщении.

Ольга: «Я атеистка, но крещёная. Друзей немного, знакомых полно. У меня нет страсти к маньякам, у меня есть страх перед ними, что вполне естественно. Я ответила на твои вопросы, ответь на мои. С чего ты взял, что я о тебе разговариваю? Откуда ты знаешь мои мысли? Ты телепат?»

Не успела Ольга отправить сообщение, как мессенджер тут же известил: прочитано. Но строчка, уведомляющая о наборе текста собеседником, так и не появилась. Экран телефона погас, и Ольга отвела взгляд.

Уставший преподаватель распинаясь у доски. О чём он там? Какой предмет? Чёрт его знает — говорит словно не по-русски. Взгляд продолжил свой путь, быстро окинув сидящих вокруг одноклассников. Кто-то внимательно слушал речь преподавателя, кто-то рисовал в тетради и устало подпирал голову рукой, кто-то перемигивался и перешёптывался, посмеиваясь. Аксёнов строил глазки Ковалёвой, расплываясь в улыбке идиота. Лена же, держа царскую осанку, бросала в сторону парня быстрые и незаметные взгляды — так, чисто проверить, что он там делает, и она ли всё ещё объект его внимания.

Ольга отвернулась к окну и замерла.

На ветвях растущей неподалёку берёзы сидела огромная чёрная птица. Та самая! Которая прилетала к скамейке. Это точно она! Голову можно было дать на отсечение — та же самая птица!

Иступление. И шок.

Смешение чувств монолитной плитой обрушило понимание и фонтанирующий до этого поток мыслей. Обволакивающая тишина быстро поползла по сознанию, не давая ни единой надежды на возобновление мыслительного процесса.

Птица сидела на ветке, переминалась с когтистой лапы на лапу, сбивая снег, и то и дело зыркала чёрными глазами на явное удивление, застывшее на лице девушки. Пернатая будто наслаждалась им: поворачивала голову набок, смаковала человеческую эмоцию, хохлилась, открывала и клацала клювом, ворочая толстым языком, похожим на мерзкого кольчатого червя, присосавшегося к глотке вместо языка.

Ольга не дышала, не моргала и вообще не шевелилась, полностью поглощённая картиной за окном. Она не слышала, как преподаватель начал опрос. Не слышала, как Соня о чём-то спрашивала. Не слышала, как мужчина у доски назвал её фамилию и задал вопрос.

Она ничего не слышала и не видела. Только громкий, низкий вороний крик, проходящий сквозь толстый слой стекла, разделявшего тёплое помещение, заполненное студентами, и пустую, холодную зимнюю улицу. Ольга отчётливо слы-

шала всепоглощающее, окутывающее и до чёртиков страшное «КА-А-АР», вызывающее холодные, пропитанные ужасом мурашки, от которых волосы вставали дыбом.

— Аллё, блин! — где-то далеко, будто из глухого леса, Ольга услышала голос Сони и ощутила лёгкий толчок в бок.

— Смотри! — могильным голосом произнесла Ольга, тыкая пальцем в окно.

— Да тебя спрашивают! — злобно шикнула в ответ Соня, затем сменила негодование на заискивающую улыбку и добродушно посмотрела на растерянного преподавателя.

Ольга, осознав наконец, где находится, тоже оторвала взгляд, полный непонимания и страха, от будто усмехающейся птицы за окном, и посмотрела на лектора. Мужчина изумлённо таращился на девушек, мысленно поставив обеим с десяток диагнозов и в итоге заподозрив в наркомании. Ответа он уже не ждал, понимая, что не услышит ничего вразумительного от этой парты. Но решил на всякий случай всё же повторить вопрос — чем чёрт не шутит?

Ольга слышала буквы, привычно сплетающиеся в знакомые слова родного языка, но откровенно признавалась себе, что не понимает ни единого слова и ни грамма смысла. Речь перестала быть речью, сохранив лишь уровень шума. Сквозь неё пробивалось монотонное карканье сидящего за окном ворона.

— Я... — чуть слышно произнесла Ольга. — Я не готова. Так было проще всего ответить: у преподавателя отпали

любые вопросы, а Ольга избавилась от его пристального внимания. Но не от внимания группы. Студенты похихикивали и продолжали поглядывать на потерянную и ничего не понимающую девушку. Для них она выглядела так, будто только что проснулась и внезапно оказалась на лекции.

В журнале расположился ещё один красивый «лебедь», пополнив стаю. Ольга и сама не особо осознавала своё положение в преддверии зимней сессии: она сбилась со счёта, пытаясь сосчитать «двойки» в журналах. Да и плевать! Внутри уже не первый день бурлил удивительный поток разношёрстных эмоций, которых она никогда не получала от учёбы да и от жизни в целом. А живут один раз! И раз уж судьба подсунула возможность разнообразить скучную сухость примитивных и успевших опостылеть чувств, нужно хвататься за неё руками, ногами и зубами. Что Оля и сделала.

Птица всё так же сидела на ветке, сжимая её когтистыми лапами, и зыркала на Ольгу. Именно на Ольгу! Ворона не интересовало ни одно другое лицо в аудитории, ни происходящее на улице. Он явно прилетел и уселся за окном с какой-то своей целью: ни пожрать, ни погреться, а ради чего-то иного. Но ради чего?

Экран телефона загорелся: пришло сообщение от Демьяна. Затем ещё одно.

Незаметным движением девушка смахнула блокировку, и её глаза жадно впились в экран.

Демьян: «Вдоль по морю синему плыла лебедь белая... а

за ней ещё одна. Ты помнишь, что без диплома никуда? Что никто не поверит в твои знания? Без бумажки — ты какашка».

Демьян: «Завораживает ворон, не правда ли?»

Ольга перевела взгляд на окно: ворон приподнялся, расправил огромные крылья и взмахнул ими, подняв в воздух тучу снежинок с ветвей, затем открыл клюв и каркнул. Точно каркнул! Даже сквозь современный стеклопакет Ольга услышала этот утробный, басовитый кар.

Ольга: «Откуда ты знаешь про птицу?»

Демьян: «Я расскажу, но не сейчас».

Ольга: «Когда?»

Демьян в ответ прислал эмодзи, пожимающий плечами. Ольга поджала губы. Интерес и желание узнать правду уже были на пределе. Было уже плевать: маньяк или нет, местечковый убийца или профессиональный киллер — да пофиг! Просто хотелось узнать правду.

Ольга: «Сегодня? Давай встретимся сегодня?»

Сообщение практически мгновенно приобрело статус прочитанного, и Ольга представила, как на губах мужчины растягивается победоносная улыбка.

Демьян: «Заеду за тобой в институт».

Ольга: «Знаешь адрес?»

Зачем спрашивать то, что и так известно? Ольга покачала головой, мысленно ругая себя за очередной идиотский вопрос. Конечно, он знает! Он, чёрт возьми, всё узнает! И нуж-

но обязательно выяснить — откуда.

Демьян ничего не ответил на это и больше не писал в течение дня. Ольга проверяла телефон каждые пять минут в надежде всё же увидеть сообщение от него, но тщетно. Сама она решила тоже больше не писать: и так позора на голову свалилось из-за того, что первая пригласила, — ещё и первой начать напisyвать? Ну уж нет! Но втайне от себя, боясь признаться самой себе, девушка продолжала надеяться, что вот-вот придут заветные слова и приглашения.

По окончании пар Ольга вышла из университета, быстро попрощалась с Соней и любезно помахала одноклассникам, в душе ненавидя их за черепаший шаг и нежелание ускориться и свалиться поскорее из поля зрения. Краем глаза, будто невзначай, она принялась рассматривать территорию, надеясь заметить знакомый силуэт.

Вокруг было полно студентов. Конец четвёртой пары — и множество учащихся с разных факультетов разбежались по территории учебного заведения по своим делам. Среди этой ликующей толпы выловить одного отстранённого и безразличного ко всему человека не так-то просто.

Ольга присела на корточки, делая вид, будто завязывает шнурки, и осмотрелась более внимательно. Нет. Мужчины абсолютно точно здесь нет. И там тоже. И там... Может, он за забором? На остановке?

Ольга поднялась — и упёрлась взглядом в фигуру, будто только что выросшую из-под земли.

— Привет! — Демьян окинул быстрым взглядом ошеломлённую девушку

Она, в свою очередь, тоже не отрывала от него глаз, полных такого микса эмоций, что было сложно уместить их в одно емкое слово, способное описать её состояние.

— Откуда ты взялся? — не сдержалась Оля.

— Я был здесь, ты просто не заметила меня.

— Нет, — Ольга нахмурилась, — тебя здесь не было.

— Откуда ты знаешь? — коронная, едва заметная улыбка появилась на его щетинистом лице. — Искала меня?

— Нет, не искала, — соврала она. — Просто я бы заметила, если бы ты был тут.

— Видишь, ты не заметила, — Демьян ещё раз окинул девушку взглядом. — Пойдём?

— Пойдём, — безвольно согласилась она и сделала шаг вперёд. — А куда?

— А куда хотелось бы?

Ольга задумалась. Действительно, а куда же идти? На улице зима набирала обороты: чем дальше земля отворачивалась от и без того тщедушного солнца, тем становилось холоднее. В кафе? Денег и так не густо, а за его счёт не очень хочется — мало ли что. К тому же мысли об оплаченной бариине всё ещё не улеглись, твердя, что должок за ней все-таки числится.

— Не знаю, — сдалась Ольга. — Пошли гулять?

— Гулять? — мужчина изучающе посмотрел на лицо де-

вушки.

Её щёки и нос уже покрылись зимней краснотой: ещё максимум полчаса — и начнут стучать зубы. Разве под стук зубов приятно прогуливаться? Вряд ли.

— Поехали ко мне?

Ольга мгновенно подняла глаза. Неожидавшее предложение застало её врасплох, и это было очевидно — да она и не пыталась скрыть. На её лице отпечатался нескрываемый страх. Казалось, она даже дышать перестала, крепко задумавшись над предложением и оперативно взвешивая все «за» и «против». И хочется, и колется! Всё это легко считывалось с девичьего лица. В глазах зажглось пожарище любопытства, готовое прямо сейчас бежать впереди мужчины — только дорогу покажи. А вот тело напряглось и приготовилось бежать, но в противоположную сторону, подальше — туда, где она снова обретёт спокойствие и безопасность.

— Зачем? — аккуратно спросила она, поёжившись, но все не от холода.

— Боишься? — Демьян улыбнулся.

Его глаза всё так же пытливо изучали метаморфозы на лице девушки. Они его забавляли и умиляли: давненько он не видел такой детской непосредственности и невинности.

— Нет, — тут же отрезала Ольга. — Просто хочу узнать зачем.

— Ну, не хочешь — как знаешь, я просто предложил, — Демьян кивнул. — Пойдём гулять.

«В смысле — гулять?!» — хотела было возмутиться девушка, но успела сдержать порыв. Понятное дело, что гулять ей уже не хотелось — да чего отпираться! Ей хотелось в гости к этому мужчине, но было безумно страшно. Вдруг он завезёт её совсем не в гости? Изнасилует? Убьёт? Будет издеваться? Или ещё чего похуже...

— Ну нет, я просто хотела понять, что мы будем делать. Я не говорила, что не хочу, — Ольга тут же пошла на попятную.

— А что мы будем делать, пока будем гулять? — безразлично спросил он.

— Общаться.

— Ты сама отвечаешь на свои же вопросы.

— Хорошо... поехали. А далеко? — снова всполошилась девушка.

— Лесная улица говорит тебе о чём-то? — Демьян неспешно шагал впереди, Ольга последовала за ним.

— Честно говоря, нет. Где это? В Москве хоть?

— Ну конечно, на Белорусской.

Девушка даже выдохнула с облегчением: Белорусская — это почти центр города. Вряд ли мужчина будет истязать её прямо там. Да и ехать по прямой домой, до «Автозаводской», минут двадцать максимум. На пару часиков заехать — и потом домой.

Девушка достала телефон и быстро настрочила сообщение маме: мол, будет позже, потому что пошла погулять с

институтскими — и убрала звук. То, что мать начнёт перезванивать и допытываться о деталях, заодно сыпля угрозами о том, что к сессии никто не готовится, Ольга знала наперёд. Но при мужчине отчитываться перед матерью за своё поведение, словно десятилетний ребёнок, ей совсем не хотелось. Она уже взрослая! Ей восемнадцать! Имеет полное право принимать любые решения самостоятельно.

И она своё решение приняла. Сбросив очередной звонок матери, Ольга написала ей, что всё в порядке и говорить неудобно, перезвонит потом, — и убрала телефон с глаз долой.

— И куда ты? — услышала она голос Демьяна и остановилась.

Мужчина стоял возле припаркованного чёрного автомобиля. Тихим, необычным писком машина была снята с сигнализации. Демьян открыл дверь с пассажирской стороны и кивнул на сиденье.

— Садись.

Ольга медленно подошла к машине, но садиться не спешила.

— Ты боишься? — усмехнувшись, спросил Демьян, разглядывая притягательную панику на лице девушки.

— Слушай, — замялась она в ответ, — я тебя совсем не знаю, а то, что знаю... у меня нет никаких гарантий, что это правда, и я...

— Ты боишься, — констатировал мужчина.

Захлопнув дверь, он подошёл к девушке, внимательно разглядывая её расширенные зрачки.

— Вдруг ты меня в лес везёшь? Изнасилуешь? Убьёшь? Пытать будешь? — девушка сложила руки на груди.

Теперь прогулки по зимним московским улицам не казались уж столь неприятными и холодными. Лучше заведомо известный мороз, чем неизвестность в чёрной машине!

— Что из этого пугает тебя больше всего? — улыбнулся он. — Мне кажется, я говорил, что никогда ничего не сделаю без согласия человека. На что ты согласна? Чтобы тебя изнасиловали в лесу? Убили там? Или просто убили?

— Да ни на что из этого! — возмутилась Ольга.

— Значит, ничего из этого не будет.

— Как я могу быть уверена?

— Никак. Только путём доверия. Я знаю, что очень сложно довериться незнакомому человеку, тем более женщине — незнакомому мужчине. И у тебя сейчас две дорожки: поверить и сесть в машину или не поверить и не сесть. Пойми одну простую истину: силой я могу заставить кого угодно сделать всё что угодно. Но разве это интересно? Думаешь, я настолько убогий, что не смогу соблазнить женщину? Или я не могу пойти и снять проститутку, которая без принуждения сделает всё, как я хочу?

Ольга снова пожала плечами и неуверенно посмотрела на автомобиль.

— Умереть она тоже сама согласится?

Демьян вздохнул и снова открыл дверь машины.

— Садись.

Девушка огляделась по сторонам: на улице никого, ни единой души! Будто все вымерли, осталась только зима — такая же тихая, беззвучная и мёртвая, как и вся улица, буквально пятнадцать минут назад наполненная счастливыми студентами. Тут она вспомнила о госномере автомобиля...

— Сейчас! — обрадовавшись, кивнула девушка, достала мобильный и написала сообщение Соне: «Я поехала с Демьяном. Если завтра не появлюсь в чате, то сообщи куда следует. Номер машины: Р663РР777. Телефон убираю, общаюсь с ним, отвечать пока неудобно».

Убрав телефон, Ольга села в машину, мысленно перекрестившись и попросив у Всевышнего защиты. Демьян усмехнулся, закрыл за девушкой дверь и уселся за руль.

В машине было тепло: огромная груда железа ещё не успела остыть. Затемнённые стёкла искажали цветовую гамму белоснежной улицы, добавляя едва уловимые коричневые и бордовые оттенки. Красочная приборная панель включилась, едва Демьян завел двигатель, и в салоне заиграла расслабляющая музыка.

На мягком кожаном сиденье Ольга внезапно почувствовала себя так уютно, так по-домашнему! Ей захотелось скинуть с себя пуховик и ботинки, поджать ноги, поставить рядом кальян и просто наслаждаться умиротворяющей атмосферой.

— Пристегнёшься? — бархатистый голос Демьяна плавно влился в обстановку, словно сильнейший релаксant. Именно его голоса, кажется, и не хватало.

— Что? — переспросила девушка.

— Пристегнись, говорю, — Демьян улыбнулся и мягким движением руки переключил передачу.

Высокий автомобиль осторожно, но уверенно вылез из снега и крадучись поехал по пустой дороге. Ольга ощущала себя на корабле, на палубе рядом с капитаном, пока нос огромного судна, плавно покачиваясь, скользил по волнам, убаюкивая нервы.

Ольга закрыла глаза и мысленно попрощалась с родителями и друзьями — так, на всякий случай. Наступил момент принятия неизбежного, пусть пока и неизвестно: хорошего или плохого. Русское «а вдруг» или «авось» — штука провокационная, бросающая вызов, мимо которого Ольга с её гипертрофированным любопытством пройти не смогла.

Атмосфера в машине была настолько расслабляющей, что подсознательно Ольга всё больше гоняла мысли о затишье перед бурей, вспоминая книги и фильмы, где перед шокирующими событиями в кадре разливались молочные реки нирваны и, казалось бы, ничто не предвещало беды.

— Не холодно? — спросил Демьян, краем глаза поглядывая на сидящую рядом девушку.

— Нет, — Ольга вздрогнула, услышав голос мужчины, и отвлеклась от фаталистических мыслей о необратимости бы-

тия. — Знаешь... — в её голосе отчётливо прозвучала мольба, — если ты всё-таки планируешь меня убить или ещё что-то в этом роде... можешь сделать так, чтобы я не мучилась?

Демьян прыснул от смеха, покачивая головой. На его лице отразились досада и разочарование.

— Что же у вас, девчонок, в головах? — вздохнул он. — Как с такими мыслями можно было сесть ко мне в машину?

Ольга пожала плечами.

— Да нет у меня таких мыслей! Я просто на всякий случай...

— Именно такие мысли у тебя и есть! — перебил он её. — Почему ты меня не слушаешь?

— Я слушаю! — возмутилась девушка и осмелилась наконец повернуться к водителю лицом, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Не-а, — ответил Демьян с укоризной. — Не слушаешь. Я неоднократно говорил тебе, что ничего не делаю без разрешения людей, но этого так никто и не услышал. Или услышал, — чуть повысив голос, продолжил он, — но по-прежнему страстно хочет видеть рядом с собой психопата, потому что в жизни не хватает адреналина! Тебе ведь не хватает адреналина, да?

Ольга слегка опешила от тона, которым заговорил мужчина. Он не был угрожающим или пугающим — скорее предупредил о том, что Демьян начал слегка уставать от сомнительных и навязчивых предположений девушки. Она очень

хорошо слышала и прочувствовала эти нотки.

— Да нет, я вообще не адреналинщица и экстрим не особо люблю...

— Ну а что тогда? Зачем спрашивать одно и то же, даже не всегда разными словами? Услышь, пожалуйста, меня и не вынуждай оправдываться и повторять одно и то же. Я этого не люблю.

Демьян отчитывал девушку, но в его голосе не звучало ни злости, ни ненависти, ни даже единой нотки раздражения. Его речь была доброй, но требовательной, подавляющей и властной. Ольге не хотелось ни перечить, ни возражать, да и чувство напряжения исчезло. Внезапно девушка ясно осознала, что Демьян не может быть убийцей. Просто такого быть не может! Может, он странный — хотя нет, он точно странный, необычный, — но не убийца.

— Хорошо, — согласилась девушка и улыбнулась, — оставим эту тему.

— А какую не оставим?

— Как ты узнал про птицу? — Ольга посмотрела на мужчину.

Сейчас ей было необходимо видеть его эмоции, успеть заметить, что и как изменится на его лице. Но там ничего не изменилось. Ни один мускул не дрогнул, ничего не шевельнулось — будто прозвучал совершенно праздный, обыденный вопрос.

— Твоё любопытство бежит впереди тебя, красotka! —

мужчина остановил машину на светофоре и повернулся к изумлённой девушке.

Её щёки покраснели, глаза округлились. Слово «красотка» явно пошатнуло мнимую устойчивость девушки. Пошатнуло настолько, что она даже не смогла собраться с мыслями, чтобы хоть что-то ответить.

— Что с тобой? — Демьян прикинулся ничего не понимающим дурачком, но ёрническую ухмылку даже не стал прятать.

— Ничего, — смущённо ответила Ольга. — Просто меня красоткой ещё никто не называл... даже родители.

— Хочешь сказать, я ошибся? И ты не красотка?

Машина вновь тронулась, дав Ольге время выдохнуть и подумать, будучи уже не под прямым взглядом мужчины. На языке вертелась целая куча односложных, не связанных между собой слов, но они никак не хотели складываться в предложения, никак не хотели приобретать смысл — просто словесное копошение жирных мух.

— В чём дело? — Демьян снова подал голос, но, к счастью для девушки, не смотрел в её сторону. — Ты чего так растерялась?

— Не знаю, — пожала плечами Ольга. — Да, никто и никогда не говорил мне, что я красивая, и сама я так не считаю. Точно есть и покрасивее.

— Ты про внешнюю оболочку, — Демьян быстро взглянул на Ольгу, успел полностью окинуть взглядом её лицо и

тут же вернулся к дороге. — Внешняя оболочка — это лишь оболочка, она не имеет значения.

— Ну почему же! — возразила Ольга. — У красивых — действительно внешне красивых — больше шансов во всём, не только в отношениях.

— Возможно. Но оболочка имеет свойство меняться. Неудобную оболочку можно превратить в естественную и красивую. То, что подлежит корректировке, да ещё и с помощью человеческих рук, не стоит внимания мироздания. Сегодня красивая, а завтра у хирурга рука дрогнула — и скальпель проткнул глаз. Я утрирую, конечно же. То, что бесценно, находится под бронёй, защищающей от внешнего воздействия, обладает естественной красотой и находится вот здесь...

Демьян быстрым движением прижал ладонь к груди девушки.

Ольга перестала дышать. Она замерла, ожидая реакции от самой себя. Но тело в одну секунду покрылось воском, застыв со скованными мышцами. Ни движения, ни звука — лишь едва заметное, учащающееся дыхание и всё быстрее вздымающаяся грудная клетка.

Тут же внизу живота фонтаном растеклась горячая лава, направляясь к сердцу и приятно облепляя всё изнутри. Возбуждение. Разум так и не отважился ни на один звук — ни вслух, ни в тишине подсознания. Ничто не возражало против этого прикосновения, наоборот, всё тело подалось навстречу

руке, будто в мужской ладони находился огромный магнит, притягивающий человеческую плоть.

Вместо желаемых возражений, бунта или хотя бы притворного «ты чего?», Ольга услышала немой голос в теле, шёпотом просящий мужскую руку опуститься чуть ниже, прикоснуться к телу, залезть под кофту. Молния на куртке чуть расстёгнута — места вполне хватит, чтобы ладонь проскользнула туда, где тепло, туда, где разгорается жар юношеской, неукротимой и непокорной страсти.

Девушка закрыла глаза, и едва слышный вздох, вырвался из её груди.

— Меня в людях интересует только начинка, — подытожил Демьян и убрал руку, скрывая победоносную ухмылку.

Ольга, едва прикосновение прервалось, тут же открыла глаза, мысленно обругала себя всевозможными словами, напрыглась и поёжилась.

— Понятно, — быстро ответила она, лишь бы хоть что-то сказать. — В смысле, я поняла... А что всё-таки с птицей?

Ей-богу, тема мистической птицы сейчас уже не казалась такой животрепещущей, как предательски быстро намокающие от прикосновений и взглядов мужчины трусики. Лучше уж страшная и необъяснимая птица, чем обнажение души «красотки», которая, очевидно, готова убого раздвинуть ноги перед малознакомым мужчиной прямо сейчас!

Мужчина покосился на девушку, ловко сворачивая во двор. Как они добрались до места, Ольга даже не успела по-

нять, что её вовсе не удивило: мозг был занят чем угодно, но явно не следил за дорогой — это было ему абсолютно неинтересно.

— Терпение, друг мой! Терпение! — Демьян будто издевался. — Всему своё время. Могу клятвенно пообещать, что без ответов ты не останешься. Доверься мне полностью, раз начала делать это частично.

— С чего ты взял, что я доверяю? — возмутилась девушка.

— Иначе ты не села бы в машину, не имея ни грамма доверия. А где есть грамм — там будет и килограмм, и тонна. Мы приехали. Вот мой дом.

Сталинка. Пятиэтажка. Метро «Белорусская» в десяти минутах ходьбы, что не могло не радовать плохо соображающую девушку. Уже абсолютно точно радовало, что оказались они не в глухом, безлюдном лесу. Вокруг дома — куча припаркованных машин, люди ходят, собаки гуляют... Атмосфера обычной мирской жизни и само её наличие добавили девушке уверенности, что этот мужчина не убьёт её, по крайней мере, сегодня и здесь.

Демьян, найдя свободное место, слегка заваленное снежными комьями и свежими снежинками, аккуратно — можно сказать, умиротворённо и ювелирно — припарковал машину.

— Посиди! — попросил он, увидав, что девушка отстегнулась, и вышел из автомобиля.

Каково же было удивление Ольги, когда Демьян открыл ей дверь и подал руку.

— Аккуратнее, здесь много льдин.

Девушка выбралась из машины и отошла в сторону, переваривая, казалось бы, обыденную, нормальную ситуацию. Настолько этот мужской жест показался ей милым и заботливым, что ей захотелось даже обнять мужчину, стиснуть его что есть сил и поблагодарить за заботу.

Всю короткую дорогу от машины и до двери квартиры они молчали: каждый думал о своём, но никто не осмелился озвучить мысли вслух.

На этаже стояла тишина, не свойственная жилым московским домам. Не было слышно ни скрежета металла, ни подывающего ветра, ни каких-либо движений жизни за дверями соседей. Перед ними возвышалась огромная чёрная дверь «под дерево» с орнаментом по периметру, обильно покрытая лаком, угрожающе и предупреждающе поблескивая в подъездной полутьме.

— Твоя квартира? — осторожно спросила Ольга, незаметно разминая онемевшие пальцы и стараясь вытереть вспотевшие ладони.

— Да, — Демьян вытащил из внутреннего кармана пальто ключи. — А что? Что-то смущает?

— Нет, ничего, — тут же ответила Ольга и поёжилась. Не от холода. Лестничная клетка и её молчаливый антураж, честно говоря, наводили жуть. — Соседи есть?

— В смысле? — Демьян посмотрел на девушку и замер со сжатым ключом, поднесённым к личинке замка с развёрнутым чёрным ртом.

— Ну... Здесь так тихо. Как будто людей нет, — озираясь по сторонам, ответила Ольга.

— Зачем тебе люди? — замок щёлкнул, и дверь тяжело распахнулась, открывая длинный коридор.

Если бы не тусклый свет пары бра на стенах, тьма казалась бы воистину всепоглощающей.

— Заходи, — он пропустил девушку вперёд.

Тяжёлая дверь грузно захлопнулась, и на уши снова опустился вакуум.

В этот момент девушка ощутила, как уровень тревоги и беспокойства вновь пополз вверх. Внешне она старалась сохранять спокойствие — выражение её лица по-прежнему оставалось каменным, в то время как ладони покрылись липким холодным потом.

В квартире пахло воском, травами, а может, даже ладаном. Точный запах девушка не могла разобрать, но создавалось ощущение, будто она оказалась посреди амбара, где благоухает свежескошенное и подсушенное сено из луговых цветов. И словно только что опытный пчеловод вытащил пчелиные соты и сливает с них мёд. Это был приятный аромат — не отталкивающий, а скорее расслабляющий и умиротворяющий. Но именно это смутило девушку: как правило, мужчины не ценители такого рода благовоний... да и лю-

бых благовоний в принципе.

— Чем это пахнет? — решила спросить Ольга, чтобы разрушить тягучую и, честно говоря, тяжёлую тишину.

— Нравится? — мужчина улыбнулся и протянул руку, — давай куртку.

Ольга скованными движениями расстегнула молнию, не отрывая взгляда от его лица. Что-то в нём изменилось, вот только что — девушка понять не могла. Возможно, тёмный коридор с тусклыми бра придавал его облику невероятную притягательность. Освещение затемняло глаза Демьяна так, что невозможно было разглядеть, куда именно он смотрит: в глаза или на губы...

Передавая ему куртку, она случайно задела его руку, и у девушки будто разом сократились все мышцы. Это прикосновение и пугало, и будоражило одновременно. Ольга не могла контролировать мимику своего лица — то, как мгновенно на нём появлялось явное удовольствие, тут же сменяющееся приятным страхом. Она не замечала, но Демьян внимательно следил за её невербаликой, мотая на ус всё, что отпечатывалось на её лице. И ему это искренне нравилось — о чём он решил сейчас точно не сообщать.

— Чай? Кофе? Голодная? — спросил он, расправившись с верхней одеждой.

— Кофе... А молоко у тебя есть?

— Обижаешь! — Демьян прошёл по коридору прямо и скрылся за поворотом налево. — Проходи. Я не кусаюсь.

Помни: ничего не будет из того, чего ты сама не захочешь.

Ольга вздохнула, пожала плечами и неторопливо пошла вдоль мрачного коридора. Слева появился проём на кухню — слишком сумрачную, как показалось девушке. Сама кухня была большая, прямо-таки огромная. Если вынести кухонные шкафчики, холодильник и плиту, получилась бы отличная просторная комната с высокими потолками и окном до пола, за которым виднелся застеклённый балкон. Нюанс заключался в том, что на эту кухню совершенно не проникал уличный свет: на окне висели то ли шторы с полным блэкаутом, то ли непроницаемые жалюзи, но что-то категорически мешало дневному свету проникать в помещение.

Стены были покрашены в тёмно-коричневый цвет, а при таком освещении они выглядели почти чёрными. На полу лежал ламинат с подогревом с текстурой под дерево. На потолке по периметру располагалось множество маленьких круглых лампочек. Горели они далеко не все, а лишь малая их часть, создавая, вопреки ожиданиям, мягкую и уютную обстановку. На стенах мягко светили такие же бра, что и в коридоре.

Кухонные столы и плита — естественно, чёрного цвета, с керамическим покрытием — были идеально чистыми. Человеческому глазу привычно то, как блестит белая чистота: белый кафель, белая машина... В целом белый цвет зачастую ассоциируется с понятием чистоты. Кухня Демьяна, не имевшая ни единого предмета хотя бы светлого оттенка, полно-

стью погруженная в тёмные, казалось бы, удручающие тона, блестела чистотой, будто отполированный чёрный бриллиант, сверкающий в лучах заходящего солнца.

Удивительным это зрелище было ещё и потому, что это была кухня мужчины. Ольга неоднократно слышала, как бубнит мама, отмывая кухонные поверхности после того, как папа поест или — упаси его душу Господи — решит что-нибудь приготовить. Если бы мама увидела кухню Демьяна, её хватил бы сердечный приступ от идеального перфекционизма, творящегося здесь.

В целом содержимое кухни было тривиальным: бытовая техника, шкафчики, столы, стеклянные поверхности — за исключением угла между окном и стеной.

Там стоял угловой столик, покрытый чёрной скатертью или тканью — Ольга толком не разглядела, — угол которой спускался почти до самого пола. На столе стояла посуда, назвать которую тривиальной составляющей современной кухни язык никак не поворачивался. Посудины были по меньшей мере винтажными: в них отчётливо прослеживались нотки готического стиля, смешанного с древней алхимией, обрамлённые металлическим ажуром. По форме они больше напоминали пиалы или небольшие декоративные салатницы. С этого ракурса Ольге показалось, что их было не больше трёх.

На стене чуть выше столика виднелось нечто наподобие икон: некие фигуры, облачённые в старинные тёмные одея-

ния, окружённые различными символами. Ольга плохо разбиралась в символизме, но ей показалось, что эти знаки очень похожи на руны или какой-то древний язык — может, иврит, пёс его знает. «Иконы» были заключены в рамки, сделанные, судя по всему, из чёрного дерева или материала под него.

В ажурных чашах что-то дымилось и источало тот самый необычный запах, которым была пропитана вся квартира.

Ольга перевела взгляд на мужчину.

Он стоял, опираясь на разделочный стол, сложив руки на груди, и внимательно — без единого намёка на улыбку или веселье — наблюдал за девушкой. Рядом с ним закипал чайник, включения которого Ольга даже не заметила. На мгновение ей показалось, что мужчина сейчас выхватит огромный нож с подставки и погромсает её в секунду. В горле гранитным камнем застрял комок, и ужас сковал её тело, в одно мгновение полностью его парализовав.

Демьян резко махнул рукой — и в его пальцах действительно уже заблестел тот самый нож, о котором только что подумала девушка! Ольга даже пискнуть не успела, как холодное лезвие прикоснулось к её шее.

Вот теперь мир, жизнь, земля и любое движение резко замерли, будто кто-то невидимый дёрнул стоп-кран. Всё остановилось вместе с парализованной девчонкой.

Глазами, полными уже нескрываемого страха и молчаливой, сковывающей паники, Ольга смотрела прямо на мужчи-

ну, боясь не то чтобы пошевелиться, а даже моргнуть. Демьян чуть приподнял уголок губ, улыбнувшись свойственной ему ухмылкой.

— Этого ты боишься? — спросил он тихим шёпотом, который в ушах девушки прозвучал как отчаянный, несуразный звон не ладящих между собой колоколов.

Она ничего не могла ответить — ни единого звука, даже намёка на звук не получилось издать. Во рту со страху всё пересохло; казалось, даже пищевод слипся. Язык мгновенно превратился в отвратительную ветошь — совершенно бесполезную и никчёмную.

Демьян же разглядывал её лицо с нескрываемым наслаждением. И Ольга видела это наглое, беспардонное наслаждение! Именно оно дёргало уголок его губ, заставляя появляться уже знакомую ухмылку.

— Ты хочешь этого? — спросил Демьян и прижал обжигающе холодное лезвие боковой стороной к её шее. Ольга по-прежнему стояла как вкопанная, поглощённая паралитическим ужасом. — Хочешь?

— Нет... — едва слышно, заикаясь, ответила девушка.

В глазах появились слёзы, готовые вот-вот скатиться по щекам, но каким-то невероятным усилием она всё же удержала их.

— Хорошо, — мужчина удовлетворённо кивнул, положил нож на стол и снова повернулся к девушке. — А то я уж грешным делом подумал, что ты хочешь именно этого.

— С какого хрена-то вдруг?! — Ольга искривилась и отпрянула от мужчины, как только поняла, что прямо сейчас ей ничего не угрожает и к ней вернулась способность двигаться. — Какого хрена вообще?!

Слова подвели её: никак не получалось сформулировать внезапно хлынувшее возмущение. Демьян лишь тихо рассмеялся в ответ и достал две большие кружки. Естественно, чёрного цвета.

— Сахар? — он искоса взглянул на девушку.

Та, всё ещё находясь в шоке, отрицательно помотала головой.

— Честно говоря, я устал повторять одно и то же. Давай так, — Демьян развернулся к ней, держа в руках пачку кофе. — Давай договоримся с тобой в последний раз. Здесь и сейчас.

Ольга неуверенно кивнула. Всё ещё пребывая в шоке и охваченная медленно угасающими остатками страха, она решила ничего не отвечать: всё равно ничего дельного из её рта сейчас не вырвется.

Демьян подошёл к ней, окинул её страстным, пожирающим взглядом и осторожно убрал выбившуюся прядь волос за ухо. То ли от его прикосновения, то ли от не ушедшего до конца страха Ольга вздрогнула, но нашла в себе силы не развернуться и не рвануть из этой квартиры сверкая пятками.

— Я ничего не сделаю с тобой до тех пор, пока ты этого не захочешь, — тихо, но твёрдо повторил он, затем тон его

голоса стал ещё ниже, — я усложняю себе задачу: я не сделаю с тобой ничего до тех пор, пока ты сама не попросишь.

Он замолчал, внимательно вглядываясь в глаза девушки. Она с замершим сердцем таращилась на него.

— Мы договорились?

Ольга медленно кивнула в ответ, но мужчина погрозил пальцем перед её носом.

— Нет. Я хочу, чтобы ты это сказала.

— Мы договорились, — повторила Ольга, точно молитву, обращённую к Всевышнему.

— Хорошо, — Демьян ещё раз окинул девушку оценивающим взглядом и вернулся к приготовлению кофе. — Сколько кофе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.